

Бехназ Зарабизаде

ГОЛЕСТАН, 11

Воспоминания Захры Панахирава,
супруги генерала Али Читсазийана

Москва
2019

УДК 821.21/.22-3
ББК 84(5)
3-34

Зарабизаде, Бехназ

3-34 Голестан, 11 / пер. с перс. З. Керимовой. – М.:
ООО «Садра», 2019. – 256 с. – (Военная проза).

ISBN 978-5-907041-25-7

16+

Эта книга посвящается памяти героя Ирано-иракской войны, молодого иранского военачальника Али Читсазийана, защищавшего свою родину до последнего вздоха. Спустя многие годы его вдова делится с читателем воспоминаниями о тех нелёгких, но безмерно счастливых днях, которые были отпущены им судьбой.

Для широкого круга читателей.

УДК 821.21/.22-3
ББК 84(5)

ISBN 978-5-907041-25-7

9 785907 041257

© ООО «Садра», 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

О серии.....	4
Предисловие.....	8
Глава 1. Воспоминания как фильм.....	11
Глава 2. Сватовство и голубые глаза.....	68
Глава 3. Письмо любви.....	109
Глава 4. Медовый месяц.....	122
Глава 5. Мой цветочек.....	143
Глава 6. Одиннадцатый цветник.....	145
Глава 7. Лучше бы мы не ездили с Саидом-агой.....	163
Глава 8. Фиолетовые и розовые занавески.....	174
Глава 9. Яблоки.....	193
Глава 10. Слезы.....	202
Глава 11. Вязание.....	208
Глава 12. Потрескавшиеся гранаты.....	209
Глава 13. Один день жизни с настоящим мужчиной.....	216
Глава 14. Звезда отца.....	238
Глава 15. Снова школьница.....	242
Глава 16. За деревьями.....	244
Глава 17. Язва.....	247

О СЕРИИ

Издательство «Садра» представляет вниманию русскоязычного читателя книжную серию «Военная проза», посвященную событиям Ирано-иракской войны 1980–1988 гг. В эту серию входят художественные произведения иранских писателей, а также документальные и публицистические материалы.

Ирано-иракская война – один из самых жестоких военных конфликтов конца XX века. По сути, он явился попыткой иракского лидера Саддама Хусейна подчинить молодую Исламскую Республику и завладеть богатейшими нефтяными месторождениями пограничной с Ираком области Хузестан. За Саддамом стояли страны Запада, в частности, США и Великобритания, стремившиеся его руками уничтожить в зародыше мятежный революционный Иран. Однако иракское руководство и его западные покровители даже представить себе не могли, с каким мощным отпором придется столкнуться захватчикам, когда иранский народ в едином порыве поднимется на защиту своей страны. Иранцы чуть ли не голыми руками воевали против вооруженного до зубов агрессора, но ни отсутствие новейших вооружений, ни наложенные на страну незаконные международные санкции не могли сломить духа иранского народа. Война, продолжавшаяся восемь лет, с сентября 1980 по август 1988 года,

унесла с обеих сторон сотни тысяч жизней, а ее главным итогом стало то, что мир понял: с Ираном нельзя разговаривать языком силы, ибо народ, опирающийся не только на мощь оружия, но и на глубочайшую духовность и жертвенность, непобедим...

В современной иранской литературе военная проза представлена отдельным и очень ярким направлением. Многие авторы, пишущие о событиях тех лет, сами сражались на передовой – именно поэтому их произведения так документально достоверны. Здесь есть всё: и батальные сцены, и рассказ о трагедии гражданского населения, и – самое главное – глубочайший духовный подтекст. В годы тяжелейших испытаний духовное начало нации в целом и каждого отдельного человека принимает особую окраску, становясь тем стержнем, без которого невозможно ни выжить, ни победить. И, как алые тюльпаны из капель крови павших за родину, так и из светлой и трагической памяти вырастают яркие, берущие за душу произведения, заставляющие думать, сопереживать, а главное – помнить...

Во имя Бога

Имя и фамилия: Захра Панахирава

Дата рождения: 07.03.1347

Заключение брака: 07.01.1365

Имя и фамилия: Али Читсазийан (разведчик и генерал 32-й дивизии «Ансар аль-Хосейн» в провинции Хамадан)

Дата рождения: 20.09.1341

Дата смерти: 04.09.1366, во время военной операции «Наср-8», Мавут

Благодарю многоуважаемую Фарзانه Марди за работу над первыми интервью, а также выражаю свою признательность многоуважаемому Мохсену Сейфикару за примечания к книге и Голамрезе Солеймани, боевому товарищу покойного генерала Али Читсазийана, за искренние и доброжелательные советы.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тридцать лет назад в этой квартире с едва заметным за ветками деревьев белым окном жили люди, которых сегодня нет с нами. Здесь жил Али Читсазийан со своими родителями Насером-агой и Мансуре-ханум, с братьями Садегом и Амиром и единственной сестрой Марьям.

Именно из этой квартиры Али отправился на войну, а в одной из комнат жил некоторое время со своей супругой. Мы расскажем о том самом Али, истории о храбрости и мужестве которого будут интересны не только нашим сверстникам, но и детям.

Два года назад, когда мне захотелось записать воспоминания вдов героев, павших на войне, я была в смятении и не знала, с чьей биографии начать. После долгих колебаний я решила обратиться к душам самих героев, попросив отозваться того, о ком я должна написать в первую очередь. Через несколько дней со мной связалась подруга из Тегерана, сказавшая, что её сотрудница провела многочасовое интервью с супругой покойного генерала Читсазийана и записала её воспоминания. Она спросила, могу ли я завершить начатое ими дело. У меня, конечно, не было причин для колебаний. Герой сам обратился ко мне, и я согласилась. Через два-три дня аудиозаписи интервью Фарзана Марди с Захрой (Фереште) Панахирава

оказались у меня. Помню свое воодушевление в тот день.

Я начала расшифровку аудиозаписей и приступила к организации дополнительных интервью, ради которых несколько раз ездила в Тегеран. Порой и сама Панахи-ханум приезжала в Хамадан для того, чтобы поделиться оставшимися воспоминаниями.

Однажды, когда мы стояли на улице и уже прощались, она сказала, глядя на окна квартиры в доме напротив: «Какие же прекрасные дни мы прожили в этой квартире... Шестой подъезд, четвёртый этаж.. Это была квартира Мансуре-ханум».

Так я узнала, что белое окно, которое можно было разглядеть из нашего дома сквозь ветви и листья деревьев, и было окном той самой квартиры, в которой жил герой войны Читсазийан. Те многочисленные воспоминания, которыми со мной делилась Панахи-ханум, связаны именно с этой квартирой. Услышав эту новость, я испытала необъяснимое чувство, причину которого так и не смогла понять. Там жил мой сосед, которого я никогда не видела... жил в квартире, очень похожей на нашу.

Позже, придя домой, я раздвинула шторы в своей комнате, чтобы снова посмотреть на то самое белое окно. В ту же ночь я передвинула свой рабочий стол к окну и ночами, записывая воспоминания Панахи-ханум, смотрела на соседний дом, представляя, что нахожусь в той квартире. Порой мне казалось, что я вижу за окном Али, поджидающего своих друзей. Я также заметила, что иногда по четвергам ночью у дверей подъезда Али устанавливали объявление, а у окна вешали флаг, на котором была надпись «Общество „Путь мучеников“».

Много дней и ночей я провела за работой, глядя на это окно и сумев пережить вместе с Панахи-

ханум её воспоминания одного года и восьми месяцев.

Мансуре-ханум, мать Али Читсазийана, очень любила жизнь и своих детей. Я видела, как сильно она любит заниматься хозяйством и сажать цветы. Когда включался свет в их квартире, я видела цветы, вьющиеся по стенам и стоящие на подоконниках. Все они росли благодаря ласковым и добрым рукам Мансуре-ханум.

Сколько же всего доброго и недоброго успел повидать этот дом... Смерть членов семьи, одного за другим...

Какие тяжкие дни пережила эта улица... Дни прощания с любимыми обитателями этого дома...

Сколько же было печальных ночей в этой квартире, когда свет до утра оставался включённым. Сколько длинных и горьких ночей...

Ныне по ночам почти до рассвета всё ещё горит свет в этой и соседней квартирах.

*Бехназ Зарабизаде
Осень 1394, Хамадан*

Глава 1

ВОСПОМИНАНИЯ КАК ФИЛЬМ

Проезжая мимо больницы «Абу Али», я сказала:

– Али, через несколько месяцев тут родится наш малыш.

– Здесь? – с удивлением переспросил он.

– Ну, это ведь частная больница. Она лучшая во всём Хамадане.

Али сбросил скорость машины.

– Нет. – ответил он. – Мы пойдём в ту больницу, в которую ходят бедные, а эта – для богатых. Не все могут позволить себе обращаться в подобные места.

...Я была на восьмом месяце беременности, когда в один из дней мне стало очень плохо. В четверг под вечер 31 декабря 1987 года у меня преждевременно начались схватки. О завещании Али я уже всем рассказала. В те дни квартира свекрови была заполнена гостями, и все, включая мою маму, суетились. Как только я сказала маме, что мне плохо, она тут же вызвала такси, и мы поехали в государственную больницу Фатимийе. Не успела я войти туда, как по всей больнице ураганом разнеслась весть о том, что скоро на свет появится ребёнок героически погибшего генерала Читсазийана.

Персонал больницы был очень взволнован, и я с самого начала оказалась окружена врачами и медсёст-

рами. Очень скоро весть разошлась по всему городу. Люди звонили в больницу и расспрашивали обо мне и малыше, а мама, которая всё время находилась рядом, была вынуждена периодически выходить и отвечать на телефонные звонки. Хотя врачи констатировали, что время родов ещё не наступило, главврач дал указание уложить меня в больницу.

В ту ночь я не испытывала болей, но они начались на следующее утро. Врачи и медсёстры снова окружили меня и через несколько часов повторили прежние слова о том, что пока нет повода для беспокойства и что у меня нет признаков преждевременных родов. Но, несмотря на все мои уговоры, мне так и не позволили уехать домой.

Через несколько часов мне снова стало плохо, и мама очень встревожилась. Эти приступы повторялись несколько раз, и при каждом из них меня тут же обступали несколько медсестёр, которые после новых осмотров отрицательно качали головами и повторяли всё те же слова.

В предвечернее время в пятницу, первого января, в ночь рождения пророка Иисуса, снова начались длительные и нестерпимые схватки. Я не знаю, почему мне было так страшно, но я стыдилась всех и переживала, что со мной что-то не так и я не смогу произвести на свет малыша.

Мне было очень больно. Я так скучала по Али и ещё не успела свыкнуться с мыслью о том, что его больше не будет рядом. Его смерть стала ударом для всех, в особенности для меня, и рана разлуки в моей душе всё ещё оставалась свежей. Был тоскливый вечер, и я ушла в себя, тихонько плача и в мыслях общаясь с Али. За эти тридцать семь дней я привыкла звать его всякий раз, когда мне становилось плохо. В тот день я говорила ему:

– Дорогой Али, помоги мне! Неужели с малышом что-то случилось?! Мне стыдно перед врачами и медсёстрами. Люди ждут появления твоего ребёнка. Прошу тебя, сделай что-нибудь. Если ребёнку суждено появиться на свет, сделай так, чтобы это было быстро и без трудностей. Мне не хочется никого беспокоить и доставлять неудобство другим.

После вечернего азана боли усилились. Я с трудом встала и еле совершила омовение и намаз. Промежуток между болями вначале составлял час, затем сократился до получаса. Мама всё так же была рядом. Больше не в состоянии терпеть боль, я сказала ей, что мне очень плохо. Как и раньше, она заволновалась и побежала за медсёстрами, которые снова окружили меня, и одна из них после осмотра сказала:

– По воле Аллаха малыш появится на свет этой ночью.

Через некоторое время пришла врач и дала указание подготовить меня к родам. Меня одели в больничную форму, уложили на носилки и повезли в сторону родильного зала. Увидев маму, бежавшую за мной в слезах, я протянула к ней руку, и врач, сопровождавшая меня в тот момент, поручила одной из медсестёр выдать и маме больничный халат.

Чуть позже она пришла в зелёной медицинской одежде и встала рядом. В те затуманенные болью мгновения я молилась только за малыша. Как и все матери, я переживала за здоровье своего ребёнка, так как за эти тридцать семь дней я столько плакала и печалилась, что думала, будто рожу маленького и немощного младенца. Поскольку в те времена не было таких аппаратов ультразвукового исследования, какие мы имеем сегодня, подруги, родственники и соседки определяли пол ребёнка по опыту и форме живота. Согласно

мнению многих женщин, на свет должна была появиться девочка.

Я была на третьем месяце беременности, когда погиб Амир, брат Али. Какие тяжкие были дни! Каждая минута проходила в стенаниях, печали и рыданиях, затем... ушёл на небеса Али. После его смерти я очень сильно исхудала, так как около недели ничего не могла есть и лишь пила воду. Внешне я не была похожа на прочих беременных женщин, и многие даже не могли поверить в то, что я ношу под сердцем ребёнка.

Боль, словно кровь, разлилась по всему моему телу. Я не хотела плакать, поэтому кусала губы и изо всех сил сжимала руки плачущей мамы, но когда боль усилилась, у меня тоже потекли слёзы. Мама поднесла мою руку к своим мокрым губам и целовала её. От невыносимой боли я начала звать Али, моля его о помощи.

Левую руку я поднесла к лицу, вдыхая запах обручального кольца, которое, как мне казалось, пахло мужем. Я поцеловала его и внезапно увидела Али. Он стоял передо мной и улыбался. Увидев его, я позабыла о боли и не могла поверить своим глазам! Он пришёл ко мне, живой и невредимый, смеялся и успокаивал меня.

– Али, помоги мне, – молила его я, – помоги выдержать эту боль и не кричать. Я не хочу, чтобы кто-то слышал мой голос. Прошу тебя, помоги мне.

Кусая губы, я продолжала сжимать руку мамы, которая сидела возле кровати на полу и молилась за меня. Представляю себе, как невыносимо ей было видеть мои мучения. Про себя я повторяла: «Йа Али!» – и, ничего не слыша, продолжала смотреть на мужа, который стоял в стороне и улыбался мне. Я была словно оторвана от этого мира и не понимала ничего из того,

что он говорит. Окружившие меня акушерки и мама беспрестанно читали вслух салават¹.

Когда раздался голос ребёнка, моё тело ослабло и стало лёгким. Какое прекрасное чувство я испытала в тот момент! Изнурённая, я чуть приподнялась на локтях и увидела, как смеются акушерка и медсёстры. Одна из них, радуясь, сказала:

– Это мальчик! Дай ему Аллах тысячу лет жизни за отца!

Все поздравляли друг друга. Акушерка, взяв ребёнка на руки, спросила меня:

– Вы видели своего красавца? Посмотрите, какой он славный!

Мой черноволосый сынок, хоть и был маленьким, но родился розовеньким и пухленьким.

Али, такой красивый и светлый, как в наши последние минуты прощания, всё ещё стоял рядом и улыбался. Он был так близко, что я чувствовала запах его тела.

– Дорогой Али, спасибо... – прошептала я ему.

Ребёнка уложили на стол рядом с кроватью и, взвесив, сказали:

– Два с половиной килограмма!

Несколько медсестёр окружили ребёнка, а мама с сияющим от радости, заплаканным лицом нагнулась и поцеловала меня.

Оглянувшись, я увидела Али, всё ещё улыбавшегося и стоявшего по-прежнему на том же самом месте. Господи, как же я по нему тосковала! Мне так хотелось, чтобы он подошёл ближе, взял на руки своего сына и сказал мне:

¹ Салават – молитвенная формула благословения Пророка Мухаммада и его семьи, читаемая при упоминании имени Пророка, а также во многих других случаях (*прим. пер.*).

– Ангел мой! Мой цветочек! Спасибо тебе за такого сына!

Мама ушла, чтобы позвонить свекрови и поздравить её с рождением внука. Акушерка и медсёстры тоже вышли, забрав с собой ребёнка, а ко мне подошли другие медсёстры и, уложив на носилки, увезли в отделение для родивших женщин. Моё тело было слабым и бесчувственным, но я всё ещё испытывала боль. Снова оглянувшись и посмотрев туда, где стоял Али, я сказала:

– Дорогой Али, спасибо! Не могу поверить, как быстро я успокоилась. Ты тоже иди со мной. Прошу тебя! Не оставляй меня одну. Я так соскучилась по тебе...

Когда мы покинули родильную палату, я уже не ощущала рядом присутствия Али. Слезы отчаяния наполнили мои глаза и потекли по щекам.

– Дорогой Али! Я столько всего натерпелась. Я сдерживала свой гнев и не давала воли слезам, чтобы единственная память о тебе появилась на свет. Посмотри, как хорошо я справилась. Не оставляй меня, пожалуйста! Не уходи! Или заведи меня с собой. Али, я тоже хочу пойти с тобой. Вот как скоро я устала. У меня нет сил перенести разлуку с тобой. Как жаль, что ты был таким хорошим.

Помню, когда я хотела поехать с ним в Дезфуль, он сказал:

– Там идёт война. Днём и ночью падают бомбы. Я не всегда смогу быть рядом, и ты часто будешь одна. Ты сможешь выдержать это?

– Да! Зато там я смогу чаще видеть тебя! – радостно ответила я.

Если в моей жизни и были какие-то счастливые и приятные мгновения, то, несомненно, ими были те

пять с половиной месяцев жизни вместе с Али в Дезфуле.

В декабре 1986 года был пик бомбёжек, и снаряды ежедневно сыпались на города Дезфуль и Ахваз. Али тогда спросил меня:

– Поедешь со мной?

– Разве можно? – с подозрением спросила я.

Ночью мы вместе собрали всё необходимое: швейную машинку, утюг, кастрюли, тарелки и другие кухонные принадлежности, а также чемодан одежды и всякой мелочи. Наутро всё это мы загрузили в машину и поехали в Дезфуль.

За последние двадцать семь лет я очень часто размышляла о тех днях. Каждый раз, когда моё сердце тоскует по Али, я вспоминаю декабрь 1986 года, который мы вместе провели в Дезфуле. И вправду, моя счастливая жизнь с Али была именно в те самые дни. Все те воспоминания, которыми я с вами делюсь, до сих пор со мной. Для меня до сих пор удовольствие видеть апельсиновые и мандариновые деревья и ощущать аромат листьев лимонов и эвкалиптов, напоминающий приятный запах той счастливой зимы, которую мы провели вместе.

Первые месяцы после гибели Али я день и ночь часами лежала под одеялом, закрывала глаза и просматривала свои воспоминания, будто художественный фильм. Просмотр периодически прекращался из-за того, что кто-то входил в комнату, или по какой-то другой причине, но я снова возвращалась к нему, как в ту ночь в больнице Фатимийе в Хамадане, когда я была в полусонном состоянии из-за обезболивающих, которые мне вкололи после родов. Как и все беременные, я скучала по своему мужу и очень хотела, чтобы он был рядом. В ту ночь я накрылась больничным одея-

лом, пропахшим йодом, спиртом и лекарствами, и, закрыв глаза, начала вспоминать день, когда мы приехали в Дезфуль. Я очень люблю этот фрагмент моих воспоминаний...

В пятницу 10 января 1987 года мы прибыли в наш дом в Дезфуле. Он совсем не был похож на то, что я представляла по пути из Хамадана. Это был новый полуторазэтажный дом безо всяких удобств в маленьком пригороде Дезфуля под названием Пансад Дастгах. Раньше нас туда приехал вместе с женой и маленькой дочкой Зейнаб друг Али, Хади Фазли².

Какими же мы были уставшими в ту ночь! Наскоро расстелив постель, мы сразу легли спать, а рано утром проснулись от громкого шума, поднятого Али. После утреннего намаза он пошёл за хлебом, а затем, намеренно шумя, пытался таким образом разбудить всех. Мы спали в холле, а Хади с семьёй – в гостиной. Я проснулась и быстро собрала постель, а Хади помог Али постелить на пол скатерть для завтрака.

Позавтракав, Али и Хади надели военную форму и собрались уходить.

– Когда вы вернётесь? – спросила я.

Али со своим ярко выраженным хамаданским акцентом ответил:

– Неизвестно. Каждый день будет приходить солдат, и если понадобится сделать какие-то покупки или что-то ещё, говорите ему обо всём, что вам необходимо.

² Хади Фазли родился 4 июня 1962 г. в области Мерйандж, провинция Хамадан. Погиб во время боевой операции «Мерсад» 29 июля 1987 г. в районе Чарзир близ города Исламабад. Хади Фазли был одним из старейших членов дивизии и перед смертью являлся командующим второго корпуса дивизии «Ансар аль-Хосейн» провинции Хамадан.

Когда Али и Хади, закрыв за собой дверь, ушли, я ощутила одиночество и тут же поспешила чем-то себя занять, решив сначала рассмотреть повнимательнее дом, в котором нам предстояло жить.

Дом имел небольшой, компактный двор, в котором находилась уборная. Я сразу заметила, что стены и кирпичное строение были возведены недавно. Немного прогулявшись по освещённому солнцем двору, я поднялась на маленькую и узкую террасу, через которую можно было пройти в другую часть дома. Относительно просторный коридор вёл к небольшой гостиной. На кухне не было никаких удобств: ни мебели, ни кафеля, и, насколько я могла разглядеть, повсюду лежал слой пыли и свисала паутина. В конце коридора я обнаружила лестницу из двенадцати ступенек, которая вела к подвалу с двумя комнатами: одна из них была большой с маленьким окном, а другая – узкая, с высоко расположенным на стене маленьким окошком, смотрящим на безлюдный небольшой двор. С потолка свисала лампа, еле освещавшая комнату, которая впоследствии стала нашей с Али.

Мы с Фатимой решили, что, пока Зейнаб, которой тогда было полтора года, спит, имеет смысл воспользоваться случаем и быстро привести дом в порядок. Сняв чадры и повязав косынки, мы первым делом убрали грязную скатерть и занялись поисками метлы. Вдруг нас оторвал от дел пронзительный звук сирены воздушной тревоги. Фатима тут же ринулась к дочери, схватила её на руки, и вместе мы побежали в подвал. Помню удивлённые и недоумевающие глазки Зейнаб в тот момент, малышка была ещё совсем сонная. Она заплакала, и как бы мы ни старались, нам не удавалось её успокоить. Звук сирены усилился, дом дрожал.

Мы в страхе сидели на полу. Зейнаб кричала и плакала, а мы боялись того, что происходит снаружи. Спустя полчаса девочка успокоилась, но от голода начала капризничать. Как только шум стих, мы решились подняться наверх. Немного придя в себя, Фатима взяла детскую бутылочку и начала её мыть, а я принялась разжигать плиту, но тут вновь раздался звук сирены. На этот раз мы испугались не так сильно, но всё же снова побежали в подвал.

Прошло ещё около получаса, но солдат, о котором говорил Али, так и не пришёл. На этот раз мы поднялись наверх прежде, чем смолкла сирена. Фатима наполнила бутылочку молоком и начала кормить дочь. Затем, немного переждав и надев чадры, мы вышли из дома и удивились тому, что люди ходят по улице как ни в чём не бывало. Мы не могли понять, как во время налёта люди сохраняли спокойствие и продолжали вести свою обычную жизнь. Пройдя немного выше по улице и дойдя до местной пекарни, мы обнаружили очередь, выстроившуюся за хлебом. Пекарь, высокий худощавый мужчина, с особым наработанным годами мастерством раскатывал тесто, слегка подпрыгивая, подходил к печи и лёгкими движениями набрасывал тесто на раскалённые стенки тандыра.

Напротив пекарни находились фермерское хозяйство и магазинчик, где продавались местное молоко, сметана и масло. Увидев это место, Фатима испытала искреннюю радость, а я обрадовалась магазину в начале улицы, где продавался готовый суп.

– Завтра утром будем есть суп! Я угощаю! – воскликнула я.

...Несколько сестёр вошли в палату, стянули с меня одеяло, вынудив открыть глаза. Медсестра, которая стояла впереди, спросила:

– Вы хорошо себя чувствуете?

Я удивленно посмотрела на неё. Меня словно резко перенесли из другого мира и бросили на эту кровать.

Тут же подошла вторая медсестра и, заворачивая мне рукава тонкого больничного халата розового цвета, который на меня надели в диагностическом кабинете, взволнованно спросила:

– У вас точно всё хорошо?

Я не знала, что им ответить. Одна из медсестёр, видя мою замкнутость и неразговорчивость, достала тонометр и принялась измерять мне давление. Надев на мою руку манжетку и вставив себе в уши трубки стетоскопа, она пристально всматривалась в стрелку на циферблате манометра. Через некоторое время, сняв стетоскоп, она повернулась к другой медсестре и сказала:

– У неё очень низкое давление.

Вторая медсестра в недоумении посмотрела на меня и спросила:

– А где ваша капельница?

Я не понимала, почему мне задают такой вопрос, и просто продолжала молчать. В это время первая медсестра вышла из комнаты и вернулась с тележкой, на которой стояло множество лекарств. Она начала подготавливать капельницу, а вторая медсестра взяла журнал, висевший на моей кровати, и спросила:

– Разве доктор вас не осматривал?

Поставив мне капельницу, первая медсестра, улыбаясь, сказала:

– Появление вашего сына настолько всех обрадовало, что мы совсем позабыли о его матери.

Я улыбнулась в ответ на эти слова и, видя, как она добавляет лекарство в мою капельницу, невольно вспомнила картинку, которую Али нарисовал, когда

лежал в больнице в Сасане. Он изобразил раненую птицу с подбитым крылом, из которого текла кровь.

– Как ребёнок? – спросила я у медсестры.

Положив руку мне на плечо и тепло улыбаясь, она ответила:

– Всё хорошо. Он такой игривый и развлекает всю больницу. Ваша мать отправилась в комнату для новорождённых и взяла его на руки, чтобы показать тем, кто стоял за стеклом и не мог войти внутрь.

Затем сестра собрала свои вещи и положила их на передвижной столик.

– Вы должны полежать с капельницей около часа. Я добавила несколько седативных препаратов, так что скоро вас начнёт клонить ко сну.

После того как медсестра ушла, я начала осматривать палату, в которую меня перевели. Круглые белые часы, висевшие напротив меня, показывали 13:30. Я хотела встать и выключить яркую флуоресцентную лампу на потолке, но, как ни старалась приподняться, у меня не хватило сил.

«Где же мама? Почему она не возвращается?» – взволнованно думала я.

Моё терпение истощалось. Глядя на капли, медленно стекавшие по трубке капельницы в мою руку, я раздумывала, почему у меня никак не получается заснуть.

Как же тихо и спокойно было вокруг. Я посмотрела на пустую кровать слева от меня и подумала, что здесь мог бы остаться Али, если бы он этой ночью пришёл ко мне. Хотя... возможно, он и не смог бы приехать, так как был бы в это время на какой-нибудь важной военной операции. В тот момент мне страшно захотелось, чтобы время повернуло вспять. Какие же замечательные дни у нас были в Дезфуле...

Я вспомнила тот день, среду 14 января 1987 года, когда мы с Фатимой подметали комнаты, снимали пыль со стен и потолков, но, несмотря на все усилия, нам никак не удавалось обжить этот дом и придать ему хоть немного уюта. Чувствовалось отсутствие ковров, занавесок, которые скрыли бы изъяны комнат. Что бы мы ни делали, сколько бы ни чистили – всё было бесполезно.

Около 10 утра кто-то постучал в дверь, и мы подумали, что это тот самый солдат, который приходил каждый день. Надев чадру, я подошла к двери и спросила:

– Кто там?

Незнакомый голос ответил:

– Это я, помощник Али. Меня зовут Саид Садакати.

До сих пор, вспоминая тот день, я говорю себе, что лучше бы мы не ездили в Ахваз, лучше бы нас вообще не было дома и я не открывала бы ту дверь, тогда всё могло бы сложиться совсем иначе. Но, к сожалению, я всё же открыла её. И хотя мне даже хотелось проявить сопротивление, по какой-то причине я не стала возражать. До сих пор не знаю, почему мы всё же уехали с Саидом Садакати, если я этого не хотела.

...Какая-то медсестра стояла над моей головой. Она смотрела на меня и улыбалась, открыла клапан капельницы, и остатки лекарства быстрее потекли по трубочке. Убрав в сторону одеяло, она сильно надавила на мой живот, и я сморщилась от боли. Не обращая на это внимания, она снова надавила подобно тому, как оказывают первую помощь больным с сердечным приступом. Не сдержавшись, я вскрикнула, и медсестра, поспешно натянув на меня одеяло, сказала:

– Простите, что причинила вам боль, но это было необходимо.

Я кивнула, и она, сняв капельницу с моей руки, бросила её в мусорное ведро. В это время в палату вошла мама с букетом цветов. Положив их на стол между двумя кроватями, она встала рядом со мной и спросила:

– Дорогая, как ты?

– Всё хорошо, – ответила я, всё ещё испытывая сильную боль в животе.

Мама стала поправлять мне одеяло и платок на голове и с радостной улыбкой добавила:

– Ты даже не представляешь, что это за чудесный ребёнок. Машалла³! Все только и делают, что звонят и спрашивают о твоём состоянии, начиная с офиса имама пятничной молитвы и заканчивая людьми из муниципалитета. Все вокруг очень переживают за тебя.

– Мне так хочется, чтобы и Али позвонил... Если бы он был жив... – с грустью сказала я.

К горлу подступил огромный ком. Я попросила маму выключить свет, чтобы я могла заснуть и увидеть во сне Али или хотя бы закрыть глаза и погрузиться в воспоминания о днях, которые мы прожили вместе.

Мама взяла со стола принесённые ею белые лилии и, поднеся к моему лицу, сказала:

– Ты только почувствуй их чудесный аромат.

Я вспомнила день, когда хоронили Али, и то, как он лежал в табуте⁴, доверху покрытом цветами. Его душа, словно мотылёк, порхала среди благоуханных цветов райского сада.

– Если бы был какой-нибудь графин, я бы могла поставить цветы в него. Иначе до утра они завянут, – сказала мама, открыв дверцу маленького холодильника.

³ Машалла – арабское ритуальное молитвенное восклицание: знак изумления, радости, хвалы и благодарности Богу (*прим. ред.*).

⁴ Табут – погребальные носилки с раздвижной крышей (*прим. ред.*).

– Снег идёт?

Мама с цветами в руках подошла к окну и, выглянув на улицу, ответила:

– Нет, но, судя по погоде, если не этой ночью, то утром точно пойдёт.

Я вспомнила день, когда в городе начался сильный снегопад.

– Мама, помнишь 23 января прошлого года, как в пятницу друзья Али привезли его из Исфахана? Какой же ужасный был день.

Куда-то положив цветы, она подошла ближе и легла на соседнюю кровать.

– Тебе не спится?

– Мама...

По моему голосу она поняла, как мне грустно и больно.

– Да, моя родная.

– Помнишь?

– Как же я могу не помнить, моя милая. Какой же тогда был сильный снегопад и гололёд. Его привезли к нам домой, и я положила его матрас рядом с печкой, чтобы он не заболел, приготовила ему куриный суп, а он ел его и восклицал: «Как вкусно! Спасибо вам»...

Слёзы невольно потекли из моих глаз.

– Мама, Али перенёс очень большие испытания. Тогда я не говорила тебе об этом, чтобы ты не переживала, но мне было очень тяжело.

Мама положила голову на подушку и, повернувшись в мою сторону, сказала:

– Твоя награда у имама Хосейна и имама времени, иншалла...

Я смотрела на потолок и на лампы, висящие у меня над головой, и думала о том, как же быстро произошли все события в моей жизни.

Мама лежала на правом боку без одеяла. Я с трудом поднялась с кровати, укрыла её и, как обычно, поцеловала в шею, от которой всегда исходил какой-то особенный, блаженный для меня запах, а потом, выключив свет, вернулась к своей кровати.

За окном медленно шёл снег, а небо казалось светлее обычного.

Проснувшись утром, я тут же бросила взгляд на соседнюю кровать и обратила внимание на молитвенный коврик, который мама постелила на полу, чтобы совершить намаз.

– Салам. Доброе утро, мама, – тихонько сказала я.

Дочитав намаз, она поднялась с чётками в руках и, подойдя ко мне, взяла за руку.

– Салам, моя дорогая. Как ты?

– Всё хорошо, слава Богу.

Лицо матери было осунувшимся и печальным. Я подумала, что мне так кажется из-за её немного неухоженного вида, платка и чёрного одеяния, но в сердце затаилось беспокойство, что, возможно, её что-то волнует.

– Мама, как ребёнок? С ним всё хорошо?

– Лучше всех, – улыбнувшись, ответила она. – Рано утром я ходила к нему проведать. Он спокойно спал, как ангелочек. А ты сама как? У тебя где-то болит?

– Нет, всё хорошо, – сказала я, отрицательно покачивая головой. – Как папа, Ройя и Нафисе?

Мама снова улыбнулась.

– Все прекрасно себя чувствуют. Через пару часов я позвоню им, и ты сможешь с ними поговорить. Слава Богу за то, что у нас теперь есть телефоны. Стало намного легче связываться с близкими.

Когда мы были в Дезфуле, каждый раз, когда я скучала, я ходила в отделение телефонной связи и звонила

Сакине Ругани, нашей соседке, проживавшей через несколько домов от нашего в начале улицы. Приходилось очень долго ждать, пока мама или кто-то ещё подойдёт к телефону. В последнее время я приноровилась к этой системе и, позвонив Сакине, говорила: «Позовите, пожалуйста, маму. Я перезвоню через полчаса».

Мама села на кровать и начала перебирать чётки, читая молитву. Я сказала ей:

– Помнишь, как я звонила Сакине домой? Однажды из-за телефонного звонка мы даже чуть не погибли.

Мама резко перестала перебирать чётки и испуганно посмотрела на меня.

– Не бойся, – засмеялась я, – я же жива.

Она продолжила молиться и слегка покачивала головой.

– Ты всегда говорила мне, что всё в порядке, что ты ходишь к подругам в гости.

– Я не обманывала. Мы ходили в гости, но опасные происшествия тоже случались. Однажды у меня сильно заболел живот, а Али к тому времени не был дома уже неделю. Я проснулась с сильной болью в животе, которая не прекращалась до глубокой ночи. Бедняжка Фатима пыталась всячески помочь, но ничто не спасало меня от боли. Была середина недели, и я даже не надеялась на то, что Али вернётся. Вечером я с ужасом подумала, что же делать, если посреди ночи мне станет хуже, и представила, как было бы хорошо, если бы уже наступила пятница и Али смог вернуться. Клянусь Богом, мама, в ту же минуту я услышала звук двигателя машины Али, которая заехала к нам во двор. Полагаю, было около половины третьего, когда он вошёл в дом и, увидев меня, вздрогнул от испуга, несмотря на то, что его собственное состояние в тот момент было намного хуже, чем моё. Он был весь пыльный,

усталый, с опухшим лицом и похож на человека, который не спал целую неделю.

– Что с тобой? – тут же спросил он меня.

– Я не знаю. У меня с утра очень сильно болит живот.

К тому времени водитель, который привёз Али, уже отъехал. Али тут же с порога ринулся к дому нашего соседа Садега, чтобы попросить у него ключи от машины. Получив их, он повёл меня и Фатиму к машине, посадил в неё, и мы все вместе поехали в больницу. Подъехав к ней, Али сказал:

– Дорогая, я очень устал. Можешь пойти сама?

Выключив двигатель, он положил голову на руль и добавил:

– Если возникнет какая-то проблема, позовите меня.

Осмотрев меня, врач предположил, что, возможно, боли связаны с аппендицитом, и направил на сдачу анализов, настояв на том, чтобы всё было сделано как можно быстрее. Сдав все необходимые анализы, я показала результаты врачу, и, посмотрев на них, он облегчённо вздохнул:

– Слава Богу, ничего серьёзного.

Врач прописал несколько лекарств, которые я сразу же купила в больнице и вернулась к Али с полным пакетом. Нас не было около двух часов.

– О господи! – не сдержавшись, вскрикнула я, увидев, что Али спит в машине в таком же положении, в котором я его оставила.

Мне пришлось разбудить его, и мы отправились домой. Поскольку мне стало лучше, я с интересом смотрела из окна машины на то, что происходит вокруг. Была ночь на 15 шаабана⁵. Хотя в Дезфуле оста-

⁵ Это время особо отмечается в Иране как день рождения последнего 12-го имама Махди (*прим. пер.*).

лось мало людей, те, кто не покинул город, очень постарались создать праздничную атмосферу. Посреди улиц было расставлено множество цветочных горшков, деревья украшены разноцветными светящимися гирляндами, а жители улиц с коробками в руках раздавали проезжим сладости... Под впечатлением от увиденного я то и дело вскрикивала и восторженно просила Али посмотреть то налево, то направо. Видя, как меня обрадовало происходящее на улице, он, несмотря на собственную усталость, стал катать нас по соседним районам.

– Да, милая, любуйся. Я вижу, как тебе нравится, – говорил он.

Нас не было достаточно долго, и, вернувшись домой, мы увидели в начале улицы Хади. Зейнаб так и не дала ему поспать ночью.

...Мама закончила молиться и стала складывать молитвенный коврик, а я, почувствовав, как проголодалась и насколько ослабело моё тело, захотела встать, чтобы поесть чего-нибудь, но, не успев откинуть одеяло, испытала сильное головокружение. Нагнулась, чтобы найти свою обувь под кроватью, и перед глазами всё почернело, а сердце словно перестало биться.

– Мама... – с трудом выдавила я.

Она торопливо подбежала ко мне и взяла за руку.

– Что с тобой, родная? Почему ты так побледнела? Что случилось?

– Всё тело онемело. Я будто ослепла и ничего не слышу.

Мама снова уложила меня на кровать и выбежала из палаты.

Через некоторое время я пришла в себя и обнаружила рядом нескольких медсестёр.

– Открой рот, милая, – сказал родной голос.

Я почувствовала сладкий вкус сока, который небольшими каплями просачивался мне в горло, и ощутила, как постепенно силы начали возвращаться ко мне. Неожиданно и резко почувствовав жажду, я быстро выпила весь сок из стакана.

– Слабость из-за очень низкого давления. Ей нужно позавтракать, – сказала медсестра.

Мама подтянула к кровати стальной столик, на котором стоял мой завтрак, и стала меня кормить, давая кусочки хлеба с вареньем. От изнеможения у меня тряслись губы, как будто я не ела несколько лет. Мама поднесла к моему рту стакан, и я почувствовала вкус горячего молока.

– Я добавила немного сахара, – сказала она.

Мамина рука, в которой она держала стакан, дрожала. Я взяла его обеими руками, чтобы поднести ко рту и удержать, но стакан затрясся так, что застучал по моим зубам. Мама стиснула его пальцами, чтобы я смогла выпить молоко, и сказала:

– Я забыла тебе сказать. Вчера звонила Фатима, мама Зейнаб. Она спрашивала, как ты.

Всякий раз, когда я слышала имя Фатимы, я вспоминала Дезфуль. Несмотря на то, что мы жили в горячей точке, это всё же были лучшие дни моей жизни.

Мама терпеливо кормила меня кусочками хлеба, намазанными вареньем.

– Тебе лучше?

Меня всё ещё сотрясала дрожь, не было сил разговаривать, и я просто хотела быстрее проглотить всю еду, что была на столе. Понимая моё состояние, мама больше ничего не сказала и лишь тихонько отламывала кусочки хлеба и кормила меня.

Неожиданно для себя самой я улыбнулась.

– Чему ты улыбаешься? – удивилась мама.

– Я вспомнила Дезфуль. Как же там было хорошо...

– Да полно тебе, – сказала мама, продолжая меня кормить.

– Нет, клянусь, я говорю правду.

– Ладно, не клянись. Верю, – улыбаясь, ответила она. – Дезфуль – хороший город. В прошлом году, когда мы ездили к вам, я убедилась в этом. Нам тоже там понравилось. Хорошая память нашему Али.

– Хорошая ему память, да, мама. Как же правильно вы поступили, решив приехать к нам. Как же прекрасно мы тогда провели время. Вечером накануне вашего приезда мы с Фатимой сидели на лестнице во дворе и думали, что приготовить на ужин.

– Ты приготовила подливку из фасоли.

– Да, я её очень люблю, но Фатима тогда сказала, что фасоль на ужин лучше не готовить.

– О! А как эту подливку любил Али! – засмеявшись, сказала мама, помня, что Али не переносил этого блюда.

– Во время готовки я взяла целую тарелку фасоли, насыпала в кастрюлю и подумала, как же будет забавно, если Али приедет в этот момент. Бедняжка, он мучился не только от фасоли, а от всего, что вызывало вздутие и дискомфорт в желудке. Фатима тогда резала луковицу, и мы разговаривали, вместе проливая слёзы. Она жарила лук на своей газовой переносной плите, а я готовила фарш на своей. Открыв крышку кастрюли, я увидела, что фасоль увеличилась в два-три раза, и воскликнула: «Фатима, мы теперь должны всё это съесть?!» Помню, что в тот день на улице были слышны звуки из соседнего дома, куда пришли гости. Фатима с грустью сказала: «Как было бы хорошо, если бы и у нас были гости...» И мы стали думать о том,

чтобы пойти к соседям и украсть их гостей, как вдруг за дверью оказались вы.

– Был десятый день Навруза, у нас дома не было света, и мы спонтанно решили приехать к вам на машине твоего отца. Я, Нафисе и Ройя сидели сзади, а твой дядя впереди с отцом. Мы не знали дороги и столько блуждали, прежде чем найти ваш городок, кольцевую Фатх ал-Мубин и вашу улицу Голестан и 11-й переулок... В темноте, когда ничего вокруг не было видно, а твой отец к тому же не осмеливался включить фары, мы сделали столько кругов, спрашивая у всех: «Где Голестан, 11, дом 215?» Вдруг мы увидели, что какая-то машина с включёнными фарами едет нам навстречу. Немного погодя мы поняли, что это Али.

– Мы тогда сидели во дворе и, услышав ваши голоса, никак не могли поверить, что это вы.

– Какие же чудесные воспоминания...

– Как только я открыла дверь и увидела вас, мне как будто подарили весь мир. Как же я была тогда счастлива!

– Помнишь, как я сама взялась за дело и приготовила рис с подливкой? – убирая завтрак, спросила мама. – А на следующий день твой отец, дядя и Али отправились в зону боевых действий. Мы же пошли в имамзаде Сабзе Гоба⁶.

– Вы уехали домой на тринадцатый день после праздника, – глубоко вздохнув, ответила я, – и тогда

⁶ Имамзаде называют могилы праведных потомков Пророка Мухаммада, ставшие местом паломничества. Сабзе Гоба – брат восьмого имама Резы, который из-за несправедливости и притеснений во времена правления Аббасидов, а также с целью распространения идей отца и брата ушёл из Медины и скончался в 19-летнем возрасте вдали от родины. Его могила и храм находятся в провинции Дезфуль (*прим. пер.*).

на меня будто обрушились все печали мира. Я так сильно переживала, что Али не поехал на военную базу и всю ночь отвлекал и развлекал меня, чтобы я не нервничала, пока вы были в пути домой. Ночью Али сказал: «Думаю, твои родители уже благополучно доехали. Позвони Сакине и поговори с ними, сколько хочешь».

Взяв поднос с остатками завтрака, мама вышла из палаты. Почувствовав себя лучше, я решила встать и посмотреть из окна. Снег медленно ложился на землю, постепенно наступало утро, и небо становилось светлее. Мне захотелось как можно скорее увидеть своего сына. Про себя я подумала тогда: «Али, ты ведь видел нашего сына?» При мысли, что его уже нет с нами и что у нашего ребёнка не будет отца, я почувствовала боль в сердце и дрожь по всему телу.

– Как же я смогу вырастить его в одиночку?

Мне было так жаль нашего малыша.

Подняв глаза, я увидела Али. Он смеялся и появлялся везде, куда бы я ни посмотрела: возле меня, у окна, у изножья кровати, за окном под снегопадом... В один момент мне показалось, что он повсюду, словно снежинки, он появлялся то тут, то там.

За окном продолжал идти снег, заполнявший всё вокруг, как вдруг приятный запах, похожий на аромат лимонных деревьев, наполнил мою палату. Это был запах весны... запах Али. Не сдержавшись, я сказала:

– Али, ты должен беречь нас. Я не справлюсь одна.

Мне показалось, что Али засмеялся и, как обычно, качая головой, нежно сказал:

– Хорошо, мой цветочек.

С этими мыслями я смогла глубоко вздохнуть и ощутила внутри растущее чувство радости и облегчения.

...Время было полдвенадцатого, я не могла поверить, что столько спала. Мамы всё ещё не было в палате, а белые лилии уже стояли в графине на холодильнике. Снег прекратился, но небо было мрачным. Фиолетовые занавески, украшенные жёлтыми и оранжевыми цветочками, с обеих сторон окна были аккуратно собраны. Сама палата была очень чистой и приятно пахнувшей. Я поднялась, села на кровати и почувствовала, что мне уже намного лучше, больше нигде не болело. Посмотрев на окно и занавески, я снова погрузилась в мысли. Какими же эти занавески казались знакомыми. Тут я вспомнила, что мы покупали похожие нам домой в Дезфуле.

Спустившись с кровати, я подошла к окну, чтобы потрогать эти занавески и вдохнуть их запах. Для меня они запахи Дезфулем...

Я отошла от окна, прошлась вдоль палаты и остановилась у порога. Коридор больницы был очень чистым и безлюдным. Около комнаты медсестёр я увидела маму. Она разговаривала по телефону и, увидев меня, улыбнулась и помахала рукой. Вскоре, положив трубку, она пошла в мою сторону и, приблизившись, спросила:

– Ты проснулась, милая?

– Я так много спала, – улыбнувшись ей, ответила я.

– С утра отвечаю на телефонные звонки. – сказала она, взяв меня за руку. – Говорила всем, что ты спишь, чтобы не соединяли с твоей палатой.

– А в чём дело? – спросила я настороженно. – Что-то случилось?

Мама отвела меня к уборной и сказала:

– Умойся. Тебе станет лучше.

Она открыла дверь уборной, где внутри всё сверкало белизной от чистоты.

– Звонят все: родственники, друзья, знакомые и даже незнакомые, – продолжала мама. – Все спрашивают о твоём состоянии: твои дяди, их жёны...

Посмотрев в зеркало на своё лицо и круги под глазами, я заметила, какой стала бледной и измождённой.

Умывшись, я вдруг подумала, что уже давно не узнавала о последних новостях нашей семьи, поэтому, выйдя из уборной, спросила у мамы:

– А с кем ты сейчас разговаривала?

– С Вахидом, твоим двоюродным братом.

Услышав его имя, я подумала: «Ах, это был он... Бедный Вахид...»

Вернувшись к себе в палату, я села на кровать и погрузилась в воспоминания, как однажды Али привёз Вахида в Дезфуль.

– Ложись, дорогая, – снова взяв меня за руку, сказала мама.

– А сколько мне ещё нужно здесь находиться? Почему ко мне не приносят ребёнка?

– До утра.

– С ним всё в порядке? Может, что-то не так? Прощу, скажи мне правду.

– Опять ты капризничаешь? – накрыв меня одеялом, проворчала она. – Клянусь, я говорю тебе правду. Или тебе хочется, чтобы тебе ввали?

Я закрыла глаза и почувствовала, как мама вытерла мне лицо полотенцем, поправила платок и опустила рукава больничной рубашки. Я обняла её и, как обычно, поцеловала в шею.

– Как же ты вкусно пахнешь.

– После обеда тебя придут навестить, – ответила она, поправляя мне простыню и одеяло.

Как же тяжело... Я никогда и мысли не допускала, что буду лежать на этой больничной кровати, зная, что

Али никогда не придёт, ведь я всегда мечтала о том, что эти дни будут счастливыми и мой муж будет со мной рядом. Кто мог подумать, что в день рождения нашего ребёнка все будут в трауре и слезах? Можно ли представить дни более тяжёлые, чем эти?

– Родная, ты спишь? – робко спросила мама.

Как же мне не хватало Али. Как же я соскучилась по нему и как сильно нуждалась в его тёплых руках. Моё сердце так неистово истосковалось по громкому плачу навзрыд.

– Ты так быстро уснула...

Я не открыла глаза и не ответила маме, поняв, что она сидит на кровати и расстёгивает молнию на своей сумке. Став матерью, я почувствовала, как усилилась моя собственная привязанность и любовь к маме, я так переживала за неё, что не хотела становиться причиной лишних проблем и беспокойства.

Медленно приоткрыв глаза так, чтобы мама не заметила, я стала подглядывать за ней. Она сидела на кровати, повернувшись немного боком, смотрела на фотографию и что-то тихонько шептала. Её плечи задрожали.

«Наверное, – подумала я, – у неё в руках фотография Али». Как же я соскучилась по нему... Какое-то странное и тяжёлое чувство, казалось, поселилось во мне навсегда.

Я была не в силах перенести разлуку с Али и на мгновение почувствовала, что умру, если сейчас не увижу его. Мне очень захотелось забрать эту фотографию у мамы любым способом.

– Мама, что ты делаешь?

Вздрогнув от моего голоса, она быстро спрятала фотографию в сумку и положила её под подушку.

– Это была фотография Али? Дай мне, я тоже посмотрю.

Мама ничего не ответила и лишь принялась быстро вытирать слёзы.

– Мама... – сквозь ком в горле сказала я. – Я очень соскучилась по нему...

– Фотография? – как ни в чём не бывало спросила мама. – Какая фотография? О чём ты говоришь?

Глаза её покраснели. Я знала, что она всегда носит с собой в сумочке маленький альбом с семейными фотографиями. Уже больше года вместе с фотографиями всех членов нашей семьи она носила и фотографию Али.

– Мама. Ради Бога, дай мне посмотреть.

Видимо, пожалев меня, она неохотно достала сумку из-под подушки, вытащила оттуда фотографию и протянула мне. На ней был изображён смеющийся бородатый Али. Это была та самая фотография, на которой он стоял вместе со своими сослуживцами. На всех были чёрные платки, обмотанные вокруг шеи. Мама аккуратно вырезала с той фотографии лицо Али и положила рядом с моим фото.

– Он сделал эту фотографию в прошлом году, в январе... Были дни мученической гибели Фатимы аз-Захры, которые совпали с военной операцией «Кербела-5». В ту ночь Али пришёл домой с целым рулоном чёрной материи и спросил: «Родная, можешь сшить из этого рулона несколько платков?» Материал был хороший, который не изнашивался бы даже после многочисленных стирок. Я тогда удивлённо спросила у него: «Столько платков?» А он ответил: «Мы всей военной частью договорились в этом году в знак уважения к Фатиме аз-Захре надеть чёрные платки». Я развернула рулон и, готовая приступить к делу, спросила: «Какого размера?» Первые несколько платков мы с Фатимой порезали вместе. Хади и Али тоже пришли нам

на помощь. Вплоть до утра они резали, а я подшивала края на своей швейной машинке. Утром, когда Али и Хади ушли, мы с Фатимой по очереди сменяли друг друга за машинкой, как вдруг у нас закончились нитки. В поисках новых я обыскала весь городок, но нигде не было специальных ниток, подходящих для моей машинки. В итоге нам пришлось купить обычные, с которыми было намного тяжелее работать. Машинка постоянно рвала эти нитки во время шитья и ломала иголку, но, несмотря на трудности, мы всё же завершили работу. Придя вечером домой, Али очень обрадовался, когда увидел платки, и тут же накинул на плечи один из них.

Рассказывая эту историю маме, я не смогла сдержать слёз и замолчала, глядя на фотографию Али. Мама тоже вытирала глаза влажными пальцами.

– Родная, хватит...

Прижав фото к груди, я уверила её:

– Обещаю, я больше не буду плакать.

Но я не смогла сдержать обещание даже на секунду, и мама забрала фотографию у меня из рук.

В это время в палату вошла медсестра с тележкой, и я принялась торопливо вытирать слёзы. Поздоровавшись, сестра любезно обратилась ко мне:

– Панахи-ханум, как вы? Что-то случилось?

Кладя фотоальбом в сумку, мама беспокойно сказала медсестре:

– Ради Бога, скажите, можно ли ей вот так переживать и печалиться?

– Это же вредно для ребёнка, – с упрёком посмотрела на меня медсестра и, положив руку мне на плечо, добавила: – Панахи-ханум, вам теперь уже следует заботиться не только о себе, но и о ребёнке.

– Всё хорошо. Просто я затосковала немного...

Вытерев слёзы, я приподнялась на постели и подвинулась к еде, которую принесла медсестра. На подносе были миска с супом и тарелка риса с мясом.

– Теперь с аппетитом пообедайте, а потом немного отдохните. После двух начнётся время визитов. Уверена, что ваши гости приободрят вас.

* * *

Второго января, задумавшись, я смотрела на часы, висевшие на стене. Мне так хотелось, чтобы побыстрее наступило два часа, потому что со вчерашнего дня было как-то особенно тоскливо на сердце.

Мансуре-ханум и Насер-ага с большим букетом цветов вошли ко мне в палату. Увидев меня, они улыбнулись, но я заметила, что глаза их были красными. Я понимала, как трудно им было видеть внука, осознавая, что его отца больше нет в живых. Мне стало так больно за них, что я почувствовала, как огромный ком подкатил к горлу.

Родители Али были до сих пор одеты в чёрное. Боль от утраты их сына Амира оставалась свежей, но рана от гибели Али огнём сжигала их сердца. Меня очень обеспокоило их состояние, так как я знала, что видеть меня в таком положении для них будет особенно тяжело.

«Сколько же терпения у этих двоих, – думала я. – Не прошло и дня, как родился мой сын, а я уже так скучаю по нему... Каково же родителям Али, которые потеряли сразу двух сыновей?»

Они сели на стулья рядом с кроватью. Прошло немного времени, и Насер-ага, как обычно, вернул себе весёлый облик и, вновь взяв на себя роль души компании, начал беседу:

– Мы видели нашего внука. Он так похож на своего отца, его абсолютная копия!

– Я попросила принести ребёнка, чтобы ты смогла его накормить, – сказала Мансуре-ханум, беспокоясь о состоянии внука. – Родная, будь внимательна, первое молоко не должно пролиться. Даже принуждая, накорми его, чтобы это молоко укрепило его кости и сделало такими же сильными, как у Али.

Спустя немного времени палата уже была заполнена гостями так, что некоторые сидели на кровати мамы. Все спрашивали о моём состоянии, дарили цветы, интересовались здоровьем ребёнка и отправлялись к нему, чтобы увидеть. Некоторые уходили, посмотрев на него, а другие возвращались ко мне в палату и рассказывали всем о своих впечатлениях. В это время мама, Ройя и отец угощали гостей сладостями, заметно пополнившимися в палате, а Нафисе, которая очень любила детей, с момента своего прихода не отходила от окошка, из которого можно было видеть малыша.

Слыша, как все делились впечатлениями и описывали малыша, я загорелась желанием увидеть его как можно скорее. Приблизительно к четырём часам по громкоговорителю объявили, что заканчивается время посещений. Гости стали постепенно уходить, со мной остались только Насер-ага, Мансуре-ханум, папа и мама. Отец Али, очень вежливый, обходительный и общительный человек, рассказывал моему отцу, как они однажды приезжали к нам в Дезфуль, и притом с такими подробностями и шутками, что все с абсолютным вниманием и удовольствием погружались в его истории.

– Когда я хотел лечь в больницу для операции на глазах, с утра и до самой ночи Мансуре постоянно твердила мне: «Наша дочь живёт в условиях непрекращающихся бомбёжек! Поезжай и верни её!» Она столько раз повторяла мне это, что вместо того, чтобы

поехать в больницу, мы в итоге приехали в Дезфуль. Сколько бы я ни повторял ей, что мои глаза уже не видят и за рулём я теряю зрение, она меня не слушала. Ночью, в темноте, когда зрение моё становилось ещё хуже обычного, мы встретили на улице друзей Али, которые показали нам его дом. Мы подъехали к дому и постучались в дверь. Когда же её открыла Фереште, я спросил: «Кто ты?» – «Это я, Фереште. Ваша невестка». – «Если ты наша невестка, то что ты тут делаешь?» – «Ну, здесь ведь дом вашего сына Али». – «Зря! К чему моему сыну дом в таком месте?! Собирайся, мы хамаданцы. Собери все вещи, и мы возвращаемся в Хамадан».

И вот эта невестка неведомым мне образом своим сладким языком смогла меня как-то успокоить и подвести к накрытому столу с ужином. Я даже не помню, как вошёл. Это был просто ужас, то место даже нельзя было назвать домом. В ту ночь я решил, что буду спать во дворе, так как там тепло, несмотря на то, что на улице зима. А невестка тогда сказала: «Во дворе нельзя. Там ведь небезопасно, вдруг ночью начнётся бомбёжка!» – «Нет-нет! Не будет никакой бомбёжки! Я буду спать именно там».

В результате спора с Фереште победителем, конечно, оказался я, и мы принялись подметать двор. Но она не сдавалась и продолжала пытаться отговорить меня от этой затеи, предупреждая о том, что в тех краях водятся скорпионы.

«Ха! Запугиваешь меня скорпионами? К чему мне вас беспокоить сейчас на ночь глядя... Я всё равно лягу здесь».

Я лёг спать и рано утром проснулся, чтобы совершить утренний намаз, после которого отправился в соседнюю лавку, где продавали домашнее молоко,

и купил там немного свежего парного молока и хлеба. Не успел я войти во двор, как увидел, что Фереште стоит с тапочкой в руках на моей постели. Увидев меня, она сразу закричала: «Скорпион! Я же просила вас не спать здесь. Смотрите, какой он большой!» – «Погоди! Не убивай его! Если он со вчерашнего дня был в моей постели и не тронул меня, то и ты не спеши убивать его. Не ты же ведь подарила ему жизнь, чтобы так необдуманно отобрать её».

Эх... да... Мы тогда не только не смогли вернуть домой наших детей, но и сами волею судьбы остались в Дезфуле...

В это время в палату вошла медсестра и, прервав историю Насера-аги, сказала:

– Прошу прощения. К сожалению, время посещения закончилось, и вам необходимо покинуть палату.

Попрощавшись со мной, Насер-ага вместе с папой и мамой вышли, беседуя между собой, и я снова осталась одна в палате, наполненной ароматом благоухающих цветов. Помню, что в ту ночь я смогла хорошо выспаться.

На следующее утро после завтрака мама помогла мне одеться.

– Папа пришёл и ждёт тебя в зале ожидания, – сказала она.

Две медсестры с корзиной цветов, подарочной коробкой и Кораном стояли рядом со мной по указанию главврача и в знак уважения должны были проводить меня до дома. Я села в кресло-каталку, и меня привезли в зал, где, как и сказала мама, в ожидании сидел отец. Он тут же подошёл ко мне, а мама пошла за малышом. Хотя я и была тепло одета, как только мы вышли из больницы, мне тут же стало холодно. На улице лежал снег, а воздух был ледящим. С помощью медсестёр

я встала с кресла и села в машину, на двери которой был логотип больницы Фатимийе. Через окно машины я увидела маму, осторожно спускающуюся по лестнице с ребёнком на руках. Водитель машины, в которую я села, ждал, пока с места тронется автомобиль отца.

Было такое ощущение, что деревья и крыши покрасили в снежно-белый цвет каким-то спреем. Всё вокруг было белым и холодным. Проехав мимо останки Аббасабад, мы заехали на улицу Мирзаде Эшки, на которой с крыш домов свисали ледяные сосульки. Люди осторожно передвигались по снегу. Проехав улицу Мирзаде Эшки, я невольно обернулась и посмотрела на улицу, на которой мы жили. Мимо проезжали машины, из-под колёс которых доносился скрип слипающегося мокрого снега, брызгавшего во все стороны. Мне всегда нравился этот звук.

Мы свернули на другую дорогу и проехали мимо профессионального училища имени мучеников Дибадж⁷. Папа с трудом заехал на территорию многоквартирных домов, так как снег был ещё не убран, и остановился перед шестым подъездом, вышел из своей машины и подошёл к нашей. Несмотря на снег

⁷ Сейед Реза Дибадж родился 21 апреля 1948 г. в Хамадане. Учился на четвёртом курсе факультета психологии Государственного университета города Шираз. Был женат и имел дочь. Один из революционеров. Был арестован 8 июля 1972 г. и в результате жестоких пыток шахского режима мученически погиб 26 июля того же года в тюрьме Адель Абад города Шираз. Тайно похоронен на кладбище Бехешт-е Захра в третьем ряду на 33-м участке.

Сейед Хосейн Дибадж родился 22 апреля 1951 г. в Хамадане. Был студентом третьего курса факультета строительной инженерии Государственного университета Амир Кабир. Арестован 10 мая 1974 г. спецслужбами шахского режима и в результате пыток погиб в тегеранской тюрьме Эвин 18 мая того же года. Похоронен рядом с братом.

и холод, перед подъездом в ожидании нас столпились соседи. Один из них сыпал семена гармалы в костёр, дым от которого в холодную погоду неторопливо поднимался к небу. Я увидела барашка, голову которого придерживал мясник. От леденящего душу бляения животного сжималось сердце. С правой и левой сторон дома висели две фотографии улыбающегося Али. Соседки подошли ко мне и обняли, а одна из них при виде меня даже расплакалась. В какой-то момент бляение барашка стихло, и, обернувшись, я увидела на снегу яркое алое пятно крови, от которого поднимался пар под звуки салаватов, которые выкрикивали люди, собравшиеся нас встречать.

Квартира свёкра была на четвёртом этаже, и я подумала, как же мне осилить столько ступенек. Одна из медсестёр взяла меня под руку и повела в подъезд. Немного поднявшись по лестнице, мы остановились, и я увидела ещё одну фотографию Али с объявлением о дате сорокового дня его смерти. Там было написано: «4 января 1988 года с 8:00–11:30 в мечети Махдийе состоится поминальное мероприятие. Женщины также могут принять участие в отведённом для них отдельном помещении». Под объявлением было подписано: «Информационный отдел операций дивизии “Ансар аль-Хосейн” провинции Хамадан и семья мучеников Амира и Али Читсазийан».

Вместе с медсёстрами мы не спеша шли наверх, все остальные из-за меня также были вынуждены подниматься медленно. Я всё ждала, что Али выбежит встречать меня и закричит:

– Захра-ханум! Цветочек мой! Как ты? Цветочек мой! Цветочек мой!

Как же мне нравилось, когда он меня так называл. Комок снова предательски подступил к горлу и

не позволял мне вздохнуть. Мама с ребёнком быстро поднялась наверх, чтобы малышу не стало холодно, а те соседи, которые поскорее хотели увидеть его, опередили нас и поспешили за мамой. Я спросила у медсестры:

– Какой это этаж?

– Второй.

На втором этаже также висело объявление о сороковом дне смерти Али. Всё та же фотография, где он с длинной рыжеватой бородой и улыбается. Я почувствовала дрожь в ногах и уже больше не могла передвигаться. Еле добравшись до лестничной площадки третьего этажа, я остановилась. В этот момент кто-то из соседей открыл дверь и предложил:

– Прошу вас, Фереште-ханум, заходите к нам и отдохните немного. Позже продолжим путь вместе.

– Спасибо большое, мы уже дошли, – ответила за меня одна из медсестёр. – Оставшийся последний этаж мы осилим.

С верхнего этажа доносились голоса людей, произносящих салаваты, а запах гармалы распространился по всему дому. От слабости мои ноги не переставали дрожать, но мы всё же добрались до четвёртого этажа, и я почувствовала огромное облегчение.

В комнате светлой и тёплой квартиры, в которую мы вошли, были раздвинуты шторы, и солнечные лучи падали на ковер. На полу возле батареи была застелена постель, на которой уже лежал мой сын. Медсестра помогла мне присесть, и я аккуратно убрала одеяльце с его румяного личика, испытывая неопишемую радость. Наш малыш беззаботно и тихо спал. Соседки и обе медсестры сели рядом со мной. Оглядевшись вокруг, я увидела две фотографии в рамках, на них были изображены Амир и Али. Я сказала про себя:

– Али... Ты видел нашего малыша? Видишь, какой он красивый?

Комок в горле с новой силой дал о себе знать, и я изо всех сил старалась сдерживаться, чтобы не проронить ни одной слезы. Мансуре-ханум очень любила своих детей...любила Амира, Али, Хаджи Садега и Марьям. На обеих фотографиях висели белые лилии, которые Мансуре-ханум сама бережно и заботливо привязала.

Марьям зашла в комнату, неся на подносе чай, и раздала его гостям, а Мунире-ханум, жена Хаджи Садега, расставила тарелки и предлагала сладости. За последние месяцы эта квартира столько всего успела увидеть, неожиданно наполняясь то гостями, то слезами, то криками боли.

В тот день, когда погиб Амир, Мансуре-ханум на кухне этой квартиры упала в объятия Али и стала рыдать, целовать и заклинять его словами:

– Али, ты видел Амира?

Али тихо плакал... И я никогда не забуду те слёзы.

Попрощавшись, медсёстры ушли, а соседки, выпив чая и отведав сладостей, по одной подходили ко мне с поздравлениями. Поскольку я была очень уставшей, голова кружилась, а тело ныло от слабости, я решила прилечь и тут впервые услышала плач малыша. В комнату тут же вбежала мама и взяла его на руки.

– Он проголодался. Смотри, как он кривит ротик, ему надо поесть.

Сказав это, она села рядом, взяла кусочек сладостей с тарелки и принялась меня кормить. Я почувствовала, что силы стали возвращаться ко мне. В этот момент к нам зашла Мансуре-ханум и протянула мне стакан сладкого шербета:

– Выпей, чтобы твоё молоко стало сладким.

Мама взяла стакан и стала меня неторопливо поить. Я почувствовала прилив сил и взяла на руки своего сына, который, двигая губками, словно искал что-то. Завёрнутый в своё белое одеяльце, он казался ещё краснее и меньше. Он был такой хрупкий, что мне было страшно обнять его. Как только он принялся сосать молоко, бабушки с удовольствием выдохнули. Он сжал свои маленькие кулачки, и я, разжав один из них, увидела его розовые длинные ногти.

Мансуре-ханум с дрожью в голосе умилённо сказала:

– Машалла! Как же малыш похож на Али. Он тоже был таким... Мой бедный сынок...

Я чувствовала, как проголодался малыш и с каким аппетитом он пил молоко. Проведя рукой по его белой шапочке, я засмотрелась на фотографию Али, под которой была написана фраза, принадлежавшая ему: «Только тот сможет пройти через колючие проволоки врага, кто не застрял в колючих проволоках своих собственных страстей».

Малыш закашлял, и мама тут же приподняла его, объяснив мне:

– Он поперхнулся.

Указательным пальцем она слегка надавила малышу на область между бровями. Я забеспокоилась, увидев, что ребёнок ещё сильнее покраснел. Мама тихонько постучала по спинке малыша, уложила его в постель, и он, не плача, тихонько уснул, сжав ручки в маленькие кулачки.

Почувствовав запах жареной муки, разнёсшийся по квартире, мама торопливо вышла из комнаты и отправилась на кухню. Все занялись своими делами, а я снова погрузилась в воспоминания. За неделю до

того, как ушёл Али, 18 или 19 ноября, у меня сильно разболелся живот, и Мансуре-ханум приготовила домашнюю сметану. Я тогда сидела на этом же месте. Помню, как, придя в полдень домой, Али сказал: «Мама, дай мне, пожалуйста, сметаны. Может, меня уже не будет в живых, когда родится ребёнок, и я уже не смогу её поесть».

В этот момент в комнату вошла Мансуре-ханум. В одной руке она держала тарелку со сметаной, а на другую руку был надет жёлто-красный рукав в клеточку, который я сама ей сшила. Она посмотрела на меня с беспокойством, но мне не хотелось рассказывать ей, от чего я ощущаю такую жгучую и нестерпимую боль в сердце.

– Я не смогу съесть это, – сказала я и, не выдержав, громко заплакала.

В этот момент ребёнок вздрогнул, на его лбу появились морщинки, и он несколько раз потянул руки. Подбежав к нему, мама взволнованно спросила:

– Что случилось?

Прослезившись, Мансуре-ханум села рядом со мной, посмотрела на фотографии своих сыновей и сказала:

– Даже если тебе это не нравится, ты должна поесть. Это полезно. Бедный Али... он любил мою сметану.

Мама, пытаясь успокоить нас обеих, предложила произнести салаваты.

Сквозь слёзы я с болью сказала:

– Мама... Даже спустя сорок лет я всё равно буду помнить об Али. Вплоть до Судного дня... он будет в моём сердце.

Мансуре-ханум со стоном закричала, лицо её пожелтело, а глаза потухли.

– Мансуре-ханум, с вами всё хорошо? – забеспокоилась мама.

Она молча кивнула. Мама обернулась ко мне, опустила ложку в сметану, в которой было несколько красивых лепестков шафрана, и сказала:

– Ты покушаешь сама, или тебя накормить?

У меня совсем не было аппетита, и я плохо себя чувствовала от запаха жареной муки и шафрана, заполнившего всю квартиру. Я вспомнила халву, которую готовили на поминках Амира и Али, и задыхалась от слёз.

– Я очень скучаю по Али...

Мансуре-ханум тихо встала и ушла, а мама сказала:

– Смотри, дорогая Фереште, если будешь плакать... Мы же договаривались о том, что не будем плакать среди людей. Ты должна быть сильной, завтра со роковой день смерти Али. Может быть, среди гостей будут и лицемеры, которых ты обрадуешь своей слабостью. Ты должна быть стойкой. Помнишь, как вёл себя Али, когда погиб Амир? Ты тоже должна быть такой. Твой сын не сирота, он сын героя, а ты – жена героя, и я не прощу тебя, если ты позволишь себе проявлять слабость. Мы сами выбрали этот путь... Ты ведь не забыла, что, когда они пришли тебя сватать, ты заявила, что выйдешь замуж за того, кто не боится войны, и что тоже хочешь служить делу революции. Так ты не хочешь выполнить свой долг? Сейчас как раз время сделать это. Разве ты не говорила, что твой будущий супруг будет храбрым и верующим, и разве Али не был таким? Теперь твоя очередь... Ты должна быть храброй и верующей. И больше не плачь. Слёзы – признак слабости, а мусульмане не слабые... в особенности моя девочка Фереште.

– Мама, я всё это знаю. Что делать... Я тоскую. Неужели нельзя позволить сердцу поскучать?

Раздался голос Мунире-ханум, позвавшей маму. Вставая, она сказала:

– Поешь, пока меня нет. Как только поправишься, пойдем на кладбище мучеников, и тебе станет легче.

Я подвинула к себе поднос и посмотрела в окно, шторы на котором были раздвинуты. На улице царила тишина, с неба тихо падали снежные хлопья... Я подумала о том, что сейчас могильные плиты Али и Амира, должно быть, стали белыми от снега.

Я вспомнила, что уже несколько дней ничего не писала в своём дневнике, и подумала, что напишу письмо Али, где скажу ему: «Дорогой Али, у тебя родился сын. Как нам его назвать: Мусайиб или Амир?»

От этих мыслей я снова расплакалась как ребёнок и в слезах простонала:

– Боже. Я так тоскую! Что мне делать?! Я очень скучаю!

* * *

После полудня мою постель собрали и все вещи отнесли в спальню.

Каждый вечер после смерти Али домой приходили гости, а сегодня к ночи на сороковой день его гибели людей было особенно много.

Я вместе с сыном поселилась в спальне. Все тогда говорили мне «не плачь», «не переживай», но разве можно жить в этой комнате, полной воспоминаний, не переживая и не плача? Одному лишь Богу было известно, сколько всего я перенесла и как мне было тяжело. Только Он знает, кого я потеряла... Ведь до сих пор альбом с фотографиями Али лежит на моей полке.

Когда я в самый первый раз вошла в эту комнату, моё внимание привлёк большой шкаф слева, полностью занимавший стену. Справа и слева стояли шифоньеры,

а посередине располагался декоративный шкаф с полками, который был заполнен книгами, альбомами и личными вещами Али. Как же я любила эти альбомы, в которых было множество фотографий его друзей. Как только у него появлялось время, он сразу говорил мне:

– Фереште, принеси мне альбом. Посмотрим вместе старые фотографии.

На дверях обоих шифоньеров и на стене справа и слева висели фотографии его погибших друзей, а также всякие записки, повязки и солдатские жетоны. В те дни, когда я впервые оказалась в его комнате и увидела те фотографии, я очень удивилась, что у Али столько друзей, павших в бою. Глубоко вздохнув, я подумала: «Всё-таки ты сделал своё дело и отправился на эту ступеньку памяти к своим друзьям...»

В комнату вошёл Насер-ага и спросил:

– Фереште-ханум, как бы ты хотела назвать своего сына?

– Я даже не знаю. Как вы скажете.

– Али завещал мне всё, – как обычно шутил, ответил он, – начиная с животного жира, сметаны, мёда и заканчивая всякими мелочами, такими как памперсы, но основное он забыл.

– Он сказал мне, – смущённо призналась я.

– Сказал? Что сказал? – взволнованно спросил он.

– Всегда говорил, что, если родится девочка, назвать её Зейнаб, а если мальчик – Мусайиб⁸.

– Да нет, – нахмурившись, ответил он. – Это он сказал на эмоциях, когда Мусайиб только скончался.

⁸ Мусайиб Маджиди родился 30 июня 1960 г. в селении Дарре Морадбиг вблизи города Хамадан. Служил заместителем начальника информационного отдела 32-й дивизии «Ансар аль-Хосейн» провинции Хамадан. Был близким другом Али. Присоединился к рядам павших 17 марта 1986 г. в иракском городе Аль-Фао.

– Он очень любил Мусайиба, – немного помолчав, сказала я. – Они были как родные братья.

Насер-ага подошёл и встал перед фотографией Мусайиба Маджиди.

– Мусайиб, да смилостивится над тобой Господь. Нашего сына ты тоже забрал с собой. – Повернувшись, он взглянул на меня, а затем снова посмотрел на фотографию и вздохнул. – Эх... Это ты сказал ему когда-то, что путь к мученической смерти лежит через слёзы.

Затем, сев рядом со мной, он продолжил:

– После смерти Мусайиба глаза моего сына всегда были красными...

Невольно я взглянула на изображение Мусайиба, которое было среди фотографий других героев.

Насер-ага наклонился к малышу и сказал:

– Я сам давал имена своим сыновьям: Садегу, Али и Амиру. Полное имя Амира – Мухаммад Амир, а Али родился 12 раджаба, в день рождения имама Али.

В этот момент в комнату вошла Мансуре-ханум. Мне показалось, что она всё слышала.

– Насер, имя Али должно жить вечно, – глубоко вздохнув, сказала она.

Затем, посмотрев на фотографию Амира и Али, она добавила:

– Я предлагаю назвать ребёнка Мухаммад Али в честь Мухаммада Амира и Али. Вам нравится?

– Мухаммад Али... Как хорошо. Очень, очень хорошо, мама.

Насер-ага, обрадовавшись, поцеловал в лоб Мухаммада Али, глаза которого были открыты, и, взяв его на руки и обняв, сказал:

– Давай, вставай... Пошли, как двое мужчин. Сколько можно спать?!

Как только они ушли, по квартире разнеслась волна голосов, произносящих салават, а через некоторое время донёлся запах дымка гармалы. Встав со своего места, я подошла ближе к фотографиям павших воинов и стала разглядывать их: Хамид Назари⁹, Али Дана Мирзаи¹⁰, Худджат Замани¹¹, Мухаммад Шахбази¹²...

Проведя рукой по фотографиям, я подумала о том, с какой любовью и заботой Али прикреплял их на стену канцелярскими кнопками. Отпечатки его пальцев до сих пор были заметны на некоторых глянцевых изображениях. Прижавшись лбом к фотографии Амира, которая вместе с фото Али была единственной, помещённой в рамку, я почувствовала запах рук Али, ведь совсем недавно он сам повесил её на стену.

Посмотрев на фотографию Али, я тихонько сказала: – Дорогой, имя нашего сына Мухаммад Али, но в память о тебе я буду называть его Али.

С этими мыслями пропал и комок в горле.

Все фотографии хранили запах рук Али, и вообще вся комната пахла им. Я столько старалась, чтобы

⁹ Хамид Назари родился 22 июня 1967 г. в селении Дарре Моррадбиг вблизи города Хамадан. Погиб 11 сентября 1986 г., будучи водолазом и членом разведывательного подразделения на острове Маджнун.

¹⁰ Али Дана Мирзаи родился 30 марта 1965 г. в городе Малаер. Погиб 21 мая 1984 г. во время военной операции в проливе Хаджиан.

¹¹ Худджатулла Замани родился 21 марта 1959 г. в селении Кухим провинции Кабудар Аханг. Погиб 6 августа 1983 г. во время военной операции «Ва-ль-фаджр-2» в Хадж Имране, Ирак. Его брат Ниджат Али расстался с жизнью в городе Аль-Фао 17 февраля 1986 г.

¹² Мухаммад Реза Шахбази родился 20 июня 1964 г. в селении Абруманд вблизи города Бахар, провинция Хамадан. Погиб 7 марта 1985 г. во время бомбардировки военного гарнизона Абузарр Сарполь Захаб. Его брат Самад погиб в городе Шаламче.

образ его белых и тёплых рук как можно дольше оставался в моей памяти... Его высокий рост, длинная рыжая борода, голубые глаза, морщины на лбу, рыжие волосы и брови...

В ту ночь Али спал в этой комнате. Нет. Мы были дома у Хаджи Садега, и, несмотря на то, что Али был очень уставшим и нехорошо себя чувствовал, ему нужно было уехать в половине третьего утра.

– Фереште, ты разбудишь меня, если я усну? – спросил он меня.

– Да, – тут же ответила я.

Лучше бы я его не будила... Лучше бы я сама уснула, и мы бы оба проспали. В глубине души я тогда догадывалась, что на этот раз он не вернётся. Откуда я это знала?.. Я помню, что в тот вечер у меня в ушах постоянно звучало:

«Фереште, внимательно смотри на него. Попробуй насмотреться и на всю жизнь запечатлеть это лицо, волосы и брови, его походку и привычку стучать пятками...»

Али всегда торопился и спешил уйти, его голубые глаза, казалось, так никогда и не отведали здорового глубокого сна. Он всегда был начеку, но в ту ночь он заснул очень глубоко и периодически вздыхал. Зачем же я разбудила его? Почему сама тоже не уснула? Я ведь слышала эти голоса, которые постоянно визжали у меня в ушах и твердили:

– Это последний раз, когда ты видишь своего мужа. Это последние проводы... Это последняя встреча и прощание.

Когда Али лёг спать, я ушла в гостиную. Но почему я ушла? Почему не остановилась и не насытилась созерцанием его? Разве я не знала тогда, что следующая наша встреча произойдёт лишь в ином мире?

Мои размышления прервал голос матери.

– Фереште, дорогая Фереште, мне принести твой ужин, или ты сама придёшь?

Я быстро вытерла слёзы и посмотрела на своё отражение в стекле фотографии Али. Кончик носа и глаза покраснели. Я не была голодна, но всё же отправилась в гостиную, где расстелили большую скатерть для всех гостей.

Дома были близкие люди: Марьям, её муж и дочка, Хаджи Садег, его жена и дети, родители Али, бабушка и дедушка Али: Хаджи-баба и Ханум-джан – и бабушкин брат, дядя Мухаммад, который раньше жил за рубежом, но уже несколько лет, как оставил жену и ребёнка и вернулся в Иран жить вместе со своими родителями. Мне стало больно... Какой же весёлой и счастливой семьёй мы были. Что бы здесь творилось, если бы Али и Амир были живы, их шутки и смех раздавались бы по всей квартире. Почему с нами такое произошло?..

Какое странное семейное собрание у нас получилось, такое унылое и безжизненное. К вечеру Мансуре-ханум стало плохо из-за болей в почках, поэтому Хаджи Садег отвёз её к доктору. Все молчаливо и тихо сидели вокруг скатерти, лишь Насер-ага пытался поднять всем настроение.

– Эй, твой сынок убивает нас, Фереште! Почему он совсем не плачет?!

– Фереште, вместо того, чтобы плакать, он весь краснеет.

На ужин у нас был рис с гороховой и картофельной подливкой. Марьям, неся в руках поднос, прошла мимо меня, и до меня тут же донёлся запах оманского лимона.

Я села возле Мансуре-ханум и спросила у неё:

– Как вы себя чувствуете? Что сказал врач?

Лицо у Мансуре-ханум было бледным, под глазами набрякли мешки.

– Киста почки увеличилась. Врач говорит, что нужно оперировать. Ох... Скажи мне, как тут можно не нервничать?

Насер-ага, у которого на руках всё еще был Мухаммад Али, обратился ко мне:

– Невестка, возьми своего сына. Я столько раз его щипал и кусал, но он всё равно не плачет.

– Да, – взволнованно ответила я.

– Насер, – безжизненно и вяло обратилась к нему жена, – пусть количество песчинок на могиле Али будет равно годам жизни этого малыша. Как же он похож на него. Али тоже был таким. Он не издавал ни звука, даже когда болел или испытывал боль.

– Он, конечно, был тихим и спокойным в детстве, – засмеялся Насер-ага, – но определённо компенсировал всё, когда стал взрослее. Чуть ли не по стенам бегал!

– Кто? Мой сын? – медленно выговаривая слова, произнесла Мансуре-ханум. – Не помнишь, как до своей гибели он заболел, но никому и слова не сказал? Мы поняли всё только по его нездоровому виду.

Насер-ага задумался и тихо сказал себе под нос:

– Цвет его лица говорил о тайне, которую он хранил внутри... Правду говоришь. Когда он вернулся из зоны боевых действий, состояние его было ужасным, но он ни разу не пожаловался и скрывал всё. Я тогда спросил у него, что с ним. А он лишь ответил: «Ничего». Я спросил ещё раз: «Ты простудился?» – а он лишь сказал: «Наверное». Моё предложение пойти к врачу он сразу отверг и сказал, что Фереште даёт ему нужные таблетки. Я тогда принёс ему лекарство, и он молча выпил его. Хаджи Садегу пришлось силой

отвезти его к врачу, где ему сделали укол. Когда он вернулся домой, мы тут же уложили его спать. Проснулся он в полночь и пошёл на кухню. Я последовал за ним и спросил: «Тебе лучше, сынок?» – «Нет, я голоден», – ответил он.

– Я тогда проснулась от шума на кухне, – добавила Мансуре-ханум. – Придя туда, я увидела Али, сидящего на полу. Он ел яичницу и повторял: «Как вкусно! Прямо что надо!». Мы только потом поняли, что он несколько суток вообще ничего не ел.

– Да, вы правы, – подтвердил Хаджи-баба. – Али был очень стойким и сильным. Друзья говорили, что во время всех семи ранений, которые он перенёс, он не издал ни единого звука. Помнишь, как через два-три дня после свадьбы мы пригласили вас домой? Вечером в спортзале во время занятий кунг-фу он вывихнул ногу. Не понимая, в чём дело, я видел за столом, что ему не по себе, он был весь красный, но ничего не говорил.

– Да, – кивнула мама, – это произошло 28 мая в прошлом году. Я прекрасно помню тот день, так как это был день рождения Фереште. Я хотела выйти и купить торт, но Фереште не позволила, сказав, что не хочет никого беспокоить. Хаджи-баба говорит правду, я заметила, как во время ужина ему было беспокойно. Он покраснел и, сжавшись, сидел в углу. Я подумала, что он стесняется, так как они с Фереште тогда только поженились.

– Фереште, – обратилась ко мне мама, – тебе положить рис или качи?

Мне снова захотелось плакать и убежать в ту комнату, где я смогу вдоволь нарыдаться. С усилием я выдавила:

– Рис, но немного, пожалуйста.

* * *

В понедельник 4 января 1988 года в мечети Махдийе мы провели поминальное мероприятие в сороковой день со смерти Али.

В тот день я осталась дома вместе с несколькими соседками, которые пришли ко мне, чтобы не оставлять одну. Мероприятие началось в 9 утра и закончилось в половине 12-го, однако все вернулись после часа. Как рассказывали, по всей провинции было проведено около 60–70 поминальных мероприятий в честь Али в различных городах и сёлах. Большое количество людей посетило мечеть Махдийе, а на обед пришло много гостей к нам домой. Заранее обо всём подумав, Хаджи Садег для всех заказал еду на дом.

Знакомые и родственники в мечети спрашивали обо мне, некоторые из них только там узнали о рождении Мухаммада Али, а после обеда близкие люди пришли домой навестить нас. Многие принесли мне и сыну подарки, среди них были одеяла и одежда, а также игрушки для малыша. Несколько родственников подарили мне отрез материи и разноцветный платок, учтиво призывая перестать надевать чёрное и выйти из траура. Некоторые из них и вовсе настаивали на том, чтобы пойти в салон красоты, если я дам на то согласие. Среди гостей была светленькая женщина моих лет. Она всё время сидела рядом со мной и проявляла заботу. Как бы я ни пыталась понять, кто она, но так и не вспомнила и решила, что наверняка это супруга одного из товарищей Али. В конце концов она сама обратилась ко мне:

– Панахи-ханум, вы, наверное, меня не знаете?

– К сожалению, нет. Сколько бы я ни думала, не могу вас вспомнить.

– Вы имеете на то полное право, но вас знают все, так как вы супруга самого Али Читсазийана. Кто в Хамадане не знает о нём.

– Спасибо большое, – еле слышно пробормотала я. – Вы очень любезны.

– Мы в прошлом году после праздника в мечети Махдийе учились стрельбе. Помните? Вы нас там не заметили, но все женщины мимикой или как-то иначе указывали на вас, говоря, что вот та высокая девушка – жена Али Читсазийана. Я не знаю почему, но мне тогда показалось, что раз вы жена командира, вы, должно быть, стреляете лучше всех нас.

Незнакомка засмеялась и добавила:

– Но во время стрельбы все пули пролетели мимо мишени.

Мне тоже стало смешно от тех воспоминаний, и я улыбнулась.

Тем временем Марьям с большим подносом в руках, наклоняясь, предлагала чай всем гостям, сидевшим в гостиной, а Нафисе с сахарницей в руках следовала за ней.

– Панахи-ханум, – продолжала незнакомка. – Мы состоим в кружке «Сопrotивление» при мечети Махдийе и вместе с другими сёстрами занимаемся издательской деятельностью. Я прошу прощения... Но если бы вы смогли поделиться какими-то интересными воспоминаниями о супруге, мы могли бы это напечатать.

Затем она открыла свою сумку и достала тетрадь с ручкой.

Я погрузилась в мысли и воспоминания об Али, но в тот момент мне ничего не приходило в голову, и я сказала ей:

– Но я ведь не была с ним во время военных действий, а у Али не было привычки рассказывать о войне.

– То есть он ничего не рассказывал об операциях, о своих друзьях, о ранениях? – с удивлением спросила она.

– Ничего. Если я и узнавала что-то, то не от него, а от его друзей. О себе самом он ничего не рассказывал.

– Прошу прощения... Когда вы вышли замуж?

– В марте 1986 года.

Незнакомка стала считать на пальцах рук и сказала:

– То есть вы жили вместе приблизительно год и восемь месяцев?

– Да, приблизительно так.

– Наверняка у вас есть какие-то воспоминания того времени?

Я снова погрузилась в мысли и стала размышлять о том, каким воспоминанием мне поделиться: о жизни в Дезфуле или о поездке в Мешхед и Кум, рассказать о нашей свадьбе или же о приключениях в больнице Сасан...

– Извините, а в чём цель этого интервью?

– Ну, я думаю, что люди хотят знать о командирах, о том, какие они люди, и особенно о том, каковы они в личной жизни, в отношениях с супругой, с семьёй...

Я улыбнулась в ответ на её слова и сказала:

– Люди знают Али лучше, чем его семья и я. Он известен своей храбростью, своей любовью к имаму Хомейни и внимательностью к его изречениям. Во всех своих речах Али постоянно повторял одну мысль: «Не давайте идеям имама оставаться неисполненными». Он был очень дружелюбным и общительным человеком.

Моя собеседница безнадёжно посмотрела на меня, положила ручку в тетрадь и, закрыв её, спросила:

– То есть вы хотите сказать, что у вас нет ни одного воспоминания?

У меня было очень много воспоминаний об Али: с первого дня, как он засватал меня, до того момента, когда мы в последний раз попрощались. Я даже все эти даты 1986–1987 годов отметила в календаре, так как имела особое увлечение записывать некоторые воспоминания и события нашей совместной жизни. Даже если я не имела возможности подробно описать их, то особенно важные события отмечала в ежедневнике хотя бы одним словом или небольшим пояснением. К тому же я собирала на память очень много вещей, хранила все его письма, все его подарки, начиная с мохра¹³ из Кербелы и заканчивая молитвенным ковриком, чётками, кусочком материи, который он привёз после встречи с имамом, небольшими флаконами масляных духов, которые он наносил за уши перед намазом. Но я подумала: «Какую пользу могут принести людям мои личные воспоминания о его жизни?»

Увидев, что я замолчала, настойчивая собеседница прервала мои размышления словами:

– У вас нет никаких воспоминаний?

– Извините, – улыбнувшись, сказала я. – В такой обстановке и состоянии мне трудно что-то вспомнить.

Она не стала больше настаивать и положила свои письменные принадлежности в сумку. Выпив чая и отведав сладостей, она вышла, взяв с меня обещание дать интервью как-нибудь в другой раз.

¹³ Мохр – небольшая плитка из камня или прессованной глины, к которой мусульмане-шииты прикладывают лбом во время совершения намаза (*прим. ред.*).

* * *

Ночью, когда все гости ушли, мы собрались вместе в своем маленьком семейном кругу.

Мансуре-ханум было плохо. Она не хотела прощаться с Марьям, которая собирала свои вещи и рано утром уезжала с мужем, а Насер-ага и все остальные молча и печально сидели в углу. Мама, обтирая Мухаммада Али влажным платком, сказала мне:

– Фереште, ты тоже собери вещи. Завтра поедем вместе. Твой отец один, а девочки идут в школу. Даже не знаю, что они там дома натворили за все эти дни.

Она уложила в постель внука, запах которого заполнил всю комнату. Это был запах его присыпки, молока и детского мыла. Я встала и начала складывать в сумку его вещи, собрав всё заранее, чтобы утром ничего не забыть. Мухаммад Али проснулся, он всё ещё был красным, но его опухлость уже прошла, из-за чего он казался ещё более худым. Лёжа, он смотрел в потолок своими серыми глазками и совсем не капризничал. Я взглядом поймала на стене фотографию Али, который печально смотрел на меня, и произнесла:

– Дорогой Али, чем ты обеспокоен? Все надежды женщины зависят от мужа. Теперь, когда тебя нет, я испытываю здесь другое ощущение. Мне кажется, что я здесь буду лишней ношей.

Я уходила и не знала, как скоро вернусь в эту комнату воспоминаний, в которой мы жили, когда Али возвращался из зоны боевых действий... комнату, которая пахла им... комнату, где висела его одежда. На полках в библиотеке были его книги, записки и альбом с фотографиями, которые он бесконечно любил. Уходя, я подумала, что лучше мне забрать его фотографию в рамке, но, потянувшись к ней, я застыла.

Как бы я ни старалась, я не могла отнять руку. Вдруг я услышала голос Насера-аги:

– Фереште, что ты делаешь?

Сумев, наконец, оторвать руку от фотографии, я сказала:

– Насер-ага, завтра я хочу вернуться в отцовский дом. С вашего позволения, я хотела забрать фотографию Али.

– Ты хочешь уйти? – с удивлением спросил он и, повернувшись к двери, стал звать жену. – Мансуре! Мансуре! Смотри, что тут говорит Фереште! Она хочет уйти!

Через некоторое время Мансуре-ханум, мама, Хаджи-баба и Ханум-джан показались в дверях. Заметив мои собранные вещи, Мансуре-ханум не выдержала и заплакала. Посмотрев на неё и не зная, как мне быть и что говорить, я тоже расплакалась. Насер-ага также еле сдерживал слёзы. Пришла Марьям и, увидев плачущую мать, встревоженно спросила:

– Мама, что случилось?

Мансуре-ханум плакала с такой болью, что дрогнуло бы самое каменное сердце. Дочь обняла её, но вместо того, чтобы успокоить, тоже заплакала. Атмосфера была настолько тяжёлой, что каждый входящий в комнату и видящий эту сцену невольно начинал плакать. Я знала, что в последние дни и во время мероприятия все сдерживались и старались не заплакать на радость врагам, отдавая им в руки козырь. Единственный, кто всё ещё держался, был Насер-ага. Собрав все силы в кулак, он сказал:

– Души Али и Амира сейчас с нами. Давайте произнесём салават для них.

Последовав его предложению, мы все произнесли салават.

Дядя Мухаммад сидел возле Мухаммада Али и играл с ним. Посмотрев на них, Насер-ага продолжил:

– Я уверен, что души Али и Амира наблюдают за нами, поэтому, во имя всего святого, прошу вас, давай-те не будем плакать.

Все услышали, как дрожал его голос, он был словно потрескавшееся стекло, готовое разбиться при малейшем движении.

Мансуре-ханум, Марьям и мама успокоились, а Насер-ага, обернувшись, сказал мне:

– Фереште, дорогая, теперь скажи нам. Ты устала от нас? Тебя кто-то обидел?

– Нет! – не задумываясь, воскликнула я. – Клянусь, нет никаких обид.

Мансуре-ханум снова заплакала:

– Так почему же ты хочешь уйти?

– Я не хочу доставлять вам неудобство, – посмотрев на маму, сказала я. – Мама тоже хочет пойти домой, ведь отец и сёстры там одни.

Мансуре-ханум прижала к груди внука и, рыдая, сказала:

– Куда ты хочешь увезти моего любимого внука? Дорогие Амир и Али... Господи. Амир... Али... Куда вы хотите уйти?

Дрожащим голосом Насер-ага обратился к нам:

– Нет, дорогая. Не говори так. Это слова чужих друг другу людей, но ты ведь нам родная. Ты наша дочь, а Мухаммад Али – наш внук. О каких ещё неудобствах может идти речь? Это ваш дом... Слава тебе, Господи, если оба моих сына стали мучениками, значит, они были достойны этого, и Ты принял их. Господи, хвала Тебе за то, что наши дети не стали причиной нашего позора и унижения. Хвала Тебе за то, что наши дети являются поводом для нашей гордости и величия. Господи...

Тысяча восхвалений Тебе за то, чем Ты щедро одарил нас, и тысяча восхвалений за то, что так красиво забрал.

Немного помолчав, Насер-ага, чтобы разрядить обстановку и поднять всем настроение, начал шутить:

– Нет, действительно, ты лучше заведи этого ребёнка. Он нас уже добил. Вы посмотрите на него! Совсем не плачет и не капризничает! У меня уже пальцы покраснели от того, сколько я его щипал! Вот дети были раньше – капризничали и кричали так, что их голос доносился до людей из соседних домов.

Увидев плач Мансуре-ханум и услышав слова Насера-аги, я решила остаться, ведь мне и самой было тяжело расстаться с этой комнатой, в которой витала какая-то особая аура, дарившая мне ощущение присутствия моего мужа. Я хотела, чтобы поскорее наступила ночь, хотела вместе с сыном лечь в комнате Али, где я всегда видела его во снах. Ту ночь и все последующие мы ложились спать именно там.

* * *

Мухаммаду Али исполнилось три месяца. Иногда мы ездили в гости к Хаджи Садегу на несколько дней, порой отправлялись к маме, но нашим основным домом был дом Насера-аги.

Здоровье Мансуре-ханум оставляло желать лучшего. Киста в её почке увеличивалась, сказываясь на общем состоянии здоровья. Насер-ага решил забрать жену в Тегеран, чтобы какое-то время она наблюдалась и лечилась там у хорошего врача. В связи с этим через два месяца я и Мухаммад Али переехали к маме, но уже тогда мы договорились, что, как только они вернутся, несколько дней в неделю я буду жить у мамы, а по четвергам и пятницам стану приезжать к Насеру-аге и Мансуре-ханум.

* * *

В отцовском доме моё состояние заметно изменилось: я стала ещё сильнее испытывать одиночество. Каждое утро папа отправлялся на работу. Он работал парикмахером в известном салоне на перекрёстке Шариати в Хамадане, имевшем особых многочисленных клиентов. Мама каждое утро и после обеда уезжала в швейный цех, в котором на добровольных началах работали несколько женщин, шивших униформу для военных. Он располагался на втором этаже над продуктовым магазином на улице Баба Тахер рядом с мечетью Мирза Давуд.

Обе мои сестры были школьницами, поэтому по утрам дом пустел, и мы с сыном оставались одни. Мухаммад Али же с самого рождения был тихим и некапризным ребёнком.

В те дни моего одиночества мне было особенно трудно. Я уходила в себя и большую часть своего времени посвящала написанию дневника, перенося в него воспоминания из календаря 1986–1987 годов. Мама была единственным человеком, который старался выволнить меня из этого всепоглощающего одиночества. Чаще всего она уходила в цех, быстро справлялась с делами и возвращалась домой, порой отменяла работу после обеда и иногда сама занималась организацией траурных мероприятий, на которые брала меня с собой. Мухаммад Али иногда оставался с бабушкой, чтобы мы с мамой могли прогуляться вдвоём хотя бы в течение получаса. Мы кое-что покупали на рынке или просто гуляли по улице. По четвергам и пятницам я чаще всего была в доме у Насера-аги.

Одиночество и тоска были тогда самыми тяжёлыми испытаниями в моей жизни после гибели Али. Чтобы хоть как-то отвлечься, я каждый день ждала

прихода гостей или знакомых, но их было немного, из-за чего у меня возникало ощущение, что после смерти мужа о нас все позабыли.

В те дни, заполненные многочисленными трудностями, которые сложно описать, я смогла сохранить должное терпение и стойкость только лишь благодаря любви к имаму Хомейни и своей приверженности принципам революции. Мне предстояло принять очень важные решения. Али до конца пошёл за своей мечтой, а я находилась лишь в начале пути.

На следующий год война закончилась, солдаты возвращались из зоны боевых действий и приступали к повседневной жизни... Постепенно всё стало меняться.

По совету мамы в 1988 году я поступила в училище и начала обучаться по специальности «сестринское дело». Первые годы разлуки с Али были самыми трудными в моей жизни, но календарь и дневники, которые я вела, помогали мне жить и ощущать его присутствие рядом. Все эти записи я всегда ношу с собой, и мне хватает беглого взгляда на ключевые слова, которыми я отмечала разные события, чтобы все воспоминания с первого дня сватовства до самой смерти Али снова предстали перед моими глазами.

Глава 2

СВАТОВСТВО И ГОЛУБЫЕ ГЛАЗА

Был март 1986 года. В окно автобуса я разглядывала голые, иссохшие деревья вдоль тротуара и постепенно таявший последний снег, покрытый пылью, грязью и копотью. В ясном голубом небе порой виднелись пролетавшие стаи птиц.

Автобус притормозил, и водитель, посмотрев в зеркало, громко объявил:

– Остановка «Училище»!

Мы остановились напротив училища имени мучеников Дибадж. Девушка с круглым белым лицом и красивыми зелёными глазами, на мой взгляд, бывшая самой красивой девушкой, которую я когда-либо видела, поправив чадру, вышла из автобуса. Я знала, что её зовут Марьям и что она студентка второго курса. Она всегда садилась в этот автобус с подругами и о чём-то с ними разговаривала. В тот день я обратила внимание на то, что она уже несколько раз попрощалась со своими подружками и помахала им рукой.

Большинство пассажиров автобуса, маршрут которого проходил через улицу Мирзаде Эшки, где я жила, были студентами училища Тахзиб. Сама же я каждый день выходила на остановке у больницы имени имама Хомейни. Я перешла дорогу и вошла в наш переулок,

где увидела небольшой автомобиль с открытой грузовой площадкой, остановившийся перед нашим домом. Несколько мужчин зашли во двор и через некоторое время вышли оттуда с большими бочками, которые загрузили в машину.

Дойдя до ворот нашего двора, я встала немного в стороне, дожидаясь, чтобы мужчины, загружавшие в машину ещё несколько бочек с соленьями, вышли.

Наш двор, в котором всегда витали разнообразные запахи съестного, был заполнен многочисленными вещами. В стороне несколько женщин трудились над чем-то, другие готовили у плиты, а третьи наливали в большую кастрюлю варенье. В другом углу группа женщин разливала в бочонки шербет. Ещё несколько женщин сидели на большом ковре и пересыпали сухофрукты с подноса, лежавшего между ними, в маленькие пакеты, которые они перевязывали тонкими зелёными ленточками.

Проходя мимо Хамидзаде-ханум – подруги мамы, работавшей вместе с ней в швейном цеху, – я поздоровалась со всеми. Хамидзаде-ханум приветливо ответила мне и что-то шепнула на ухо женщине, сидевшей рядом с ней. От этого мне стало как-то неловко, я почувствовала, как покраснела, и быстро проскользнула внутрь дома.

В гостиной семь-восемь женщин сидели на ковре вокруг большой белой скатерти, на которой была насыпана целая гора кускового сахара. Воздух в гостиной был наполнен сахарной пылью до такой степени, что, войдя в комнату, я тут же почувствовала во рту сладкий привкус. Одна из женщин читала по памяти молитву «Тавассуль», а другие шёпотом повторяли за ней слова этой молитвы, одновременно разламывая большие осколки сахарной головы.

Я тихо прошла на кухню и увидела там маму, деревянной ложкой размешивающую что-то в большой кастрюле. Поздоровавшись, я спросила её о самочувствии и открыла холодильник. В этот момент вслед за мной в кухню зашла Хамидзаде-ханум и что-то тихонько прошептала маме на ухо. Догадавшись, в чём дело, под предлогом переодеться в домашнюю одежду я побежала к себе в комнату, где спала моя пятилетняя сестра Нафисе.

Через некоторое время меня позвала мама. Услышав её голос, я торопливо, даже не заправив блузку в брюки, выбежала к ней в гостиную, где увидела ожидающих меня Хамидзаде-ханум и ту женщину, которая сидела вместе с ней во дворе. Мама жестом велела мне поправить волосы, которые я, придя домой, совсем забыла расчесать, и попросила принести чай. Я уже понимала, почему подруга Хамидзаде-ханум с таким интересом наблюдала за мной.

Налив чай в особые стаканы для гостей, наполнив сахарницу и поставив её посреди подноса, я отошла в сторону, чтобы посмотреть на свет, хорошо ли заварился чай. Цвет у него оказался очень приятным, а от стаканов медленно поднимался лёгкий пар. Случайно увидев своё отражение в блестящем боке самовара, я второпях поправила волосы и, взяв поднос, вернулась в гостиную.

Подруга Хамидзаде-ханум была светлолицей женщиной небольшого роста и среднего телосложения, одетой в аккуратную, ухоженную и дорогую одежду. Нагнувшись, я поставила перед ней поднос, а она в ответ по-матерински улыбнулась мне и, беря стакан с чаем, сказала:

– Спасибо большое. Дай Бог тебе счастья.

Дрожащими руками я поднесла поднос Хамидзаде-ханум и маме, затем вернулась на кухню, чтобы положить его на место, а потом снова побежала наверх, к себе в комнату, и заперлась. Достав из сумки дневник, рядом с датой 7 марта 1986 г. я написала: «Сватовство».

* * *

Так как на следующий день был выходной, после утреннего намаза я спала до половины десятого. Проснувшись, я, как обычно, отправилась в ванную умыться, но по пути застыла в оцепенении, увидев во дворе маму с Хамидзаде-ханум и той вчерашней женщиной в дорогой одежде. Всполошённо убежав на кухню, я спряталась и дожидалась, когда они уйдут. Через некоторое время ко мне вернулась мама и сказала:

– Фереште, я хочу тебе рассказать о Мансуре-ханум. Это подруга Хамидзаде-ханум, та самая женщина, которая вчера была у нас дома. Ты ей очень понравилась, а Хамидзаде-ханум очень нахваливала тебя ей и сказала мне, что Мансуре-ханум сама из хорошей семьи, а её сын вместе с сыном Хамидзаде-ханум служат в одной военной части.

Я взволнованно ответила:

– Мама, ты опять за своё. Сколько раз я тебе говорила, что я пока не тороплюсь выходить замуж. Я хочу учиться и поступить в университет.

– Погоди... Они же не забирают тебя прямо сейчас. Я тоже в свою очередь эти слова и многие другие от твоего имени озвучила им, но Мансуре-ханум ответила, что ей очень понравились твоё благородство и манеры. Она ищет своему сыну именно такую невесту, как ты, и против твоей учёбы они ничего не имеют. Если захочешь, после свадьбы можешь продолжить

учиться. Она даже добавила, что её дочь, будучи за-сватанной, также продолжает получать образование.

Я опустила голову и ничего не ответила, а мама улыbnулась и радостно сказала:

– Мне кажется, это хорошая семья! Их сын служит в Корпусе стражей Исламской революции.

Мама прекрасно знала, что одним из критериев, который был для меня важен, являлось то, чтобы мой будущий супруг был членом Корпуса стражей Исламской революции. Я была убеждена в том, что члены этого Корпуса являются совершенными и очень принципиальными людьми, а с точки зрения статуса и моральных достоинств они были на уровне людей из духовенства. Мама мне тогда рассказала ещё, что, по словам Мансуре-ханум, её сын с самого начала войны и до сих пор находится в зоне боевых действий.

Мне показалось, что мама одобряет и поддерживает этот брак, так как напоминала мне о моих личных принципах в вопросе замужества, одним из которых было то, чтобы мой супруг был военным. Я когда-то рассказывала ей о том, что хочу стать частью Исламской революции и не желаю становиться бременем для этого общества. Моей целью было замужество с военным, который поддерживает идею революции и служит во благо нашей страны.

Расценив моё молчание как согласие, мама больше ничего не сказала.

* * *

На следующий день, вернувшись из школы, я обнаружила дом в идеально вычищенном и убранном состоянии. Мама подмела двор и комнаты, помыла окна и развесила декоративные украшения. Уже не

было и следа от вчерашней работы хлопотливых женщин, готовивших продуктовые пайки для фронта.

Весь дом благоухал цветами. Мне стало ужасно жаль маму, совершившую такую колоссальную работу за четыре-пять часов моего отсутствия, и всё из-за того, что вечером к нам домой придут Мансуре-ханум с сыном. От этой новости у меня онемели руки и ноги, а сердце бешено заколотилось, готовое вырваться из груди.

После обеда, несмотря на моё волнение и переживания из-за сватовства, с помощью Ройи мы завершили уборку дома все вместе.

В половине девятого вечера, когда мама готовила ужин, мы услышали звонок в дверь. Папа отправился открывать и, поздоровавшись, впустил Мансуре-ханум и её сына. Вместе с сёстрами я спряталась в своей комнате, а родители с гостями направились в гостиную. Я не представляла, что мне делать, и моё волнение усилилось настолько, что стало трудно дышать. Не зная, как успокоиться, я взяла свой дневник и под датой 9 марта 1986 года сделала небольшую отметку.

Посреди нашей комнаты горела лампа, похожая на ту самую из сказки об Аладдине. Из неё неторопливо поднимался дым, и, несмотря на то, что в комнате было тепло, я дрожала и чувствовала, будто замерзаю изнутри. Через некоторое время в комнату вошла мама и тихо сказала:

– Фереште, пойдём со мной. Твой отец дал согласие, чтобы ты пообщалась с женихом.

Сердце вырывалось из груди... Я больше не чувствовала ни рук, ни ног. Как только я вошла в гостиную, у меня потемнело в глазах. Мансуре-ханум и её сын, увидев меня, встали и поздоровались. Затем

папа, мама и Мансуре-ханум вышли из комнаты, оставив нас наедине.

Жених, показавшийся мне издали высоким, стоял в конце комнаты рядом с окном, которое выходило на улицу. Он стоял с опущенной головой, и я, воспользовавшись моментом, осмотрела его. Этот светлолицый молодой человек с рыжими волосами и бородой был одет в военную форму с многочисленными карманами. Глаз его я тогда не увидела, потому что они всё время были опущены. Ни на секунду он не поднял головы, чтобы посмотреть на меня, а я стояла напротив него, прислонившись к стене и зажав перед носом чадру, не зная, что мне делать.

В центре комнаты стояли коробка со сладостями и букет цветов, благоухание которых заполнило всё помещение. Несколько минут прошли в тишине, но вскоре он прервал молчание, сказав:

– Бисмиллахи-р-рахмани-р-рахим¹⁴. Меня зовут Али Читсазийан. Я состою в ополчении Корпуса стражей Исламской революции и являюсь приверженцем пути имама Хомейни. Расстояние между мной и смертью равно одной секунде. Прошу вас помолиться за то, чтобы я удостоился мученической смерти. Я в любое мгновение могу расстаться с жизнью, имею риск получить ранение или же оказаться в плену. Также хочу, чтобы вы знали, что порой я месяцами не приезжаю в Хамадан.

Сказав это, Али выдержал паузу, возможно, ожидая, что я что-то отвечу, но я молчала, и он продолжил:

– Я бросил учёбу после десятого класса из-за войны, которая в моей жизни стоит на первом месте,

¹⁴ «Именем Аллаха, Всемилостивейшего, Милосердного» (прим. пер.).

поскольку имам дал чёткое распоряжение никогда не оставлять фронт пустым. Если эта война продлится двадцать лет, я всё равно продолжу воевать, защищая свою веру, религию и революцию. До того, как пойти на войну, в училище имени мучеников Дибадж, где я учился в десятом классе, я занимался электротехникой. Из мирского у меня ничего нет: ни дома, ни машины, ни денег – вообще ничего.

Али опять помолчал, но, снова не услышав от меня никакого ответа, продолжил:

– Слава Богу, я здоров и активно занимаюсь спортом. Если образ моей жизни вам не нравится, то его можно изменить... То есть если моя супруга не согласится с тем, чтобы я продолжал воевать, я покину фронт и найду работу в Хамадане.

Вздвогнув от этих слов, я ответила:

– Нет! Как раз одним из моих условий для замужества является то, чтобы мой будущий супруг был военным.

В этот момент Али, перебивавший в руках чётки, остановился и широко улыбнулся в ответ на мои слова, благодаря чему я поняла, что получила «отлично» за этот первый экзамен.

Вне себя от счастья, он сказал:

– Слава Богу! Я посвятил себя войне. Когда вы в качестве милостыни жертвуете для мечети посуду или ковёр, то их уже нельзя забирать обратно, если они не пришли в негодность. Какова ваша цель в жизни? Чего вы ожидаете от брака?

– Я хочу служить революции. Мы с мамой оказываем помощь военным, снабжая их продуктами в тылу, но я думаю, что фронт нуждается в большей помощи. Пока я не знаю, что должна сделать. Возможно, если мой супруг будет военным, он сможет мне помочь

в этом деле. Мне очень важны вера и убеждённость человека, его религиозность и приверженность идее.

В то время я ещё не могла правильно сформулировать свои мысли и после двух-трёх фраз не знала, что ещё добавить. Признаться, я тогда старалась говорить на тегеранском диалекте и при этом чувствовала, что Али тоже старается говорить на литературном персидском.

– То есть вы отдаёте себе отчёт в том, что я могу погибнуть, получить ранение или попасть в плен?

– Вы ведь не прямо сейчас собираетесь погибнуть, не дай Бог, – не подумав, взволнованно ответила я.

Али улыбнулся, и мне показалось, что я дала слишком легкомысленный ответ, поэтому поспешила добавить:

– Ваша мама говорила о том, что вы воюете на фронте с самого начала войны. Слава Богу, с вами до сих пор ничего не произошло, и, дай Бог, в дальнейшем всё также будет благополучно.

Али ничего не ответил. С опущенной головой он продолжал перебирать чётки, и я решила задать ему вопрос, который готовила со вчерашнего дня:

– Прошу прощения, а чего вы ждёте от брака? В чём ваша цель?

– Совершенствование моей веры, – не раздумывая ответил он, – и исполнение сунны Пророка Мухаммада. На фронте во время военных действий аннулируются все отпуска, и иногда некоторые женатые военнослужащие говорили, что, поскольку я не женат и не имею детей, мне легче. Мне хочется войти в их положение и почувствовать, каково им. Я думаю, будет лучше, если мы будем находиться в одинаковых условиях. Конечно, это не основная моя цель.

Я удивилась такому искреннему ответу и исподлобья посмотрела на него. Его голова всё ещё была опущена, и он продолжал неспешно перебирать четки. Когда пауза между нами затянулась, я сказала:

– Кстати, по паспорту моё имя Захра, но все зовут меня Фереште.

– Захра-ханум... как хорошо, – улыбнувшись, ответил он. – Мы очень любим семью Пророка Мухаммада и его дочь, в честь которой вы названы. Не каждая женщина достойна носить её благословенное имя.

Выйдя из гостиной после нашей короткой беседы, я увидела отца, сидевшего в коридоре. При виде меня он спросил:

– Ну что?

– Ничего, – смущённо ответила я. – Всё будет так, как вы скажете.

– Поздравляю! – улыбнувшись, сказал он.

Отец позвал маму и Мансуре-ханум, оживлённо о чём-то беседующих в другой комнате, и предложил вернуться в гостиную.

Мне хотелось поскорее подняться к сёстрам, но мама взяла меня за руку и повела в гостиную. Отец сел рядом с Али и стал расспрашивать его о ситуации на фронте, а мама рассказывала Мансуре-ханум о швейном цехе и о других многочисленных делах, которыми они помогают военным. В какой-то момент я заметила, что папа уже начал договариваться о дате свадьбы. А затем речь зашла о махре¹⁵.

– Махром может быть всё, что вы сами посчитаете нужным.

С одобрением на меня посмотрев, Мансуре-ханум сказала:

¹⁵ Махр – свадебный подарок невесте (прим. пер.).

– Мы в честь четырнадцати непорочных¹⁶ назначаем махр в размере четырнадцати золотых монет.

Не сдержавшись, я шепнула маме, что это слишком много.

– Нет, доченька, – возразила Мансуре-ханум, поняв, что я сказала маме. – Ты заслуживаешь большего. Это всё-таки наша традиция.

– Для нас материальное совсем ничего не значит, – сказал отец. – Бог свидетель, мы даже ничего не узнавали о вашей семье. Машалла, ваш сын – хороший человек. Видно, что он очень верующий и чистый. То, что он с первого дня войны – на фронте, уже о многом говорит. Я с гордостью могу передать свою дочь в его руки. Али-ага – религиозный, набожный, храбрый и достойный юноша, приверженец идей Исламской революции и партии Аллаха. Всё это дороже всего. Клянусь Богом, если я буду знать, что вы сегодня женитесь, а завтра он сложит голову в бою, я всё равно выдам за него свою дочь.

Услышав эти слова, изрядно покрасневший Али ответил:

– Благодарю вас. Мы то же самое чувствуем по отношению к вашей семье. Клянусь, мы бы не обиделись, если бы вы дали нам отрицательный ответ. Слава Богу, вы тоже состоите в ополчении и искренне придерживаетесь очень высоких ценностей. Для нас также большая честь заключить брак с девушкой из такой религиозной и доброй семьи. Честно признаться, когда я переступил порог вашего дома, я был уверен, что не выйду из него разочарованным...

¹⁶ Имеются в виду 14 непорочных имамов из рода Пророка Мухаммада, почитаемых шиитской традицией (*прим. ред.*).

* * *

На следующее утро мы отправились к бабушке с дедушкой, чтобы привезти их вечером домой, когда приедет семья жениха. Также мы очень хотели навесить дядю Махмуда, который тогда только вернулся с фронта. Немного поговорив, мама сказала ему:

– Дорогой Махмуд, к нам приходили сватать Фереште.

Дядя улыбнулся мне и, подмигнув, ответил:

– Поздравляю!

Я смутилась и, опустив голову, начала пальцами перебирать свою чадру.

– Чем же занимается жених? Кто он?

– Как и ты, он тоже член Корпуса стражей революции. Его зовут Али Читсазийан.

Услышав это, дядя чуть не поперхнулся чаем.

– Ты что, знаешь его? Я же говорила, что нужно сказать Махмуду, он наверняка его знает! – воскликнула мама, посмотрев на меня.

Откашлявшись, дядя в недоумении спросил у нас:

– Вы знаете Али? Он наш генерал. Есть единственная дивизия «Ансар аль-Хосейн» и один-единственный Али Читсазийан. Он очень храбрый человек и возглавляет военно-информационный отдел. Ребята такое рассказывают о его талантах в разведке! Уж не знаю, правда это или нет, но мы верим. Говорят, что он умудряется заходить на вражескую территорию и вместе с солдатами стоит в очереди за едой. Этот смельчак представляет большую ценность для нашей дивизии. Да хранит его Господь!

Мама посмотрела на меня и с удивлением сказала:

– Он ни слова ни сказал о том, что возглавляет дивизию... ни он, ни его мама.

– Али-ага – очень искренний и набожный человек. Это будет большой удачей, если он станет твоим зятем.

Но самое главное – то, что он не обманщик и не притворщик. Он не обманывает ни Бога, ни Его рабов. Разговаривая с нами, он всегда приводит слова имама Али: «Совість – это единственный суд, который не нуждается в судьбе».

Но вдруг лицо дяди стало очень серьёзным, и он добавил, обратившись к матери:

– Но... дорогая сестра, Али посвятил себя фронту и этой войне. Подумай хорошенько. Он совсем не из тех мужчин, кто сразу после женитьбы покинет фронт и останется жить дома.

– Разве мы просили его отказаться от войны? – возразила мама. – Дорогой Махмуд, разве в своё время я или мама были против того, чтобы вы с Мухаммадом¹⁷ пошли на войну?

В этот момент в комнату вошла бабушка, неся поднос с фруктами. Услышав имя Мухаммада, она громко вздохнула и расплакалась. Тогда мама ловко поменяла тему и сказала:

– Ты же не вернулся домой с фронта после того, как женился.

– Ты сравниваешь меня с Али? – улыбнулся дядя. – Умножь меня не на сто, а на тысячу – я всё равно не смогу сравниться с ним. Кстати! У меня есть несколько фотографий с ним.

Дядя Махмуд встал и отправился за фотоальбомом. Позже, перелистывая его, он сказал:

– Думаю, что ему не больше 23 лет, но внешне он похож на взрослого тридцатилетнего мужчину.

¹⁷ Мухаммад Фамиль Дашти родился 5 марта 1941 г. в Хамадане. С самого начала войны был на фронте, где 30 ноября 1980 г. в местечке Зу-ль-Факарйе города Абадан (Махшахр) пал смертью героя. Его тело так и не было найдено.

Дядя Махмуд долго рассказывал нам об Али, неспешно перелистывая свой альбом. Раньше, когда я думала о своем будущем муже, я представляла высокого и крепкого черноокого мужчину и подумать не могла, что выйду замуж за светловолосого юношу с голубыми глазами. Показав на одного солдата на фотографии, дядя сказал:

– Это один из его бойцов. Он был ранен во время разведоперации и, не сумев вернуться, остался на вражеской территории. Никому не хватало смелости отправиться за ним. Тогда Али-ага сам сел за руль машины скорой помощи и вызволил его из рук врага. Он совершил такое дело, на которое бы не согласился ни один водитель.

Указав пальцем на другую фотографию, дядя продолжил:

– На этой фотографии тоже Али-ага... Он очень заботится о своих бойцах. Несмотря на всю свою строгость, он очень чуткий и внимательный командир. Когда его бойцы отправляются в разведку, он до самого их возвращения пребывает в напряжённом ожидании. Всё это говорит о его сострадании. Наверняка он будет относиться так же внимательно к жене и детям.

В тот день дядя Махмуд до полудня рассказывал нам разные истории об Али. Было совсем поздно, когда мы вернулись домой, и всю дорогу я думала о его словах. У меня было хорошее предчувствие, и я полагала, что исполнила своё самое заветное желание. Жизнь бок о бок с военным, у которого все мысли о войне, наверняка поможет и мне найти путь к своей цели, и я, таким образом, смогу сыграть свою роль в деле поддержания идей Исламской революции.

В тот вечер после ужина к нам домой пришли Мансуре-ханум, Насер-ага, Али, Амир, Хаджи Садег,

его жена, дочь Лейла и сестра Али. У Мансуре-ханум была единственная дочь, о которой она нам рассказывала ранее. Встречая гостей, я замерла от изумления и не могла поверить, что сестрой Али оказалась та самая Марьям, красивая светлоликая девушка, которая садилась в наш автобус и с которой мне так хотелось подружиться. Теперь она у меня дома и вскоре станет моей золовкой. Я заметила, что, увидев меня, она тоже удивилась.

Али, увидев дядю Махмуда, одного из своих солдат, также удивился и принялся расспрашивать о дяде Мухаммаде, который в 1980 году, в самом начале войны, пропал без вести в Махшахре.

Насер-ага, отец Али, показался мне очень приятным, добрым и общительным человеком. Он был упитанным мужчиной крупного телосложения. Его шутки и реплики всегда становились поводом для всеобщей радости и смеха.

Хаджи Садег – старший сын семьи, родившийся в 1958 году. Он работал в муниципалитете Кахаванда, его жена, Мунире-ханум, была воспитательницей, и у них росла прелестная двухлетняя дочь Лейла. Амир, второй брат Али, родился в 1960 году. Он носил очки в чёрной оправе и ростом был выше всех братьев. В тот день я поняла, что он очень добрый и чуткий человек. Марьям и Али были похожи на свою светлокожую мать, а Хаджи Садег и Амир – на черноглазого и чернобрового отца.

В ту ночь взрослые договорились о дате шариатского брака, который планировалось заключить 27 марта 1986 года, а отпраздновать этот день все решили в узком семейном кругу у нас дома. Что касается свадебного торжества, то его решено было отложить на будущее.

Мансуре-ханум подарила мне большой отрез ткани, после чего я официально стала невестой её сына.

На следующее утро Али должен был отправиться в зону боевых действий, и мне так хотелось сказать ему вслед: «Не забудьте заступиться за меня на том свете», – но я так и не смогла решиться на это.

В ту ночь перед сном я хотела сделать заметку в своём дневнике у даты «27 марта», но в нем уже не осталось чистых страниц, и мне нужно было купить новый.

Зима 1985 года закончилась, и наступил иранский Новый год. В те военные дни, как и в предыдущие годы, в новогодние праздники у нас не накрывался яркий праздничный стол. Мама говорила, что мы живём в атмосфере войны, потому что вокруг было очень много семей, носящих траур по своим павшим, и мы в знак солидарности не праздновали Новый год. Но весна этого не понимала... Со своими ароматными цветами, дождём и приятным лёгким ветерком она вступила в свои права.

В первый день нового года мы отправились к бабушкам, а после обеда к нам присоединились дяди. На второй день мы остались дома, ожидая гостей. Швейный цех мамы в новогодние дни не работал, и мы очень радовались тому, что она была с нами.

На седьмой день нового года¹⁸ намечался праздник по случаю заключения моего шариатского брака, но ещё ничего не было подготовлено, не сделаны никакие покупки, и никто об этом не говорил. От Али и его семьи тоже не было никаких вестей. Лишь ночью 23 марта папа услышал новость о том, что заместитель Али погиб в бою. На следующий день мама,

¹⁸ 27 марта – прим. пер.

как обычно, проснулась рано утром и чем-то занималась на кухне. Около 9 часов утра она разбудила меня и взволнованно сказала:

– Фереште, вставай. По радио объявили, что Мусайиб Маджиди, помощник Али, пал смертью героя. Сегодня его будут хоронить. Поскорее позавтракай, и нам нужно идти.

Ройя и Нафисе тоже проснулись. Мы позавтракали, оделись и вместе вышли из дома. Несмотря на то, что это были первые дни нового года, на кладбище собралось очень много людей, пришедших на похороны Мусайиба, чтобы почтить его память. Дождь, который лил со вчерашнего вечера, смыл грязь и пыль с надгробных камней. У многих могил лежали цветы и сладости, а из громкоговорителей доносился голос чтеца Корана.

Дул прохладный ветер, нежно покачивающий ветки деревьев. Мы подошли поближе к самому многолюдному месту на кладбище, где читались речи перед похоронами. Увидев среди толпы Мансуре-ханум и Марьям, я очень обрадовалась.

В первых рядах стояли различные высокопоставленные лица и множество солдат из Корпуса стражей революции.

– Мученика принесли, – с горечью сказала мама. – Вон он, впереди. Его семья тоже там.

Чтение Корана прекратилось, и к трибуне, где стоял микрофон, подошёл ведущий, который твёрдым голосом обратился к народу:

– Именем Господа мучеников и благочестивых людей!

Все вокруг затихли. Кладбище охватило мертвенное молчание. Ведущий, поблагодарив всех присутствующих, поздравил иранский народ, взрастивший

героев, и выразил своё почтение семье Мусайиба Маджиди за то, что они воспитали такого сильного сына, ставшего заместителем генерала дивизии «Ансар аль-Хосейн». Затем, подняв кулак к небу, он громко крикнул:

– Во имя погребения мучеников, приди, о Махди¹⁹! Приди!

Ведущий стоял на узком и высоком балконе второго этажа здания, где обмывали покойников. Толпа же собралась на большой площади перед этим зданием, предназначенной для совершения коллективной молитвы по усопшему. Людей было так много, что некоторые были вынуждены стоять за воротами кладбища. Я смотрела по сторонам, как вдруг почувствовала, что кто-то тронул меня за локоть. Это была Марьям. Указывая пальцем в сторону, она сказала:

– Смотри! Там Али.

Али и вправду стоял на балконе за трибуной. При виде его у меня перехватило дыхание; я отошла на несколько шагов назад так, чтобы ни мама, ни Мансуреханум не заметили этого, и внимательно посмотрела на него. Это был первый раз, когда я смогла непринуждённо и без смущения рассмотреть своего будущего супруга.

Али был одет в ту же военную куртку, в которой он был на нашей первой встрече. Рубашки не было видно, так как куртка была застёгнута до шеи. Лицо было очень печальным, и, хотя он был внешне крепким, тогда он показался мне худым. Борода его была длинной, а лицо – совсем исхудавшим. Подойдя к микрофону, он сказал:

¹⁹ Речь идёт о двенадцатом имаме Махди, который, согласно исламской догматике, пребывает в сокрытии (*прим. пер.*).

– Мусайиб – дитя пуль и осколков гранат. Мусайиб – дитя голода, жажды и усталости. Он был Маликом Аштаром²⁰ своего времени...

Я прислонилась к стене и внимательно слушала красивую и проникновенную речь Али. Его голос был полон печали и грусти, и я подумала, как же ему, должно быть, тяжело.

– Значит... во время смерти Мусайиба он был рядом? Бедный... каково же ему пришлось?..

Марьям, заметив, что я отошла, обернулась и позвала меня к себе. Я подошла к ней и встала рядом, увидев, что и она, и Мансуре-ханум плачут. Сквозь слёзы Марьям сказала:

– Мусайиб и Али были очень близкими друзьями. В последнее время он очень часто приходил к нам домой и стал для нас родным братом, а мама не отделяла его от своих сыновей.

Воздух на кладбище был очень тяжёлым, небо затянули чёрные и серые облака, и казалось, будто все мертвецы встали из своих могил и передвигались посреди нас. Пребывая в этой атмосфере, я переполнилась желанием присесть где-нибудь в одиночестве и вдоволь наплакаться.

Я вспомнила о дяде Мухаммаде и так захотела, чтобы нам пришла хоть какая-то весточка от него. Мы ведь даже не нашли его тело... Мама тоже плакала так горько, что я не понимала, по кому она плачет больше: по дяде Мухаммаду или по Мусайибу.

Толпа постепенно тронулась с места, направляясь за мужчинами, нёсшими табут, в котором лежал покойник. Голоса людей, произносивших слова «ла илаха

²⁰ Малик Аштар – верный сподвижник имама Али ибн Аби Талиба (*прим. пер.*).

илла-ллах», гремели по всему кладбищу. Царившая вокруг атмосфера скорби словно говорила о том, что в этом табуте лежал сын всей этой толпы, горячо его любившей. Люди выкрикивали:

– Этот истерзанный цветок стал жертвой во имя рахбара²¹! Во имя погребения мучеников приди, о Махди! Приди!

Я посмотрела на Марьям, стоявшую в стороне, и увидела, что она держит за руку Мансуре-ханум и даёт ей чашу с водой. Приблизившись к ним и увидев побледневшее лицо её матери, я поняла, что той стало плохо, и очень испугалась.

Марьям сказала мне:

– У мамы больные почки. Ей нельзя нервничать.

Мама, Ройя и Нафисе тоже подошли к нам и стали предлагать всё возможное, чтобы как-то облегчить состояние Мансуре-ханум. Церемония прощания с мучеником ещё не подошла к концу, но мы все решили уйти с кладбища и отправились к площади имама Хомейни, главной площади города. Мансуре-ханум к тому времени стало лучше, и во время прощания она и мама договорились, что в среду они придут к нам домой и вместе отправятся на рынок для совершения покупок к свадьбе.

Вечером, когда мы с сёстрами уже были в нашей комнате и занимались своими делами, папа, смотревший телевизор, неожиданно крикнул:

– Девочки! Али-ага!

Центральное телевидение Хамадана показывало документальный фильм о фронте. Али сидел на холме и рассказывал репортёрам о дороге Умм аль-Каср

²¹ Рахбар – высшая государственная должность в Исламской Республике Иран. Здесь имеется в виду лидер Исламской революции и первый Высший руководитель ИРИ имам Хомейни (*прим. ред.*)

и о солдатах, которые там погибли. Он говорил о том, что вражеские самолёты, бомбящие зоны боевых действий, иногда сбрасывают на солдат куски железа, камни и мешки с песком.

Мы все внимательно смотрели на экран телевизора. Единственной, кто не мог проявить свою радость, была я.

На следующий день, когда папы не было дома, раздался стук в дверь. Нафисе, которой тогда было шесть лет, отправилась открывать и, вернувшись, сказала мне:

– Сестра, пришёл Али-ага!

Мама надела чадру и побежала к дверям, но сколько бы она ни пригласила Али зайти в дом, он так и не вошёл. Я надела одежду и чадру, выглаженные с утра, и вышла вместе с мамой. Увидев Али и Мансуре-ханум, стоявших у ворот, я поздоровалась. Али, на котором, как и прежде, была военная куртка, не поднимая головы, тихо ответил на моё приветствие и посадил нас всех в машину марки «Рено», которая принадлежала его другу. Мансуре-ханум села на переднее кресло, а мы с мамой расположились на задних. В тот день через зеркало я впервые увидела голубые глаза Али.

Ночью шёл дождь, поэтому улицы были чистыми и мокрыми, а погода – мягкой и весенней. Али припарковал машину на улице Шариати недалеко от площади Имама и молча, держа руки в карманах, повёл нас к рынку Музаффарийе. Мне тоже нечего было сказать.

Когда мы дошли до рынка, он встал рядом со мной и так тихо, что я еле слышала, сказал:

– Захра-ханум, я прошу прощения. В Хамадане нам лучше не ходить вместе. Возможно, кто-то из семей мучеников: мать, жена или дети, – увидев нас вместе, может расстроиться.

– Да, конечно, – кивнув головой, понимающе ответила я.

– Сначала пойдём выбирать кольцо, – обратилась ко всем Мансуре-ханум.

Все ювелирные магазины, кроме двух-трёх, были закрыты. Мы зашли в тот, который располагался в центре рынка Музаффарийе, и Мансуре-ханум сразу сказала продавцу:

– Мы ищем обручальное кольцо.

Продавец положил перед нами декоративную подставку с кольцами, и Мансуре-ханум обратилась ко мне:

– Фереште, выбирай.

Просмотрев все кольца, я потянулась к самому нежному и простому колечку и надела его на безымянный палец. Мама и Мансуре-ханум посмотрели на кольцо у меня на пальце, тогда как внимание Али было привлечено чем-то другим. Я подумала, что он наверняка вспоминает о своём товарище Мусайибе.

– Фереште, дорогая, – сказала Мансуре-ханум. – Это кольцо слишком скромное, выбери что-нибудь другое.

Мне так хотелось, чтобы Али тоже оценил мой выбор, но, посмотрев на него, я поняла, что он полностью погружен в печальные мысли. Мансуре-ханум продолжала настаивать, чтобы я выбрала кольцо лучше. Я всё ещё ждала, что Али выскажет своё мнение, и про себя сказала: «Пусть будет так, как он скажет», – но Али продолжал молчать. Я всё же выбрала первое кольцо, сказав, что это моё окончательное решение. Мансуре-ханум что-то шепнула на ухо Али, и он подошёл к продавцу, чтобы обсудить с ним цену. Взвесив кольцо, продавец сказал:

– 2500 туманов.

Али отсчитал деньги и положил их на стеклянную витрину. Продавец выдал чек и, положив кольцо в маленькую розовую коробочку, сказал нам:

– Поздравляю. Желаю вам обоим счастья.

– Спасибо. Теперь пойдём покупать одежду, – радуясь, объявила Мансуре-ханум.

Я мельком взглянула на Али, всё ещё державшего руки в карманах: он показался мне радостным, но было заметно, как он стесняется. Мансуре-ханум сказала нам:

– Хочу купить белый костюм, а свадебное платье купим летом, ближе к торжеству.

– Мне не хотелось бы надевать белое в такие дни, – робко ответила я.

– В какие дни?

– Ведь погиб друг и соратник Али. Он сейчас в трауре.

– Смерть и жизнь идут рука об руку, – ответила Мансуре-ханум, посмотрев на Али. – Мусайиб, став мучеником, отправился в место, которого он заслуживает, и я думаю, что он там счастлив. Живой человек должен жить. Мы ведь вчера договаривались не о свадьбе и её праздновании, а ты становишься невестой раз в жизни, поэтому должна сполна испытать радость этого события.

Я опустила голову и больше ничего не сказала, но, незаметно подойдя к маме, шепнула ей:

– Мама, ты не соглашайся. Я не надену свадебное платье. Мне больно видеть Али таким, такое ощущение, что он и сегодня через силу поехал с нами за покупками.

– Хорошо, – тихо ответила мама. – Ты уже больше ничего не говори. Я всё исправлю.

Пообщавшись с матерью Али, она смогла отговорить её от идеи покупать белое.

– Давайте тогда купим хотя бы зеркало и подсвечник, – сказала Мансуре-ханум.

Чтобы посмотреть зеркала и подсвечники, мы отправились в самое начало рынка и зашли в магазинчик, где продавали люстры, напротив лавки с зеленью.

– Тебе что-нибудь нравится? – спросила меня Мансуре-ханум.

Я остановилась перед самым дешёвым зеркалом и простым подсвечником и спросила:

– Это сойдёт?

В магазине кроме нас, продавца и его ученика, больше никого не было. Мансуре-ханум взглядом попросила Али подойти и посмотреть на мой выбор. Поняв, почему я выбрала именно эти зеркало и подсвечник, он показал на другие и спросил:

– А что вы думаете насчёт этих?

Они и вправду были очень красивыми, покрытыми всевозможными цветами и украшениями и, должно быть, дорого стоили. В то время такие зеркала и подсвечники только появились в продаже и быстро вошли в моду.

– Сколько они стоят? – спросила я у продавца.

– 3500 туманов.

– Это очень дорого, – сказала я Али. – Зеркало и подсвечник – не такие важные вещи, чтобы тратить на них столько денег. То зеркало и подсвечник, которые выбрала я, разве не подходят? Только жаль, что нет круглого зеркала.

Продавец, который стоял в ожидании нашего выбора, услышав меня, ответил:

– У нас на складе есть и круглое зеркало.

Он тут же позвал своего ученика, который в тот момент устанавливал новую люстру, и попросил принести круглое зеркало той же модели, что выбрала я.

Вскоре молодой человек вернулся с аккуратно завернутыми зеркалом и подсвечником и протянул их нам. Мы заплатили за всё 1000 туманов и вышли из бутика.

По настоянию Мансуре-ханум мы купили ещё чёрную сумочку на выход, отрез белой ткани для чадры, которую хотела сшить мама, белую блузку в чёрно-красную полоску вместо платья невесты и пару туфель.

Мама купила для Али отрез тёмно-синей ткани, чтобы портной сшил из неё костюм, на который Али так и не нашёл времени.

Ближе к полудню Мансуре-ханум заметно устала, и Али отправился за машиной. Вначале он высадил свою маму, а затем нас. Подъезжая к дому, мы уговаривали его зайти, но он так и не согласился. Несмотря на то, что за всё время на рынке он произнёс лишь несколько фраз, во время прощания он улыбнулся мне и сказал:

– Захра-ханум, я прошу у вас прощения. День прошёл не очень хорошо... Дело в том, что у меня совсем не было настроения, мне плохо...

Когда он уезжал, у меня к горлу подкатил ком... Мне так хотелось, чтобы он остался у нас на обед, потому что я знала, что мы могли бы его отвлечь и поднять ему настроение. Папа сел бы рядом с ним и пообщался, мама старалась бы его разговорить, а Нафисе обязательно бы рассмешила. Я так хотела, чтобы он остался, чтобы как-то успокоить его израненное сердце...

* * *

В среду 26 марта я заболела. Мама очень беспокоилась из-за моего самочувствия и настояла на том, чтобы отец отвёз нас в больницу недалеко от нашей

улицы. Врач в отделении скорой помощи диагностировал пищевое отравление. Мне поставили капельницу и сделали укол, и через несколько часов мы вернулись домой с пакетом лекарств.

Не знаю, было ли это связано с отравлением или переживаниями из-за завтрашнего бракосочетания, но я долго не могла уснуть. Утром, проснувшись и увидев своё отражение в зеркале, я испугалась: лицо у меня пожелтело, под глазами появились большие отёки, и было такое ощущение, что под кожей не осталось ни капли крови.

Дома никого не было, за исключением отца, одевшегося, чтобы выйти. Наш дом не был похож на дом, в котором скоро состоится бракосочетание двоих молодых людей.

– Папа, где мама?

– Сын Рустами-аги²² и его племянник²³ погибли, – беспокойно ответил отец. – Она отправилась на поминки.

Дом братьев Рустами, женившихся на двух сёстрах, находился напротив нашего. Папа говорил, что сыновья обоих братьев пропали без вести во время военной операции «Ва-ль-фаджр-8». Услышав эту новость, я почувствовала себя ещё хуже.

Я думала о нашем празднике, который должен был состояться после обеда, и о семье Рустами с их двойной потерей. Тяжело было думать о свадьбе, я плакала: они ведь были нашими соседями, и мысли о боли родителей, потерявших сыновей, сжигали мне сердце.

²² Мухаммад Хашем Рустами родился 16 июля 1968 г. в Хамадане и погиб 19 февраля 1986 г. в иракском городе Аль-Фао.

²³ Масуд Рустами родился 22 июня 1967 г. в Хамадане. Также погиб 19 февраля 1986 г. во время военной операции «Ва-ль-фаджр-8» в иракском городе Аль-Фао.

Было 11 часов дня, а в нашем доме до сих не было и признаков подготовки к праздничному мероприятию. Мы все были поражены новостью о том, что случилось с семьёй Рустами.

Мама бегала между двумя домами, а я решила заняться готовкой на кухне, как вдруг услышала голос Нафисе со двора:

– Фереште! Тебя зовёт дядя Махмуд!

Я выключила плиту и побежала во двор, где рядом с мамой стоял дядя и о чём-то с ней беседовал. Увидев меня, он раздражённо воскликнул:

– В чём дело?! Почему ты до сих пор ничего не подготовила? Почему не готова скатерть?!

Я удивлённо посмотрела на него и пожала плечами.

– Что это значит?!

– Откуда мне знать? Мне никто ничего не говорил.

– Уже 11 часов! – воскликнул он, посмотрев на часы.

– Дорогой Махмуд, наши соседи, семья Рустами, потеряли двух сыновей, – вмешалась мама.

Дядя торопливо пошёл к калитке и, побледнев, не в силах сдерживаться, крикнул.

– А вы что, планировали заказать оркестр и начать развлекательную музыкальную программу?! Фереште, беги и приведи в порядок гостиную до моего возвращения!

Сказав это, он выбежал на улицу, а мама поспешно достала из комода свёрток и молитвенный коврик, который она постелила в сторону киблы. Она дала мне подставку и Коран, велев аккуратно всё разложить.

Я протёрла новые зеркало и подсвечник, лежавшие в коробке, и поставила их посреди скатерти. Подставку с Кораном я установила напротив зеркала так, что зелёный переплёт Корана отражался в нём.

Ройя вошла в гостиную, неся в руках вазу с живыми цветами, завернутую в подарочную упаковку.

– Это передал Али, – сказала она.

– Он зашёл в дом? – спросила я.

– Нет, он с мамой отправился в дом Рустами-аги.

Я взяла у неё вазу с цветами и поставила на скатерть. Теперь в зеркале отражались ещё и цветы, розовые и белые. Я подумала, что нужно было и мне пойти вместе со всеми, чтобы принести соболезнования.

Через некоторое время вернулся дядя Махмуд с цветами, пакетами сладостей и разных декоративных предметов, которые он принёс из своего дома, и аккуратно разложил на скатерти.

Своим приходом и недовольством дядя всё поднял вверх дном. Папа периодически возвращался домой то с коробками фруктов, то с шоколадом и тут же бежал за новыми покупками, о которых просила мама. К обеду приехала бабушка и, увидев меня, возмущённо спросила у мамы:

– Ваджихе, вы что, не отвели Фереште в салон красоты?!

Мама, вскользь посмотрев на меня, пожала плечами.

– Давай, вставай. Я такую невесту ещё никогда не видела, – сказала недовольная бабушка. – Быстрее. Давай хотя бы приведём в порядок твоё лицо.

У мамы были золотые руки, она не просто была швейей, но и хорошо разбиралась в стиле и моде. Занимаясь укладкой моих волос, она рассказывала бабушке, что до обеда вместе с Али ходила в дом мучеников Рустами, где они оба спросили согласия на проведение нами мероприятия. Али-ага сказал нашим соседям, что мы не собираемся пышно отмечать наш праздник, но нам очень важно их одобрение.

После того как мама привела в порядок мои волосы, я надела новую длинную рубашку, которую купила мне Мансуре-ханум, но, увидев меня в ней, бабушка возмутилась:

– Что это ты надела? Вы не купили свадебное платье?

– Этого достаточно, бабушка. Эта одежда подходит для нашего скромного свадебного мероприятия. Видишь, эти чёрные полосы говорят о трауре.

Покачав головой, бабушка поворчала на меня, но мама жестом дала мне понять, чтобы я не возражала и молчала.

Сразу после обеда пришли гости: тёти, дяди и их жёны, а также другие родственники, которых мы пригласили. В половине четвёртого приехал Али со своей семьёй, они привезли большой торт, который мы сразу поставили на нашу праздничную скатерть. На женихе в тот день были всё та же военная куртка, коричневая рубашка и зауженные книзу штаны.

Надев белую чадру с маленькими синими цветочками, я сидела на полу перед скатертью, а женщины расположились вдоль стен. На несколько минут в комнату вошёл Али, который хотел сесть рядом со мной, но, увидев собравшихся вокруг женщин, вышел и отправился в помещение, где сидели только мужчины. Дядя Махди ходил по всем комнатам и фотографировал нас.

Когда, по старой иранской традиции, Марьям крошила на меня кусочки сахара, мы слышали, как в одной из комнат мужчины громко произнесли салават и засмеялись. Мама вышла, чтобы посмотреть, откуда доносятся чужие голоса, а за ней отправились Мансуре-ханум и Марьям. Вернувшись, Марьям сказала:

– Это друзья Али. Он их не приглашал, но они сами откуда-то узнали обо всём.

– Амир говорит, что кто-то из друзей Али прознал о свадьбе и сообщил всем эту новость, – радостно сказала Мансуре-ханум. – Они проследили за нами и спрятались на соседней улице. Как только мы вошли, они вслед за нами, произнося «Йа Аллах! Йа Аллах!» зашли в дом. О Аллах, благодарю тебя за то, что Али окружён такими друзьями!

Мы также слышали голос дяди Бакира, читавшего стихи:

Если верующий и честный ты,
Будь вместе с нами!
Пусть ослепнут лицемеры.
Салават Мухаммаду!
Ангел на небесах,
Чья доброта с душою смешана,
На троне написал:
«Салават Мухаммаду».
Несомненно, Али был вали.
Воспитанником Пророка он был!
Шахом для всех был Али!
Салават Мухаммаду!

С приходом друзей Али атмосфера в доме заметно изменилась. Голоса мужчин, коллективно произносящих салават Пророку, расшевелили скованных и сдержанных женщин. Последовав примеру мужчин, они заметно оживились и тоже принялись провозглашать салаваты.

Спустя некоторое время мама, стоявшая возле дверей, сказала:

– Сейед начал читать хутбу для заключения брака.

В сердце появилось странное ощущение. Это чувство я обычно испытываю перед утренним азаном во

время поста в месяц Рамадан. Я стала читать молитвы и попросила Бога о нашем счастье и о том, чтобы Он дал нам возможность вместе отправиться в паломничество в Мекку и Кербелу. Затем я начала читать Коран, лежавший рядом на подставке.

Так как невеста не может присутствовать в помещении, где сидят одни мужчины, дядя Ахмад был назначен моим представителем в мужской части собрания и вместо меня на вопрос о согласии заключить брак отвечал «да». Через некоторое время он зашёл в комнату с большой тетрадью, где регистрируются государственные браки, и со свидетельством о заключении брака и показал мне, где необходимо расписаться. Мама позже сказала мне, что наш шариатский брак был заключён известным аятоллой Наджафи²⁴.

Снова по всему дому раздались голоса мужчин, произносящих салават Пророку Мухаммаду. Мама, стоявшая у двери, обратилась ко всем:

– Внимание! Сюда идёт жених!

²⁴ Аятолла Сейед Мухаммад Хосейни Хамадани (известный как Наджафи-ага) – современный исламский учёный и философ. Родился в 1904 г. в священном городе Наджаф. В детстве вместе с отцом переехал в Хамадан, но вернулся в Наджаф, когда ему был 21 год. Обучался религиозным наукам (фикх, усуль, калам) и философии у таких видных учёных, как Сейед Абулькасим Хои и алламе Сейед Мухаммад Хосейн Табатабаи. В своё время на него обратил внимание крупный учёный Мирза Наими, от которого он впоследствии получил свидетельство об иджтихаде и на дочери которого в будущем женился. Спустя 22 года он вернулся в Хамадан, где посвятил себя написанию книг, преподаванию и наставлению. Скончался утром 30 сентября 1996 г. в возрасте 90 лет и был похоронен рядом с могилой шейха Бахаи в храме имама Резы в Мешхеде. Его перу принадлежат такие книги, как 18-томное толкование Корана, комментарий к сборнику «Усуль аль-кафи» в 6 томах и др.

Женщины тут же поправили чадры и привели себя в порядок. В комнату вошли Али, дядя Махмуд и папа.

Али сел рядом со мной и тихонько, стыдливо поприветствовал меня, спросив, всё ли у меня хорошо. Дядя Махмуд положил мне на колени большую тетрадь и указал на те места, где необходима моя подпись.

Марьям взяла со скатерти кольца и протянула их Али, он, в свою очередь, взволнованно взял их и надел мне на палец правой руки, поскольку сам сидел слева от меня.

– Не на эту руку. Надо надеть кольцо на левую, – тихо шепнула ему я, протягивая левую руку.

Покрасневший Али снял кольцо с моей правой руки и надел на левую.

Папа, ранее купивший серебряное кольцо с ага-том для Али, надел его ему на палец и протянул ему ещё одну коробку, в которой лежали часы. В прошлом году, когда мы всей семьёй совершили малый хадж в Саудовскую Аравию, папа купил эти дорогие часы фирмы «Радо» для своего будущего зятя.

В какой-то момент я посмотрела в зеркало и случайно поймала взгляд Али, смотревшего на меня. Встретившись с ним взглядами, я застеснялась и, отведя глаза, опустила голову. Это был первый раз, когда Али рассмотрел меня вблизи.

* * *

На следующий день мы с сёстрами занялись уборкой дома. Моё недомогание ещё не совсем прошло, и я чувствовала слабость. Ближе к обеду, вернувшись домой из цеха, мама сказала нам, что утром, когда мы все спали, приходил Али и пригласил нас вечером на религиозное мероприятие, которое они проведут в своей квартире.

В тот вечер всей семьёй мы впервые отправились домой к Али. Перед их подъездом висела табличка с надписью «Организация “Путь мученика”». Основателями этой организации были Амир и Али, и в тот день состоялось первое мероприятие, которое они организовали у себя дома.

Квартира находилась на четвёртом этаже многоквартирного дома при училище, она имела площадь 130 кв.м. и три спальные комнаты. Мероприятие, которое в ней проводилось, было преимущественно мужским, а в женской части собрались лишь я, мама, мои сёстры, Мансуре-ханум, Марьям и Мунире-ханум. В тот вечер я поняла, что родители Мансуре-ханум, которых в семье звали Хаджи-баба и Ханум-джан, её единственная сестра – тётя Фатима и брат – дядя Мухаммад, который был очень похож на Мансуре-ханум, жили в Тегеране. Марьям в свою очередь была замужем за молодым человеком, который жил по соседству с Ханум-джан и работал в Министерстве иностранных дел. Было решено, что после их свадьбы, которую планировали сыграть летом, они тоже переедут в Тегеран.

Али пришёл в комнату, где мы сидели, и поприветствовал нас. Было заметно, что он рад нас видеть. После этого мы не видели его вплоть до окончания мероприятия, после которого он отвёз нас домой на машине своего друга, а во время прощания, подождав, пока папа зайдёт в дом, обратился к моей маме, сказав:

– Хаджи-ханум, завтра мы с Махмудом и его женой хотим поехать в Кум. Вы позволите Захре поехать с нами?

– А её отцу вы уже сказали? – сделав паузу, спросила мама.

– По правде говоря, нет. Мне было неудобно, и я как-то не решился.

– Хорошо, – улыбнувшись ему в ответ, сказала она. – Я сейчас сама поговорю с ним. Приходите завтра, если он разрешит, то сможете забрать её.

Али больше ничего не сказал и, попрощавшись, уехал. Мама же получила согласие отца и ночью собрала для меня маленькую сумку, положив туда кое-что из одежды, а также чадру для намаза, полотенце и па-спорт. Рано утром она разбудила меня на намаз и дала напутствия в дорогу.

Мы завтракали, когда раздался звонок в дверь; папа открыл её и, кроме Али, увидел дядю Махмуда и его жену. Мама обрадовалась и принялась давать советы в дорогу. Папа тем временем отправился за Кораном и, подойдя к воротам, прочитал молитвы, а затем, по мусульманской традиции подняв Коран над нашими головами, пропустил нас под ним, желая нам доброго и безопасного пути.

Для поездки Али одолжил у своего друга старую машину марки «Пейкан». Он сам сел за руль, дядя – на переднее кресло, а мы с женой дяди устроились сзади. По старой иранской традиции, как только наша машина тронулась в путь, мама вылила вслед нам воду.

В пути я беседовала с женой дяди, а Али общался с дядей Махмудом. Посреди пути дядя начал рассказывать анекдоты и делиться разными воспоминаниями. Мы столько смеялись, что даже не заметили, как доехали до города Саве. Там мы зашли в ресторан и заказали рис с шашлыком, но, так как я сидела перед Али и очень смущалась его, то поела лишь немного.

Не знаю почему, но жена дяди тоже ела очень мало. Тем временем дядя Махмуд за столом искал новую тему для разговора и, заметив, что мы не едим, сказал:

– Али! Вообще не переживай. С такими экономными жёнами мы через год накопим столько денег, что сможем позволить себе и в хадж поехать.

Затем он взял шашлык с тарелки жены, положил себе и с аппетитом принялся есть, добавив:

– Конечно, мы будем толстыми! Ты посмотри на них! Они же ничего не едят.

Дядя всё продолжал нас смешить, а мы не переставали радоваться его шуткам и весёлому настроению. Ближе к вечеру, приехав в Кум, мы первым делом принялись искать отель и довольно быстро его нашли. Там у нас попросили удостоверения личности и, увидев, что в моём паспорте и в паспорте жены дяди нет фотографий, не захотели принимать. Сколько бы Али ни уговаривал служащих отеля, всё было бесполезно. Нам пришлось обратиться в отделение полиции, где только через три часа нам удалось получить удостоверение, подтверждающее, что паспорта действительно принадлежат нам. С этим удостоверением мы вернулись в гостиницу, где нас теперь приняли и зарегистрировали. Дядя и Али, захотевшие первым делом избавиться от чемоданов, поднялись наверх в номера, чтобы оставить вещи там, а мы с дядиной женой ожидали их в холле на первом этаже.

Прежде всего мы захотели отправиться в храм. Дядя с женой шли впереди, а я и Али молча следовали за ними. В тот момент я вспомнила о просьбе Али не ходить вместе на людях и замедлила шаг. Али шёл впереди и каждый раз останавливался, ожидая меня. Я постоянно отставала от него, и в конце концов он спросил:

– Ты устала?

– Нет. Вы же сами попросили меня не ходить рядом с вами... из-за семей мучеников... Помните?

– Да, но ведь я имел в виду Хамадан, – улыбнувшись, ответил он. – А в этом городе нас никто не знает.

К полуночи мы вернулись в отель и поднялись на второй этаж, где дядя и Али забронировали нам номера. Когда дядя доставал из кармана ключи от комнаты, я с ужасом осознала, что не знаю, где буду ночевать. Я была в смятении и испытывала какое-то странное чувство: очень стеснялась и чувствовала себя уязвимой и незащищенной. Открыв дверь своего номера, дядя предложил жене войти. Умоляющим взглядом я посмотрела на неё, призывая забрать меня с собой, но она, словно не замечая моей просьбы, пожелав спокойной ночи, вошла в номер.

Али, открыв соседнюю дверь, посмотрел на меня и, указав внутрь, предложил:

– Пожалуйста, проходи.

Мне пришлось войти. Чувство тревоги и опасения не покидало меня, ситуация показалась настолько эмоционально тяжёлой, что, войдя в комнату, я тут же села в кресло у окна: у меня задрожали ноги. Али в этот момент делал вид, что увлечён рассматриванием интерьера. Я осмотрелась: в номере были маленький холодильник, телевизор, два кресла и две отдельных кровати, между которыми стоял стол.

– Ты не устала? – спросил Али.

– Нет, – резко ответила я.

Будто догадываясь о моих душевных переживаниях, он, засучив рукава рубашки, зашёл в ванную.

Прошло какое-то время, но Али всё ещё не выходил. Я встала и подошла к окну, вид из которого меня полностью заворожил. Из нашего окна виднелись купол и минареты храма Святой Масуме²⁵. Мне стало

²⁵ Фатима Масуме – сестра восьмого имама Резы (прим. ред.).

настолько спокойно и хорошо на душе, что я не могла оторвать от них взгляда.

Несмотря на позднее время, улица была полна движения. Проезжали бесконечные ряды машин с включёнными фарами, а толпы людей поспешно направлялись в сторону храма. Неоновое освещение и разноцветные мигающие гирлянды магазинов, продававших традиционную кумскую сладость сохан и сувениры, освещали всё вокруг.

Али с мокрым лицом вышел из ванной и, опуская рукава рубашки, с удивлением спросил:

– Ты ещё не спишь?

– Нет, не спится почему-то.

– Но ведь по тебе видно, что ты очень устала и хочешь спать, – улыбаясь, сказал он. – Мне надо помолиться и сделать кое-какие дела. Если я тебе доставляю неудобство, то могу спуститься вниз.

– Нет, не переживайте насчёт этого.

– Тогда и ты не переживай и ложись спать. Если хочешь, я могу выключить свет.

Не успела я ему ответить, как он погасил свет и приступил к намазу. Воспользовавшись моментом, я шустро сняла чадру, легла на кровать, с головой накрывшись одеялом, и тут же уснула.

Меня разбудил звук азана, который доносился из близлежащей мечети. Уличный свет, заливавший нашу комнату, позволил мне оглядеться вокруг, и я тут же посмотрела на соседнюю кровать. Али на ней не было, а одеяло было застелено. Привстав, я услышала, что из ванной, в которой был включен свет, раздался звук воды. Быстро поднявшись с постели, я надела чадру – и столкнулась взглядом с Али, вышедшим в этот момент из ванной.

– Доброе утро. Ты уже проснулась? Кажется, ты вчера очень устала и уснула, как только легла.

– Да, правда. Я очень устала вчера.

– Мы с Махмудом хотим совершить утренний намаз в храме. Хочешь присоединиться?

– Да, но мне нужно совершить омовение.

– Пока я буду звать Махмуда, у тебя будет время быстренько совершить омовение, – предложил он, открывая дверь.

* * *

Помолившись в храме и проведя там какое-то время, мы позавтракали и выехали в направлении Тегерана. Ехали уже около сорока минут, когда дядя вдруг буквально подскочил и воскликнул на хамаданском наречии:

– Мы же совсем забыли про сохан!

– Что будем делать? Вернёмся? – спросил Али, сбавляя скорость машины.

Услышав сзади наш смех, дядя обернулся и спросил:

– Вы что? Разве можно побывать в Куме и не купить сохан?! Нас же не пустят в Хамадан!

Доехав до ближайшего поворота, Али развернул машину и снова поехал в Кум. Не доезжая до города, мы увидели на трассе небольшие магазины, где и купили несколько коробочек сохана, всё ещё смеясь над своим решением вернуться ради такого пустяка.

Спустя час езды в направлении Тегерана машина неожиданно стала глохнуть и издавать странные звуки.

– Что это с ней? Чего она так закашляла? – рассмешил нас дядя своим вопросом.

Али остановил машину и вышел посмотреть, что случилось с двигателем, дядя присоединился к нему. Устав ждать, мы тоже вышли из машины и спросили:

– Что случилось?

– Ничего. Прилипла к земле и не хочет ехать дальше! – сказал дядя.

Мужчины, завернув рукава, стали разбираться в поломке, а мы, воспользовавшись моментом, решили размять ноги и немного прогуляться. Дул прохладный ветерок, вдали виднелись горы, песчаные холмы и зелёные степи. Шум грузовых и легковых машин, на скорости проезжавших мимо, не давал отчётливо услышать чирикание воробьёв, которые недалеко от нас клевали на земле остатки еды, брошенные путниками, останавливавшимися здесь для пикника.

Через час машина завелась, и мы снова тронулись в путь. Наш транспорт, конечно же, тут же стал новым предметом для шуток дяди, а не успели мы проехать и километра, как машина снова заглохла.

– Я же тебе говорил, что у этой машины ранимое сердце. Вот, смотри, что ты наделал. Она обиделась! – пошутил Али в ответ на возмущения дяди.

Мужчины вышли из машины и принялись толкать её в сторону обочины, а мы, не на шутку забеспокоившись, стали молиться о том, чтобы с автомобилем не произошло ничего серьёзного. На этот раз оказалось, что в баке закончился бензин. Доставая из багажника двадцатилитровую канистру и передавая её дяде, Али сказал ему:

– Больше не шути так над машиной. Лучше беги и наполни канистру, пока я не досчитал до трёх.

Дядя вернулся очень нескоро с полной канистрой бензина, сразу же заполнил бак машины, и мы, не теряя больше времени, снова тронулись в путь.

Кум находится в полутора часах езды от Тегерана, но несмотря на то, что мы выехали рано утром, в Тегеран мы прибыли только в 4 часа дня. Очень сильно проголодавшись и устав в пути, мы решили пообедать

в одном из небольших кафе недалеко от площади Азادي и заняться поисками места для ночлега. Но, к сожалению, ни один из отелей не захотел нас принять из-за того, что в наших паспортах не было фотографий.

Посоветовавшись и подумав о том, как нам быть, мы решили поехать в Карадж – пригород Тегерана. Али сказал, что там система бронирования номеров в отелях не должна быть настолько жёсткой.

Жена дяди от усталости уснула в машине, а я в своём дневнике под датой 30 марта 1986 года делала записи. Оглянувшись и увидев, чем я занимаюсь, дядя тихонько, чтобы не разбудить жену, спросил:

– Что это ты там пишешь?

– Захра-ханум, если ты пишешь о нашем путешествии, то прошу тебя, не пиши ничего плохого, – смеясь, сказал Али. – Лучше расскажи, как всё прошло гладко и хорошо.

– Да! Смотри там у меня. Нельзя писать плохое. Если узнаю, то тебе несдобровать! Лучше напиши о том, какой вкусный шашлык мы ели, как ловко и быстро я нашёл бензин...

Вечером мы доехали до Караджа и сразу же принялись искать отель. К счастью, нам удалось заселиться в одну из гостиниц, где нас согласились принять без фотографий в паспорте. Решив проблему с ночлегом, мы успокоились и задалась идеей, поужинав, погулять по улицам Караджа. Дядя с женой при этом старались сделать так, чтобы мы с Али ходили вдвоём: дядя толкал Али в мою сторону, а жена отправляла меня к Али. Мы же, в свою очередь, очень стеснялись и, опустив головы, шагали на расстоянии друг от друга.

Утром мы, наконец, доехали до Хамадана. Али подвёз меня до дома и во время прощания оставил адрес, на который я могла посылать ему письма.

Глава 3

ПИСЬМО ЛЮБВИ

Али уехал на фронт 1 апреля. Спустя неделю его отсутствия в Хамадане дядя Махди привёз фотографии, которые он сделал во время нашего свадебного мероприятия. Сначала их просмотрели все домашние, когда же очередь дошла до меня, я первым делом оценила качество фотографий на предмет печати и только потом, поднявшись к себе в комнату, стала внимательно их рассматривать одну за другой. Некоторые я разглядывала по несколько минут и чувствовала, как сердце переполняет нестерпимое чувство тоски. В тот вечер я написала своё первое письмо Али.

Со следующего дня я начала подсчёт дней разлуки с Али и, словно заключённая в тюрьме, делала отметки в календаре в ожидании его приезда.

Вечером 26 апреля раздался звонок в дверь. Моё сердце отчаянно заколотилось, я подумала, что это, должно быть, приехал Али. Быстро накинув чадру, я выбежала во двор, но, открыв дверь, обнаружила там Амира. Поздоровавшись и справившись о здоровье всех членов семьи, он протянул мне конверт и сказал:

– Сестра, Фереште, это письмо Али написал вам.

Моей радости не было конца, а рассудок настолько помутился, что я даже не помнила, как попроща-

лась с Амиром. Тут же второпях я разорвала конверт и принялась читать письмо, ещё не дойдя до своей комнаты. Письмо было незатейливым, коротким и не содержало ничего особенного, но оно стало для меня неимоверной поддержкой и оставило на сердце печать любви. Я почувствовала, что Али рядом.

В письме говорилось:

*«Именем Аллаха,
Всемиловитейшего, Милосердного!
Именем Аллаха, Защитника чести мучеников!*

Посылаю тебе тёплые слова приветствия с фронта, где идёт борьба между истиной и злом, и с земель, обгаренных кровью героев. Эта кровь напоминает о Кербеле имама Хосейна, мир ему, и благоухает запахом человека, жаждущего встречи с Аллахом. Посылаю тебе тёплое приветствие из далёких окопов среди степей и оврагов и со жгучих земель иранской Кербелы. Тёплое приветствие тебе из среды истинных Маликов Аштаров и Хабیبов ибн Мазахиров имама Хосейна, мир ему. Если тебе угодно знать о моём здоровье, то могу сказать, что, слава Богу, у меня всё хорошо. Я служу Аллаху в надежде на то, что, когда наступит победа ислама над всемирным неверием и искоренится несправедливость благословенными руками имама времени, я снова встречу с тобой, Захра-ханум, и с твоей многоуважаемой семьёй. Прошу тебя во время твоих молитв попросить у Аллаха о прощении моих грехов, а также о том, чтобы Он принял этот джихад, в котором я принимаю участие и который ты разделяешь со мной. Более не смею тебя отвлекать и скажу лишь, что у твоего дяди

Махмуда тоже всё хорошо. Передавай мои приветствия родителям и сёстрам.

*На этом у меня всё. Вверяю вас Всевышнему.
Слуга ислама,
Али Читсазийан».*

Перед сном я положила письмо под подушку, а на следующий день переложила в сумку и носила с собой, куда бы я ни шла. Это письмо для меня было олицетворением Али. Каждый раз, открывая сумку и видя там его послание, я чувствовала, что на сердце становится теплее.

Во вторник 16 мая 1986 года, вернувшись с фронта, Али сразу заехал к нам домой. Вечером следующего дня он также нанёс нам визит и был вынужден полчаса прождать у ворот, так как, не зная о его приезде, мы в тот день навещали бабушку.

Каждую неделю по понедельникам и четвергам мы всей семьёй ходили на кладбище почтить память новых мучеников. В один из четвергов, когда мы с родителями медленно ступали за толпой скорбящих по усопшему, я случайно заметила Али, стоящего в окружении каких-то мужчин. Отец подошёл к нему, поздоровался и обнял, как родного сына. Взяв его за руку, он принялся разглядывать немного изменившегося внешне Али, осыпая его словами похвалы. Совсем засмущавшийся Али лишь благодарил отца, опустив голову. Обрадовавшись неожиданной встрече с зятем, папа настоял на том, чтобы вечером тот приехал к нам в гости, и Али ничего не оставалось, кроме как согласиться.

В тот же день сразу после вечернего намаза Али, как и обещал, приехал к нам домой. На нём были

синяя рубашка и всё те же старые военные штаны с многочисленными карманами. Я заметила, что он действительно немного изменился: теперь его каштановые волосы спадали на светлое круглое лицо.

Отец усадил Али рядом с собой и стал расспрашивать о ситуации на фронте и о прогнозах на окончание войны. Через некоторое время мама позвала отца на кухню и, разговаривая с ним, намекнула, что пора бы мне пойти к Али. Поняв намёки матери, я взяла фотографии, которые Али ещё не видел, и отправилась в гостиную, чтобы показать их ему.

Али очень понравились фотографии, но особенно он отметил те, на которых были только мы:

– Эти лучше всех получились, – сказал он, подолгу их разглядывая.

Затем, воспользовавшись нашим уединением, он обратился ко мне:

– Завтра, в пятницу, никого не будет дома. Приходи в три часа дня.

Я согласилась, но на следующий день, сказав об этом матери, к своему удивлению, услышала её отрицательный ответ.

– Нет, нельзя, – возразила она. – Если дома никого не будет, то тебе лучше не ходить одной. Нехорошо, когда молодая девушка в пятничный день одна гуляет по городу. Если у Али получится тебя забрать, то так будет намного лучше.

Мама была права. Мы не привыкли возражать ей, так как были уверены, что она лучше знает, что для нас благо. Я должна была сразу догадаться, что она так скажет, ведь мама всегда была очень внимательна в вопросах нашего воспитания. Она не разрешала нам посещать даже наших подруг и знакомых, поэтому такой её ответ был вполне ожидаемым.

Чем ближе стрелка часов подбиралась к трём, тем сильнее становилось моё волнение. Ведь Али не знал об условии матери, а в те времена у нас не было телефона, и я не могла рассказать ему об этом. Я переживала, что Али может обидеться, и жалела его, так как знала, что он будет до последнего ждать моего прихода. Я никак не могла придумать какой-нибудь способ оповестить его и лишь молилась о том, чтобы он сам захотел приехать ко мне. В конце концов наступило 3 часа дня, затем 4, 4:30 и 5:00, невыносимо медленно и долго тикали домашние часы. Я постоянно думала о том, что сейчас испытывает Али, мне казалось, что я его очень задела. Это был первый раз, когда, дав слово, я его не сдержала.

Папа с сестрой смотрели какой-то художественный фильм по телевизору, а я словно ничего не слышала и не видела: мои мысли были там, с Али. Я всё размышляла о его реакции, о его дальнейшем поведении, мне казалось, что, обидевшись, он даже не захочет со мной попрощаться и уедет на фронт. Может, он поругается со мной и будет жаловаться на моё недостойное поведение? Ничто не могло отвлечь меня от беспокойства и переживаний об Али.

День был нестерпимо долгим, казалось, что ночь никогда не наступит. Мне было настолько плохо, что сразу, как только стемнело, под предлогом головной боли я отправилась спать к себе в комнату.

На следующий день, возвращаясь из школы, я услышала позади себя рёв мотора мотоцикла, и у меня возникло ощущение, что меня кто-то преследует. Не оглядываясь, я ускорила шаг. До дома оставалось совсем немного, как вдруг раздался знакомый голос:

– Салам! Как же ты быстро ходишь!

Это был голос Али. Я резко обернулась, посмотрела на него и, увидев широкую улыбку на его лице, с облегчением выдохнула.

– У тебя всё хорошо? – спросил он.

Никакой обиды ни в его голосе, ни во взгляде я не ощутила.

– Да, спасибо. Всё хорошо.

– Почему же ты не приехала вчера?

– Извините, там не было моей вины. Мама не дала согласия, сказав, что нехорошо в пятницу в послеобеденное время выходить на безлюдные улицы.

Немного подумав, Али одобрительно покачал головой.

– Я переживал за тебя и подумал, что с тобой что-то случилось. Но, слава Богу, всё хорошо.

Улыбнувшись ему в ответ, я достала из сумки ключ и сказала:

– Во всяком случае, я искренне извиняюсь перед вами. Мама разрешила мне отправиться к вам только при условии, что вы сможете меня забрать.

Али снова покачал головой:

– Хаджи-ханум права. Ты правильно поступила, послушавшись её. Тогда сегодня после обеда я сам приеду за тобой.

– Прошу вас, заходите. Будьте нашим гостем, – предложила я, открыв ворота.

– Нет, прошу прощения. Сейчас не могу зайти.

Попрощавшись, он уехал домой, а я, с облегчением выдохнув, побежала к себе в комнату, не чуя ног.

Через несколько часов, когда мама вернулась домой, я рассказала ей о предложении Али и, получив её одобрение, стала выбирать себе одежду.

В 14:45 Али подъехал за мной на машине друга и отвёз к себе домой. В квартире никого не было, так

как уже несколько дней все гостили у Хаджи Садега и его семьи. Это был второй раз, когда я оказалась дома у Али, и на этот раз смогла внимательнее всё рассмотреть.

В квартире имелся длинный узкий коридор, с левой стороны которого располагались уборная и маленькая кладовая, где хранились матрасы, с правой же стороны был вход в небольшую кухню, заполненную вьющимися искусственными растениями. На подоконнике я увидела много горшков с живыми цветами. На белых кухонных дверцах красовалось множество наклеек с пейзажами и фотографиями детей, которые вызывали желание подойти и внимательно их рассмотреть. В конце кухни рядом с окном виднелась маленькая дверь, выходящая на небольшую террасу, которая была прекрасным местом для хранения многочисленных солений, варений, овощей и фруктов. Мне очень понравилось, с каким вкусом Мансуре-ханум украсила свою кухню.

В квартире также была гостиная, разделённая по центру красивыми серыми занавесками. В какую бы комнату я ни заходила, я видела, что в каждой из них были большие и светлые окна. Зал был украшен очень красивыми вазами с вьющимися цветами, придававшими помещению особую привлекательность. В конце коридора находилась деревянная дверь, которая вела в другую часть квартиры, где имелись две отдельные спальные комнаты и ванная.

Сначала Али показал мне приятно пахнущую благовониями комнату с небольшой библиотекой, в которой, как я догадалась, спали он и Амир. Стены были увешаны плакатами имама Хомейни и фотографиями воинов, между которыми висели солдатские жетоны.

Предложив мне сесть, Али подошёл к книжному шкафу и достал оттуда альбом с фотографиями.

– Давай посмотрим старые семейные фото?

– С удовольствием, – ответила я.

Медленно листая страницы альбома, я заметила, что некоторые люди на фотографиях были отмечены красным маркером. Показывая мне новые фотографии, Али каждый раз останавливался и рассказывал разные истории.

– Это мой друг, мученик Амирхусейн Фазлуллахи²⁶. Он погиб на острове Маджнун. А это – мученик Мухаммад Али Джербане.

Я испытывала приятные чувства, находясь в той комнате и слушая рассказы Али, несмотря на то, что он с грустью отзывался о тех временах и о друзьях, которых больше нет в живых. Мне так хотелось, чтобы эти мгновения длились вечно... Атмосфера той комнаты отличалась от других и очень мне импонировала. Порой я замечала, что Али становилось настолько тяжело, что под предлогом принести чай и сладости он выходил из комнаты.

Иногда он просил меня привстать, чтобы ему было удобнее доставать другие альбомы, и мне казалось, что он делает это, чтобы получше рассмотреть меня.

– Али-ага, я слышала, что ребята из дивизии «Ансар аль-Хосейн» вас очень любят. Люди рассказывают, что вы забираете на фронт из тюрем особо опасных преступников и так их воспитываете, что они становятся абсолютно другими людьми.

– Кто тебе это рассказал? – с улыбкой спросил он.

²⁶ Амирхусейн Фазлуллахи родился 31 октября 1964 г. в Хамадане. 21 мая 1986 г. погиб на острове Маджнун. Был членом разведывательного отряда информационного отдела «Ансар аль-Хосейн» провинции Хамадан.

– Просто слышала от кого-то. Эти люди разве не представляют опасности? Они когда-нибудь создавали вам проблемы? – осторожно спросила я.

– Нет, конечно. Ни в коем случае. Я своим солдатам всегда говорю... и вам тоже говорю, Захра-ханум, так как вы тоже стали моим солдатом, что мораль в обществе стоит на первом месте. Если мы внимательно поработаем над этим, то сможем достигнуть идеального общества. Если нравственность людей в исламском обществе будет на высоком уровне, то наша страна превратится в утопию. Нам необходимо проникнуть в сердца людей для того, чтобы государство встало на путь, освящённый Господом. Я стараюсь быть таким со своими солдатами, и единственное, что меня радует в жизни, – это когда я привожу на этот путь человека, который раньше жил в заблуждении. Имам Хомейни говорил: «Фронт – это университет, в котором происходит воспитание людей». Если мы следуем пути имама, то нам необходимо исполнять его указания.

В этот момент рассуждения Али прервал звонок в дверь. Али тут же подошёл к комоду, достал оттуда пистолет, который спрятал за спиной, и пошёл к двери. В тот день я впервые узнала о том, что у него есть оружие.

Через некоторое время он вернулся. Увидев его обеспокоенное лицо, я взволнованно спросила:

– Что случилось?

– Только что я показывал тебе фотографию Хосейна Шарифи²⁷, который раненый лежал в больнице...

²⁷ Хосейн Шарифи – родился 10 мая 1966 года в Хамадане. В свой день рождения погиб в иракском городе Аль-Фао. Был членом разведывательного отряда информационного отдела «Ансар аль-Хосейн» провинции Хамадан.

Мне сейчас сообщили о том, что он скончался и его привезли в Хамадан... Мне нужно идти.

Я встала, собрала тарелки с фруктами и поднос, отнесла всё на кухню и, пока Али готовился, помыла и убрала всё на место. Друзья уже ждали Али у подъезда. Он первым делом отвёз меня домой, а затем уехал вместе с ними.

Увидев меня дома, мама с удивлением спросила:

– Ты только уходишь или уже пришла?

– Пришла.

– Что случилось? Не дай Бог, вы поссорились. Ты же ведь только что уехала.

Я рассказала маме о том, что произошло, и об оружии Али. Покачав головой, она сказала:

– Ситуация очень напряжённая. С одной стороны – война и баасистский враг, а с другой – пятая колонна и лицемеры, которые не оставляют в покое наших детей. Слава Богу, наша молодёжь сообразительная. Им просто нужно быть осторожнее.

* * *

Утром мама забрала Нафисе с собой в швейный цех, а я собиралась сесть за уроки, как вдруг услышала звонок в дверь. Это был Али. Чтобы как-то занять своего гостя, я решила, что теперь моя очередь показывать семейные фотографии, и достала наши старые фотоальбомы. Но долго побеседовать нам не удалось, так как Али снова куда-то торопился.

На следующий день, в понедельник, несмотря на то, что я его очень ждала, Али не пришёл к нам, а мне так хотелось воспользоваться тем, что он в Хамадане, и по возможности видаться каждый день. К тому времени я уже настолько к нему привязалась, что сильно тосковала при разлуке.

Подумав о том, что я, возможно, встречу с ним на похоронах Хосейна Шарифи, я решила поехать с мамой на кладбище. Ко времени нашего прихода там уже собралось много людей, и, сколько бы я ни искала, я так и не смогла нигде разглядеть Али. Всё то время, пока мы находились на кладбище, и даже по пути домой я не переставала искать его и постоянно оглядывалась по сторонам, но безуспешно.

Во вторник у нас не было уроков, и я решила провести весь день за подготовкой к экзаменам, но, не успев сесть за письменный стол, услышала звонок в дверь. Увидев, что это Али, я очень обрадовалась, но, несмотря на мои приглашения, он так и не зашёл в дом, объяснив, что приехал лишь попрощаться, так как снова уезжает на фронт. Мне не оставалось ничего другого, кроме как принести чашку с водой и вылить её вслед уходящему Али. Отойдя на небольшое расстояние от ворот, как будто о чём-то вспомнив, он быстро повернулся ко мне и, помахав рукой, крикнул:

– Прости меня! Береги себя!

– И ты береги себя... – шёпотом сказала я, прислонившись к стене и глядя, как он медленно удаляется.

Простояла я там до тех пор, пока он не завернул за угол.

После этой последней встречи я снова начала отмечать в календаре дни отсутствия Али. В конце каждого дня я с грустью записывала карандашом количество дней: 2 дня, 10 дней, 12 дней...

На тринадцатый день разлуки с Али, 28-го мая, в день моего рождения, когда я утром одевалась в школу, раздался звонок в дверь. К тому времени я уже привыкла жить в ожидании звонка. Поспешно одевшись и накинув чадру, я выбежала к воротам и, открыв дверь, увидела Али, очень уставшего и в запыленной одеж-

де. При виде него сердце сильнее забилося от счастья. В этот момент к нам уже подбегала мама; как родного сына, она крепко обняла и поцеловала Али, а затем за руку завела во двор и спросила:

– Когда ты приехал?

– Только что. Погиб один из моих солдат, поэтому завтра мне снова нужно уезжать.

– В таком случае сегодня вечером на ужин приходи к нам.

Проводив Али, мама повернулась ко мне и сказала:

– Сегодня твой день рождения. Я хочу его отпраздновать в нашем семейном кругу.

– Нет, мама. Разве ты не слышала, что товарищ Али расстался с жизнью?

Мама согласилась, и, несмотря на то, что она планировала отметить мой день рождения в кругу нашей семьи, семьи Али и других родственников, она отказалась от этой идеи.

Днём, когда я вернулась из школы, мама поздравила меня с днём рождения, вручила подарок, который купила заранее, и добавила:

– Дай Бог, скоро закончится война. Ничего страшного... Эти дни тоже пройдут. Дай Бог, чтобы в следующем году мы отпраздновали и твой день рождения, и день рождения вашего сына в вашем собственном доме.

Вечером Али с семьёй приехали к нам домой. Именно в этот день на занятиях в спортзале он повредил ногу, но никому ничего об этом не сказал. По-красневший от боли, он лишь молчал за столом. Ближе к ночи, догадываясь о том, что у него что-то болит, я убеждала его поехать в больницу, но Али не слушал меня и, отнекиваясь, говорил:

– Нет, ничего страшного. Я поправлюсь. Всё хорошо.

– Как же так? Как же можно терпеть эту боль? Я бы так не смогла. У меня нет такого терпения.

– Ты должна стремиться к этому. Мне бы хотелось, чтобы моя жена была сильной и терпеливой девушкой.

В ту ночь у Мансуре-ханум дважды случились приступы боли в почках, и после ужина Хаджи Садег отвёз её в больницу. Оставшись наедине с Али, я спросила у него:

– Всё же расскажи, что случилось? Почему тебе нездоровится?

– Сегодня в спортзале я подвернул ногу.

– Боже! Дай я посмотрю!

Не соглашаясь на мои уговоры показать ногу, Али смущённо отходил в сторону, но в итоге я сама решительно подошла к нему и подняла штанину. Увидев опухшую и посиневшую лодыжку, я в ужасе отпрянула и резко сказала:

– Мы срочно едем в больницу. Вставай!

– Нет, всё в порядке. Я уверен, что завтра мне станет лучше.

– Я позову маму...

– Нет-нет! Ни в коем случае!

Он так и не послушал меня и не поехал в больницу, а ночью, дождавшись приезда своего друга, отправился вместе с ним в штаб КСИР. Позже я узнала, что там друзья оказали ему помощь, вправив лодыжку и сделав компрессы.

* * *

В четверг рано утром Али снова приехал к нам, чтобы попрощаться, но, так и не согласившись зайти в дом, разговаривал со мной у ворот. В тот день, разволновавшись и не сдержавшись, я впервые заплакала при нём. Взяв меня за руку, он нежно посмотрел мне в лицо и сказал:

– Неужели ты так быстро забыла о нашем уговоре? Разве вчера вечером я не просил тебя быть сильной и терпеливой? Вдруг на этот раз я не вернусь? Я бы не хотел, чтобы ты проявляла слабость. Пожалуйста, постарайся брать пример с внучки Пророка Мухаммада, её светлости Зейнаб.

Несмотря на его просьбы, я не могла успокоиться. Слезы душили меня, и я больше не могла сдерживаться. Догадываясь о том, что ему непросто говорить о своих чувствах, я понимала, как ему трудно даются такие моменты, так как он никогда ещё не говорил о том, что у него на сердце. Однако я была его полной противоположностью, слишком чувствительная, ранимая и эмоциональная; еле стоя на ногах, я выдавила из себя слова прощания и закрыла ворота. Ещё некоторое время, прислонившись к стене, я плакала, не в состоянии совладать с собой. Мне казалось, что он сейчас вернётся и успокоит меня, но он так и не пришёл. Я открыла ворота и выглянула на улицу, на которой никого не было, и не могла поверить, что он может так просто оставить меня в таком состоянии. Вернувшись в дом и поднявшись к себе в комнату, не сдерживаясь, я стала громко плакать.

– Мне нужно быть сильной. Я должна быть терпеливее. Я сама выбрала этот путь... Сама решила на себе испытать тяготы военного времени и стать женой военного, сильного человека и обладателя высокой морали... Хорошо... Я буду терпеливой. Я всё выдержу... Только прошу тебя, Господи, береги его. Пусть он будет ранен на войне, но прошу Тебя, только не посылай ему в участь плен или смерть. Боже... Молю Тебя, храни его!

Глава 4

МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ

В июне закончились мои экзамены. Кроме швейного цеха, мама посещала собрания женщин, оказывающих продовольственную помощь солдатам на фронте. Она иногда забирала с собой Нафисе, а порой даже не возвращалась домой на обед. В такие дни работа по дому ложилась на меня и Ройю.

Во вторник 10 июня раздался звонок в дверь. Быстро накинув чадру, я молниеносно спустилась во двор, открыла дверь и вздрогнула, увидев Али. Он стоял передо мной с перевязанной рукой, уставший и изнеможённый.

– Что случилось? – в ужасе спросила я.

– Ничего страшного. Просто в руку попало несколько осколков.

– Заходи скорее.

Голова Али была обрита наголо, побледневшие губы абсолютно иссушены, а ботинки настолько испачканы, что невозможно было сказать, какого они цвета.

– Ты только приехал с фронта?

– Да, с военной операции на острове Маджнун²⁸.

²⁸ Острова Маджнун – цепь небольших искусственных островов в районе Хор аль-Ховайза. Расположены севернее Талайе и южнее пролива Чазап. До Ирано-иракской войны английские нефтяные компании обнаружили в этой местности нефть и для того, чтобы

– Пожалуйста, заходи же скорее в дом.

– Нет, прости, я не могу. Очень устал. Я просто очень хотел тебя увидеть... Ваджихе-ханум дома?

– Нет, её нет. Она в цеху. А что такое?

– Ребята очень устали, и мы планировали все вместе поехать в Мешхед, чтобы как-то отвлечься. Мне бы хотелось тебя тоже взять. Как думаешь, она согласится?

– Не знаю...

– В таком случае я поеду домой отдохнуть и приеду ещё раз за её разрешением.

* * *

Папа и мама дали своё согласие, и ранним утром в четверг 12 июня мы выехали в Мешхед на двух автобусах: в одном из них ехали неженатые солдаты, а в другом – семейные пары. Али посадил меня во втором ряду и, положив сумку на соседнее кресло, отправился в автобус к неженатым.

Все семейные пары в автобусе были молодыми, некоторые из них были, как мы, только помолвлены, а некоторые – недавно поженились. Но были и те пары, у которых уже по двое маленьких детей.

Через несколько часов автобусы остановились на стоянке для отдыха. В наш автобус зашёл Али, но не сел рядом со мной, а напрямик направился в конец салона. Сначала я подумала, что он отправился туда ненадолго, просто осмотреть салон, но он долго не возвращался. Обернувшись, я увидела, что все женщины

облегчить подъезд к скважинам, проложили дорогу шириной в 4–6 м. Во время военной операции «Хайбар» эти острова попали под контроль иранских военных.

сидят рядом со своими мужьями, общаются и чем-то перекусывают.

Неожиданно Али и несколько его товарищей начали громко смеяться. Тихонько жестом подозвав Али, я освободила ему место на соседнем кресле и, когда оно подошёл, спросила:

– Садись. Почему ты не приходишь ко мне? Я же тут одна.

Сев на кресло, он начал ёрзать, невольно давая мне понять, что ему неловко и хочется уйти.

– Здесь тоже действует хамаданское правило?

В ответ на удивлённый и недоумевающий взгляд Али я пояснила:

– Ну, насчёт семей мучеников.

Улыбнувшись, Али согласно кивнул и сказал:

– Да, это правило здесь тоже действует. Мне неловко перед моими неженатыми сослуживцами. Боюсь, что они могут подумать, что, женившись, я бросил их.

– Но откуда тебе знать, что у них может быть в мыслях? – возразила я.

– Хороший вопрос, но вдруг они всё же подумают, что остались одни?

– Но ведь остальные сидят возле своих жён. И разве им кто-то что-то говорит?

– Да, каждый поступает согласно своим принципам. У меня иные взгляды.

Больше я ему ничего не сказала. Несмотря на неудобство, которое он испытывал, Али посидел со мной ещё полчаса и ушёл. Через некоторое время сзади до меня донёсся голос одного из солдат, распевавшего как незатейливые традиционные хамаданские песни, так и глубокие религиозные, а сидящие рядом со мной женщины в этой дружественной атмосфере беседовали друг с другом и стали угощать всех фруктами.

Мы снова пустились в путь, и спустя несколько часов автобус остановился у придорожного кафе. Женщины, приехавшие с детьми, поспешили выйти из автобуса, пытаясь как-то успокоить своих капризничающих малышей, и отвели их к очереди в уборную. Я решила подойти к ним, чтобы чем-то помочь, и собиралась договориться со стоящими впереди, чтобы они уступили очередь женщинам с детьми. Вдруг какой-то мужчина стремительно вошёл в помещение и, ничего не сказав, зашёл в одну из кабинок, вызвав тем самым недовольство женщин. Не знаю, кто успел сообщить об этом инциденте, но я увидела издали Али, бежавшего в нашем направлении в сопровождении нескольких солдат. Уже издали я увидела, как он взвинчен и недоволен. Придя в помещение, он строго велел женщинам вернуться в автобус, а сам, подойдя ближе к кабинке, ударил ногой по её двери. Чуть позже Али вышел из туалета, ведя впереди себя того самого мужчину, который зашёл без очереди, не попросив разрешения и не извинившись. Придерживая свои штаны за ремень и не понимая, что происходит, незнакомец шёл перед Али.

– Не думай, что члены Корпуса стражей поступают с тобой так из-за своей невоспитанности, – говорил ему Али. – Мы на фронте защищаем твою честь, а ты тем временем спокойно и бесстыдно проходишь мимо наших женщин и заходишь перед ними в туалет. Где твоё мужское достоинство?

Не знаю, что тогда ответил тот мужчина и что он сделал, но по состоянию Али, вернувшегося в автобус, я поняла, что он ещё не в себе. Он дал знак водителю трогаться, и мы снова пустились в путь, но уже в молчании и боясь что-то сказать.

Али заранее через имама пятничной молитвы города Рамсар договорился о ночлеге для всех пассажиров

автобусов. В одном большом зале здания, куда нас привезли, расположились женщины с детьми, а в другой – мужчины.

Разместив нас всех в залах и выдав чистое постельное бельё, Али отправился с группой солдат на кухню, где готовился ужин. Попытавшись найти его, но так нигде и не обнаружив, я в компании жены одного из солдат решила отправиться к берегу моря на прогулку.

Придя к берегу, мы сели на камни и вдыхали умиротворяющий морской запах. Ночная темнота и звуки волн безбрежного моря наполняли необычайным чувством душевного спокойствия. Атмосфера тех мест придавала мне особую радость и уносила в грёзы. Вдруг я обнаружила, что к нам издали направляется Али. Заметив его, моя спутница решила оставить нас одних и вернулась в дом. А Али, подсев ко мне, спросил:

– Всё хорошо?

– Ты занят, а мне не с кем общаться и проводить время, поэтому я решила прийти сюда и нашла себе спокойное место.

– Знаешь, мне кажется, что жизнь подобна морю. Если морская вода перестанет двигаться, то это может погубить море, ведь его величие и красота зависят от его течений. Так и мы, мы всегда должны находиться в движении... А движение предполагает трудности. Я хочу быть как это море, хочу всегда быть активным и испытывать трудности, чтобы в итоге добраться до океана. И для этого я готов сделать всё... Тебе знакомо это чувство?

Слова Али заставили меня глубоко задуматься, я стала думать о том океане, до которого он так хочет доплыть. Что это за океан? И где он?

– Да... – задумчиво ответила ему я.

* * *

На следующее утро Али поручил всем принести с собой коврики и всё необходимое для того, чтобы позавтракать на заднем дворе дома, где вчера вечером мы с ним разговаривали об океане и жизни.

Хорошо и вкусно поев, Али вместе со своей компанией отправился ближе к берегу. Некоторые из ребят в одежде зашли в море немного освежиться, а Али из-за своей раненой руки не стал купаться и с берега задумчиво, с улыбкой наблюдал за своими солдатами, а я поодаль от него тайно наблюдала за ним.

Хосейн Рафии²⁹ и ещё несколько человек, смеясь, побежали за Мехрибаном-агой³⁰, передвигавшимся на костылях из-за загипсованных ноги и руки. Они привели его к берегу и, несмотря на его крики, с хохотом бросили в воду. Бедняжка Мехрибан-ага, как ни старался, не мог справиться в море с одной здоровой ногой, и в итоге другая группа ребят, сжалившись, прибежала к нему, чтобы вызволить. Они вытащили его из моря, помогли сесть на берегу и тут же побежали за Хосейном, крича, что теперь настала его очередь. Не сумевшего убежать от группы здоровенных парней, хохочущего Хосейна в итоге схватили за руки и за ноги и бросили в море так же, как он бросил Мехрибана-агу. Но, в отличие от Мехрибана-аги, Хосейн был здоровым, сильным юношей и смог сам выбраться из воды. Однако, обнаружив, что все его деньги,

²⁹ Хосейн Рафии – один из членов информационного отдела дивизии «Ансар аль-Хосейн». Пострадал во время Ирано-иракской войны, получив ранение. Был известен в кругу друзей за бесконечные шутки и озорство.

³⁰ Мухаммад Ибрахим Мехрибан родился 26 июня 1961 г. в Хамадане. Его отец скончался в 1987 г., а сам Мухаммад погиб в том же году 3 марта во время военной операции «Кербела-5».

документы и ключи выпали из кармана, он принялся в панике искать их в воде. Несколько ребят хотели подплыть к нему, чтобы помочь, но Али тут же остановил их:

– Пойдите! Не надо ему помогать!

– Али, так же нельзя, – сказала я, подойдя ближе.

– Нет, он это заслужил, – улыбаясь, ответил Али. – Пусть сам тоже испытает то, что делает в отношении других.

Деньги плавали на поверхности волн. Собирая их, Хосейн кричал друзьям:

– Эй! Идите помогите мне! Это же ведь деньги на вашу же поездку. Мне-то что! Пусть пропадут здесь!

Но никто не приходил ему на помощь, друзья стояли на берегу, кричали ему фразы из стихотворений, которые он сам зачитывал в автобусе, и смеялись, глядя, как самый главный проказник дивизии попал в собственный капкан.

Выбравшись наконец из воды, Хосейн подговорил нескольких ребят отомстить Али. Незаметно они подбежали к нему, стоявшему в аккуратной и опрятной одежде, и, схватив, повели к морю. Не выдержав, я побежала за ними, прося отпустить его:

– Пожалуйста! Не делайте этого! Он ведь ранен... Может произойти заражение!

Мои слова никого не остановили, и ребята, несколько раз окунув его в море, вывели на берег. Весь мокрый и смеющийся Али, освободившись от их рук, подошёл ко мне, и я спросила у него:

– Почему ты позволяешь им так поступать? От морской воды твои раны могут воспалиться.

– Не переживай, – засмеялся он. – Пусть ребята повеселятся, они ведь приехали на отдых. Здесь нет ничего страшного.

Выбросив намокшую повязку, которая была у него на руке, он отправился переодеваться.

Видя, что Али всегда старался находиться возле меня, ребята получили новую тему для шуток и постоянно подтрунивали над ним, пытаясь сделать нашу с ним фотографию вдвоём. После долгих уговоров он всё-таки согласился, чтобы нас сфотографировали. И хоть из-за дрожащих рук фотографирующего фото получилось немного смазанным, всё же мы были очень счастливы.

Добравшись до Мешхеда, все снова были распределены по комнатам. Женатые находились в одном крыле здания, а неженатые – в другом. Но, несмотря на это, Али всё равно не приходил ко мне.

Через некоторое время меня осенила мысль, как заманить Али. Я вышла в коридор и, найдя там одного из его сослуживцев, попросила:

– Пожалуйста, позовите Али. Здесь очень душно, и не работает кондиционер.

– Как это не работает? Давайте я сам посмотрю.

С разрешения женщин зайдя в помещение, он осмотрел кондиционер и сказал:

– Читсазийан-ханум, но ваш кондиционер исправен.

– Ну... он издавал очень странные звуки, – быстро ответила я, почувствовав, что от стыда начинаю краснеть.

– Сестра, – сказал он, из вежливости и скромности не поднимая на меня взгляда, – к сожалению, здесь все кондиционеры издают такой звук. В нашей комнате установлен точно такой же кондиционер.

Услышав эти слова, я поняла, что мне уже не стоит надеяться позвать Али, и больше не настаивала. Однако через некоторое время я узнала, что Али по рации

вышел на связь с частью армии, находившейся на острове Маджнун. Ему доложили, что на них было совершено новое нападение, в результате которого погиб командир отряда имени Али Акбара, Хаджи Реза Шокрипур³¹.

Вокруг начались разговоры о том, что нужно возвращаться в Хамадан. Говорили даже, что мужчины отправятся напрямую в зону боевых действий на самолёте, а женщины вернутся в Хамадан на автобусе. Ко всему прочему, мы узнали о том, что один из солдат Али, которого звали Али Табеш³², несколько недель назад также погиб на острове. Видя состояние солдат, услышавших о кончине близких людей и о захвате острова, я убедилась в том, что мы скоро вернёмся домой в Хамадан, и сказала Али:

– Давай пойдём на базар.

– На базар? Зачем? – недоумевающе и с удивлением спросил он.

– Нужно купить гостинцы.

– Вот, пожалуйста, – сказал он, протягивая мне 6000 туманов, которые в те времена были большой суммой. – Купи всё, что тебе хочется. Я очень не люблю ходить по базарам, поэтому, пожалуйста, походи с кем-нибудь из женщин.

– А ты сам что-нибудь хочешь? Что тебе купить?

³¹ Реза Шокрипур родился в феврале 1957 г., погиб 18 июня 1986 г. на острове Маджнун. Был очень храбрым командиром 154-го отряда имени Али Акбара дивизии «Ансар аль-Хосейн». Его сестра рассталась с жизнью в Хамадане во время бомбёжки 16 июля 1982 г.

³² Али Реза Велийан Табеш родился 26 октября 1961 г. в Хамадане, погиб 21 мая 1986 г. во время разведывательных операций на острове Маджнун. Был одним из близких друзей Али Читсазийана.

– Нет, ничего не нужно, спасибо. Лучше купи себе что-нибудь.

– Твоя рубашка уже совсем выцвела и испортилась. Давай я тебе куплю новую? Какого цвета ты хочешь?

Али долго отнекивался, давая мне понять, что ему абсолютно не до покупок, но в итоге сказал:

– Купи тогда серую рубашку... под цвет моей военной формы.

В тот же день с одной из женщин я отправилась на базар имени имама Резы, где купила себе красивую розовую чадру для намаза, две блузки для мамы и Мансуре-ханум, немного одежды для братьев Али и Марьям, которая недавно вышла замуж и уехала в Тегеран. Я также купила два одинаковых молитвенных коврика для папы и Насера-аги, серую рубашку и брюки для Али, шафран, барбарис и сладости. И, несмотря на такое количество покупок, у меня ещё оставались деньги.

Вернувшись домой, я показала все покупки Али. Он с удовольствием и блаженной улыбкой осмотрел всё и сказал:

– Цветочек мой, какое же у тебя терпение. Ты подумала обо всех.

Из-за событий, произошедших на острове, все ребята были очень расстроены и подавлены. Враг занял западную часть острова, то есть то самое место, где базировались хамаданские войска.

На следующий день, всё же решив всем вместе вернуться в Хамадан на автобусах, мы тронулись в путь. Спустя некоторое время остановились пообедать в одном из придорожных кафе. Сев за стол и приготовившись к трапезе, мы вдруг услышали, как кто-то из солдат закричал:

– Али-ага!

Выскочив из-за стола, я выбежала на улицу вслед за несколькими ребятами, тут же сорвавшимися со своих мест, услышав крик. На улице я увидела небольшую парковую зону, где Али ударом ноги отшвырнул в сторону молодого парня в красной футболке, а затем, развязав повязку на раненой руке, боевыми приёмами атаковал другого рослого мужчину, стоявшего рядом. Солдаты ринулись в эпицентр драки и, разняв разъярённых мужчин, силой привели покрасневшего от злости Али в кафе и посадили за стол, заказав ему стакан воды и чай.

В тот момент я не задавала лишних вопросов и понимала, что мне лучше не вступать, но позже узнала, что драка произошла из-за того, что один из тех мужчин пошутил и неуважительно отозвался о жене одного из солдат Али. Находясь рядом и услышав всё, Али не задумываясь ответил обидчикам. Очень чувствительный к подобным явлениям, он не одобрил поведение молодого человека, позволившего себе шутливо заигрывать с женщиной в чадре и с ребёнком на руках. Он сделал им замечание, но те, в свою очередь возмущённо и дерзко ответив ему, попытались взять его за ворот, в итоге ввязавшись в драку. Спустя некоторое время я сидела в углу, где мы все обедали, когда увидела, что те самые мужчины зашли в кафе и направились к столу, за которым сидели Али с друзьями. Не на шутку испугавшись, я подумала, что между ними снова завяжется драка, но, подойдя к Али, они сказали:

– Мы просим прощения за наш поступок. Мы не знали, что вы военные, и не хотели вас задеть. Нам очень стыдно.

В субботу 22 июня, ночью, мы прибыли в Хамадан. Али привёз меня домой, немного посидел у нас

и, не застав дома отца, пообещал приехать снова на следующий день. Сдержав своё обещание, он приехал в полдень вместе с дядей Махмудом и долго беседовал с моим отцом, рассказывая ему о новостях на фронте и о смерти 16 солдат, в числе которых был и мученик Шахрипур.

Во вторник Али и дядя Махмуд приехали к нам попрощаться, прежде чем отправиться на фронт. Я спросила у Али:

– Когда ты вернёшься?

– Не знаю. Помолись о том, чтобы я смог вернуться к свадьбе.

После их отъезда мама продолжала ходить в цех, заниматься сбором продовольствия для фронтовиков и, ко всему прочему, начала собирать мне приданое.

В четверг, на 24-й день отсутствия Али, к нам приехали Амир и Хаджи Садег, чтобы передать письмо с фронта. Взяв его, я тут же поднялась к себе в комнату и принялась с жадностью читать.

«Именем Всевышнего!

*Именем близких и верных помощников
имама времени!*

Салам алейкум, Фереште. Надеюсь, что это письмо найдёт тебя в добром здравии. Мы должны быть благодарны Всевышнему Аллаху за то, что Он наделил нас таким лидером, как имам Хомейни, показавший нам правильную жизнь, научивший отличать истинное добро от зла и до последнего бороться за правое дело. Передавай моё почтение семье!

Прошу Всевышнего о том, чтобы ты и твоя семья всегда находились под Его опекой, и, в свою

очередь, прошу помолиться о том, чтобы я смог лучше служить Богу в надежде на то, что Он примет мои старания.

Передай, пожалуйста, своей многоуважаемой семье, что мы проведём нашу свадьбу 16 августа – в день праздника жертвоприношения. Если на то будет воля Аллаха, я планирую приехать за несколько дней до свадьбы.

На этом у меня всё.

Вверяю вас Всевышнему Аллаху».

Прочитав письмо, я облегчённо вздохнула и успокоилась, а мама, узнав о предстоящей дате свадьбы, занялась приглашениями для гостей.

Сдержав своё обещание, Али вернулся в Хамадан в ночь на 11 августа. Мы тогда предварительно договорились о том, что в день его приезда соберёмся все вместе у нас дома и обсудим детали свадьбы. Перед приходом гостей я убралась в доме, вымыла двор и вытерла повсюду пыль, а мама, как всегда, приготовила очень вкусный ужин. Аромат её мясной подливки и риса с шафраном заполнил весь дом.

Ко дню свадьбы уже было подготовлено всё мое приданое, часть из которого была аккуратно упакована в большие и маленькие коробки, а другая хранилась в небольшом складском помещении во дворе. Ройя и Нафисе с нетерпением считали последние дни до свадьбы, а дома в последнее время всё чаще появлялись гости, которые приезжали помогать маме с приготовлениями.

Однажды вечером, убираясь во дворе, я засмотрелась на маленькие зелёные деревья и цветы, растущие там. Под светом лампочек капельки росы на их

листьях переливались и излучали сияющие отблески. В тот момент меня посетила идея как-то разнообразить наше домашнее свадебное мероприятие, установив во дворе палатку и украсив ветки деревьев миниатюрной светящейся гирляндой. Представив такое оформление, я тут же в мыслях унеслась в день нашей свадьбы, вообразила себя в белом платье невесты, представила Али, стоящего рядом со мной, и как наша семья подбрасывает в небо сладости и лепестки цветов. Я сразу подумала о том, что нужно заранее обдумать место, где мы с Али будем стоять.

Мои мысли прервал стук в ворота. Пришли Али и его семья. При виде их в моё сердце сразу закралось беспокойство. Мансуре-ханум и Насер-ага были как-то особенно молчаливы и грустны, на их лицах не было и следа былой улыбчивости. Не обратив внимания на настроение наших гостей, мама принялась заниматься их беседами о том, что она сделала, готовясь к свадьбе: о том, что уже пригласила гостей, заказала сладости, и о том, что планирует постелить во дворе ковёр. Слушая маму, Мансуре-ханум слегка покусывала губы и постоянно поправляла чадру.

– Мансуре, не тяни. Мы должны сказать, – не выдержав, обратился к жене Насер-ага.

– Да... Ваджихе-ханум... По правде говоря... Скончался один из наших родственников... И у нас не получится отпраздновать свадьбу.

Услышав такую новость, мы все вздрогнули. Мама побледнела.

– То есть нам нужно отложить дату свадьбы? – жалобно спросила мама.

– Нет, – ответила Мансуре-ханум, посмотрев на мужа и сына. – Вы вправе поступать так, как вам угодно. Вы уже столько всего сделали, пригласили гостей,

совершили все приготовления. Так что вы можете всё отпраздновать, а мы, со своей стороны, лишь тихо и без громких празднеств заберём невесту.

– Мы ведь пригласили так много гостей... Может, стоит перенести свадьбу?

– Нет, – вмешался Али. – Не думаю, что стоит так поступать. Сыграем её в день, в который договаривались. Уже слишком много приготовлений сделано.

В итоге мы договорились оставить всё, как есть, и провести свадьбу в тот день, в который планировали.

На следующий день мама ещё более усиленно занялась последними штрихами подготовки к свадьбе. Несмотря на то, что папа не был богачом, мама постаралась собрать мне очень хорошее приданое и делала всё возможное для того, чтобы свадьба прошла удачно. Сходив на базар, вместо свадебного платья она купила мне дорогую блузку молочного цвета за 2500 туманов.

Каждый день вплоть до церемонии бракосочетания мы советовались друг с другом и думали о том, как провести свадьбу не слишком пышно, но и не чересчур скромно.

– Свадьба бывает раз в жизни, – рассуждала мама. – Нужно сыграть её так, чтобы не грустить на чужих свадьбах о том, что в нашей семье мы своим детям не смогли организовать подобную. Нужно сделать так, чтобы у всех нас остались хорошие и тёплые воспоминания.

Мы так и не постелили во дворе ковры, не установили палатку, не украсили деревья светящимися гирляндами и провели очень скромное и сдержанное свадебное мероприятие. Посередине двора стоял столик, за которым сидела я одна лицом к гостям. Сколько бы

мы ни настаивали, Али так и не пришёл за этот стол, говоря:

– Это всё же женское мероприятие. Мне неудобно сидеть посреди женщин. Тем более, я знаю, что при виде жениха они начинают хлопать, шуметь и привлекать внимание, а мне бы хотелось этого избежать.

На следующий день Али пришёл к нам домой и поделился новостью о том, что жену его друга приняли в университет Мешхеда. Собрав все свои вещи, они отдали ключи от своего дома Али, предложив ему вместе со мной поселиться там и жить вплоть до их возвращения из Мешхеда, не платя деньги за аренду какого-либо жилья.

– Давай поедем и посмотрим этот дом. Если тебе там понравится, то мы перенесём вещи и будем жить там, – предложил мне Али.

Этот трёхэтажный дом находился по соседству с нашим. Он имел два входа: один из них выходил на нашу улицу, и им пользовались жильцы второго этажа, а другой использовался только нами и был направлен в сторону улицы Газийан. Первый этаж был занят парковкой, а второй и третий были жилыми.

Поднявшись по невысоким ступеням, Али открыл дверь, и мы вошли в милую, просторную и светлую квартиру, у которой одни окна выходили во двор, а другие – на улицу Газийан. Мы посмотрели зал, гостиную, кухню и спальни, а также заметили, что одна комната, в которой хозяева собрали все свои вещи, была заперта. Планировка меня, конечно, не сильно интересовала, так как самым главным было то, что квартира находилась совсем рядом с домом моих родителей.

– Тебе нравится? – спросил Али.

– Да, очень!

– Я рад это слышать. Если твоя мама даст разрешение, то твоё приданое можно привезти сюда.

– С чего же ей не соглашаться. Всё готово к вывозу.

На следующий день Али в сопровождении нескольких друзей приехал к нам домой и перевёз всё приданое в наше новое жильё. Лишь расстелив в гостиной новый ковёр, мы осознали, как велика эта комната. Поняв, что для такого помещения одного ковра недостаточно, после обеда Али купил в магазине, где со скидками продаются товары для членов КСИР, ковровин и два больших ковра, которые мы постелили в зале и гостиной.

В ночь на 18 августа мы договорились о том, что Али вместе с родителями приедут официально забирать меня в новую квартиру. В тот день мама пригласила своих братьев, их жён и других близких родственников. Поужинав и убрав всё со скатерти, мы сидели в ожидании семьи жениха, тогда как растроганная мама, утирая слёзы, ходила по комнате с дымящейся гармалой, запах которой, по традиционному иранскому поверью, оберегает от сглаза.

Я надела ту самую молочную блузку, которую купила мне мама, и белую чадру, которую надевала на наше шариатское бракосочетание. Время было позднее, и на сердце у меня становилось беспокойно. Никто не понимал, почему семья жениха так задерживается.

– Мама, ты уверена, что вы договаривались на сегодня? – спросила я. – Может, они имели в виду завтрашнюю ночь, и вы друг друга не поняли?

Мне показалось, что от моего вопроса маме стало ещё хуже. Шёл час за часом, гости были заняты беседой, но Али с семьёй так и не появились.

– Мама, мне очень хочется спать. Возможно, что-то случилось, и они уже сегодня не приедут.

– Я уверена, что они вот-вот появятся, – явно переживая, сказала мама, крепко обняв меня и ещё сильнее заплакав.

Мама была права: через некоторое время на нашем пороге появились Али, его родители, Амир, Мунире и Марьям. Али, одетый в новую голубую рубашку и брюки, выглядел совсем иначе. Он подошёл и поздоровался со всеми. Мама открыла Коран и сквозь нескончаемый поток материнских слёз прочитала из него несколько сур, а затем отец и дядя, взяв меня под руки, повели к выходу. Я чувствовала, что мама не могла найти себе места, она бродила по комнатам, молилась и в конце концов ещё раз подошла ко мне и поцеловала. Я тоже не могла сдержать слёз, как бы ни старалась.

– Мамочка, прости меня, если я когда-нибудь обижала тебя.

– Господи. Будь счастлива, моя родная. Господи... – тоскливым голосом отвечала она.

Когда мы дошли до машины, папа взял мою руку и, вложив в руку Али, сказал:

– Дорогой Али, вручаю тебе нашу Фереште. Пусть ваши души будут навсегда скреплены.

– Хаджи-ага, поручайте её лишь Богу, – сказал Али.

– Конечно. Вас обоих поручаю Ему.

– Хаджи-ага, я надеюсь, что стану для вас достойным зятем, а Захра станет хорошей супругой.

– Конечно же, ты уже такой. Клянусь, даже один день совместной жизни моей дочери с таким человеком, как ты, многократно ценнее и значимее, чем несколько лет супружеской жизни с мужчиной без достоинства.

Сказав это, папа поцеловал и обнял Али. Попрощавшись со всеми, мы сели в машину Ахмада Сабери, близкого друга Али, и тронулись в путь.

Через некоторое время мы приехали в имамзаде Абдулла³³. Сабери-ага несколько раз объехал храмовый комплекс, позволив нам вдоволь помолиться о нашем счастье, а затем через площадь имама Хомейни мы выехали к улице Абу Али. За нами ехала лишь коричневая машина марки «Пейкан», которую вёл Хаджи Садег. Помимо него, в машине сидели его жена, дочка, Марьям и Амир.

– Давайте поедем к площади Каменного льва³⁴? – предложил Сабери-ага.

– Да, можно, – с радостью согласились мы.

Доехав до площади, а затем побывав на других известных улицах города, мы направились к нашему новому дому. Али открыл дверцу машины и помог мне выйти. У дверей дома нас уже ожидали родители и дяди Али, его сестра, Амир, Хаджи-баба и Ханум-джан. Взяв меня за руку, Насер-ага повёл меня к квартире, по пути напевая хамаданскую религиозную песню, а все остальные произносили хором салават. Войдя в квартиру, все стали обнимать нас, поздравлять и желать счастливой совместной жизни. Попрощавшись со всеми и пожелав спокойной ночи, Али совершил со мной совместный намаз и стал рассказывать о том, чего бы он хотел от нашего брака, повторяя всё те же слова, что он говорил во время помолвки.

³³ Имамзаде Абдулла – святое место, где захоронены два внука седьмого имама Мусы аль-Казима. Жители Хамадана и его окрестностей очень чтят это место и часто его посещают. В последнее время территория святыни была отреставрирована и расширена.

³⁴ Площадь Каменного льва (Санг-е шир) – старинная площадь, на которой установлена скульптура льва, высеченная из камня. Некоторые из хамаданских жителей с суеверием относятся к этому месту.

– Твои родители – и мне родители, а ты должна считать своими родителями моих. Если мы будем уважать друг друга, то не возникнет никакого недопонимания. Ты воспитанная девушка из честной и благородной семьи, верующая мусульманка, и для меня этого достаточно, поскольку как религиозная девушка ты сама прекрасно знаешь обо всех своих обязанностях.

На следующий вечер к нам в гости пришли солдаты Али со своими жёнами. Мужчины сидели в квартире соседа на втором этаже, а женщины – у нас. Мы провели вместе немного времени, поужинали, послушали, как один из друзей Али спел религиозную песню, и попрощались.

Первое время у нас дома оставались Мансуре-ханум с сыном, помогавшие нам обустроиться. Мансуре-ханум взяла на себя кухню, я занималась уборкой и чисткой, а Амир по поручению матери ходил за покупками. Будучи очень добрым и спокойным человеком, он ни разу не возразил своей матери и никогда не отказывал нам в помощи. Погостив у нас четыре дня, они уехали. Али не было дома, я осталась одна и решила сама приготовить рис с шашлыком на обед.

В тот день Али вернулся домой не один и, открывая дверь, предупредил, что привёл гостя. Накинув чадру, я вышла поздороваться и тут же отправилась на кухню, чтобы накрыть на стол. Через некоторое время, когда Али зашёл ко мне, я сказала:

– Я думаю, в следующий раз будет лучше, если ты заранее предупредишь о том, что приводишь домой гостей.

– Но ведь не страшно привести без предупреждения одного человека? Разве мы не можем накормить его куском хлеба с сыром? – улыбаясь и как ни в чём не бывало, сказал он.

– Почему же? Мне просто стало неудобно.

– Не стоит этого стесняться. Мы не будем возражать, даже если тебе нечем будет нас накормить, просто сядем в укромном уголочке и будем говорить о наших делах. Так что не переживай насчёт этого. Куска хлеба с сыром и сладкого чая нам будет вполне достаточно.

Такой ответ Али меня абсолютно обезоружил.

– Но что это за запах, цветочек? Чем это так вкусно пахнет по всей квартире?

– Шашлыком с рисом.

– Ох-ох! Какое же это благо – иметь хорошую жёну, и как же беден тот, у кого такой нет!

Смеясь от слов Али, я достала из шкафчика ска-терть и протянула ему.

Угощения хватило на всех. Мужчины пообедали отдельно в гостиной, отведав также вкусную дыню, зелень, сметану и фрукты. Я тогда вспомнила, как мама говорила: «Гость всегда приносит пропитание с собой».

Глава 5

МОЙ ЦВЕТОЧЕК

Спустя неделю нашей совместной жизни однажды утром после намаза Али сказал мне:

– Захра-ханум, сегодня я должен уехать. Скажи, где моя сумка?

– Куда тебе нужно уехать?

– Домой к дяде, – рассмеявшись от моего вопроса, сказал он. – Цветочек, на фронт, конечно же. Куда мне ещё может понадобиться ехать?

– Но... нельзя ли как-то отложить эту поездку? – взволнованно спросила я.

– Нет, к сожалению... Враги наступают. Нет времени.

Собрав его сумку и положив туда одежду, личные вещи, полотенце и фрукты, я сказала ему, что всё готово. Посмотрев на сумку, Али засмеялся:

– Вот! Сразу видно, когда вещи собирала женщина! Слава Богу, я увидел и такой день, когда за меня моя жена так заботливо и внимательно сложила сумку.

На наших глазах выступили слёзы...

Али был очень скрытным человеком, не проявляющим эмоций ни словами, ни поведением. На этот раз он вновь как ни в чём не бывало нагнул и принялся зашнуровывать ботинки, пытаясь утаить чувство, пробудившееся у него в сердце перед прощанием. Пока он

обувался, я думала о том, что, как только он вернётся, я обязательно укорочу браслет его новых часов, которые подарил ему папа. Часы были слишком велики и свисали ему на кисть.

Поднявшись, Али с тоской в голосе сказал:

– Цветочек, береги себя... Прости меня...

Я хотела громко заплакать. Сердце вырывалось из груди от взгляда в его бездонные и взволнованные голубые глаза. Мне так хотелось попросить его взять меня с собой.

– Да... Ты тоже береги себя. Пожалуйста, не забудь о заступничестве за меня.

Ничего не ответив, он быстро вышел из квартиры и бегом спустился по лестнице, затем, резко остановившись, поднял голову, нежно посмотрел на меня и напоследок сказал:

– Цветочек мой. Я пошёл... Да хранит тебя Господь.

Глава 6

ОДИННАДЦАТЫЙ ЦВЕТНИК

После отъезда Али я отправилась в родительский дом. На четвёртый день отсутствия мужа, проснувшись утром, я ощутила какое-то странное, необъяснимое чувство и была такой вялой и неизвестно почему расстроенной, что не было ни сил, ни желания чем-то себя занять. Вдруг я услышала стук в ворота и, накинув чадру, босиком побежала во двор.

– Господи, – молилась я, пока бежала к воротам. – Молю тебя хранить Али. Хоть бы за дверью стоял человек не с плохой новостью. Прошу тебя, Господи...

Открыв ворота, я от ошеломления не смогла произнести ни слова и стояла как вкопанная. Это был Али, весёлый и невредимый, без единой царапины. Наконец, сообразив, что мне надо отойти в сторону, я пригласила его внутрь и помогла с сумкой.

– Военная операция закончилась.

– Слава Богу...

– Кто дома?

– Все.

Позднее, выпив чая, который заварила нам мама, Али рассказал:

– Из зоны боевых действий мы поехали в Тегеран для встречи с имамом Хомейни, но она так и

не состоялась, поэтому теперь мы возвращаемся на фронт. Я решил на обратном пути выкроить время и увидеться с вами.

– Лучше бы ты не говорил, что завтра уезжаешь, – сказала я. – Теперь я расстроилась.

Накрыв стол для ужина, мама отвела меня в сторону и сказала:

– Если хотите, можете остаться у нас дома. Мы будем только рады, но мне кажется, что вам лучше поехать к себе на квартиру и дать Али отдохнуть в уединённой обстановке. Если у него есть грязная одежда, принеси, я постираю.

На следующий день после приезда, рано утром второго сентября, Али снова оставил меня и уехал. Проводив его, я взяла свою сумку, которую вчера даже не успела разобрать, приехав из родительского дома, и снова отправилась к месту моего душевного спасения. Глаза были наполнены слезами, сердце разрывалось, а ноги быстро шли в направлении отчего дома.

* * *

В пятницу 12 сентября объявили о том, что новые хамаданские военные формирования отправляются на фронт. Все жители соседних улиц вышли проводить солдат, выглядывающих из окон автобусов.

Ближе к полудню мы с мамой отправились в соборную мечеть, где совершили всеобщую пятничную молитву, и поехали домой. Дорога и, возможно, эмоциональная насыщенность дня изнурили меня, и я сразу легла спать, испытывая головную боль. Утром, несмотря на лившийся в окно яркий солнечный свет, я долго не могла проснуться, так как голова не прошла.

Мама была в швейном цеху, а папа, как обычно, с утра отправился на работу. Вдруг я услышала звонок, от которого меня охватила дрожь. Я тут же соскочила с постели и побежала к воротам, боясь подумать о том, кто это может быть.

– Фереште, дорогая, – услышала я голос Мансуре-ханум. – Это я.

Я отворила ворота и увидела Мансуре-ханум, как всегда, очень опрятно и элегантно одетую. Заметив испуг на моём лице, она сказала:

– Не пугайся. Ничего не случилось. Мы хотим сейчас поехать в Тегеран, чтобы навестить Марьям, и решили взять тебя с собой. У тебя ведь не получилось поехать на её свадьбу.

Я с облегчением вздохнула.

– Спасибо, но я сейчас совсем не готова к выходу. Было бы хорошо, если бы я заранее знала об этой поездке.

В этот момент, выйдя из машины, к нам направился Хаджи Садег. Поздоровавшись, он сказал:

– Захра-ханум... По правде говоря, Али ранен.

От этой страшной новости у меня закружилась голова, ноги стали ватными, и я схватилась за стену, чтобы не упасть.

– Прошу тебя, – сказала Мансуре-ханум. – Не переживай. Всё обошлось, и Али вне опасности. Мы хотели поехать одни, но, подумали, что, узнав об этом завтра, ты можешь обидеться на нас, и решили предложить тебе поехать с нами.

Казалось, я ничего не слышала, кроме учащённого биения своего сердца.

– Фереште... Дорогая, клянусь, ничего страшного не случилось. Я же не стану тебя обманывать.

Решив не будить спящих наверху сестёр, я взяла свою сумку, которая всегда наготове стояла в углу прихожей, и вышла из дома, сказав Мансуре-ханум:

– Поедем предупредим сначала маму.

Швейный цех находился на втором этаже жилого здания на улице Баба Тахер, располагавшейся у нас по пути, и включал в себя несколько рабочих помещений. Мама работала там начальником цеха и постоянно перемещалась по этим помещениям, внимательно наблюдая за работой. Женщины, одетые в чадры, были заняты шитьём, а мама оказалась в помещении, где стояли швейные машинки.

Зайдя в цех и услышав знакомые звуки режущих станков и швейных машин, я погрузилась в детство. Какую же красивую одежду мама шила для нас, когда мы были маленькими, как ловко она справлялась с этими ручными швейными машинками чёрного цвета...

– Здравствуй, мама.

– Фереште? Что ты здесь делаешь? Что-то случилось?

– Нет, ничего серьёзного. Али ранен и находится сейчас в Тегеране. Хаджи Садег нас с Мансуре-ханум отвезёт к нему.

Цвет лица матери изменился. Она побледнела, но изо всех сил старалась скрывать от меня своё волнение.

– Не переживай, – взяв меня за руку, сказала она. – Даст Бог, всё обошлось. Если хочешь, я тоже могу поехать с вами.

– В машине уже нет мест. С нами поедет ещё Мунире-ханум и друг Али.

– Пойдём, я поздороваюсь со всеми.

Подойдя к машине, мама поздоровалась со всеми присутствующими и, пожелав скорейшего выздоровления Али, проводила нас в путь, нашёптывая молитву. Я села сзади вместе с Мунире-ханум и Мансуре-ханум, и мы тронулись в путь.

Проехав мимо имамзаде Абдаллы, Хаджи Садег сказал:

– Мы сейчас поедem в офис КСИР, где нас будет ждать Фарзан.

– Этот Хосейн Фарзан теперь в долгу перед Али, – шепнула мне Мансуре-ханум. – Сейчас он сам тебе обо всём расскажет в деталях. Они тесно дружат уже очень давно, и недавно, узнав о его гибели, Али сразу же поехал в морг. Там во время опознания он обратил внимание, что пакет, в который завернули труп, был немного влажным. Проверив его дыхание, Али понял, что Хосейн жив, и, взяв на руки, отвёз в клинику, где его привели в сознание. Вот так Али спас друга.

У офиса нас действительно ожидал Хосейн, он сел в машину и, узнав о том, что я – жена Али, принялся расхваливать его и рассказывать разные истории с фронта.

– Несмотря на то, что Али – генерал и не обязан заниматься многими делами, перед каждой военной операцией он лично первым идёт на разведку, подбываясь совсем близко к врагам. Он был первым, кто велел не использовать беспроводные устройства передачи информации, так как они прослушиваются, и предложил заменить их на безопасные, проводные. Али – самый милосердный и скромный человек, которого я знаю...

Так, слушая многочисленные рассказы Хосейна об Али, мы добрались до больницы Сасан. Это было

крупное медицинское учреждение высшего уровня, с просторными лифтами, похожими на гостиничные, и сверкающим повсюду кафелем.

Несмотря на старания Мансуре-ханум, я не могла перестать волноваться. Мне было страшно увидеть Али... Страшно было подумать о том, что он тяжело ранен.

В конце концов, дойдя до нужной нам палаты, где стояли две кровати, мы увидели незнакомую женщину, над кем-то склонившуюся. Хаджи Садег и Хосейн шагнули вперёд, чтобы поздороваться с тем, кто лежал на кровати, за ними подошла Мансуре-ханум. Она спросила:

– Как ты, дорогой? Как ты себя чувствуешь?

«Неужели это и вправду он?» – спросила я себя.

Перед нами лежал исхудавший, бледный и обригтый наголо молодой мужчина с бородой и усами. Мунире-ханум также подошла поздороваться с этим человеком, назвав его Али. Наступила моя очередь... А я стояла в неподвижности и безмолвии, не в состоянии пошевелиться от увиденного, и, хотя мне как эмоциональному человеку трудно сдерживаться, я изо всех сил старалась держать себя в руках и быть сильной. Мне тогда было 18 лет, и всё моё сердце было заполнено любовью к человеку, ставшему моей мечтой и мужем, но в тот день я увидела его, некогда сильного и смеющегося, раненым на больничной койке и не знала, как ему помочь. Прикусив губу, я лишь стояла и в смятении смотрела на него, сдерживая из последних сил огромный поток слёз, наполнивших мои глаза, как только я зашла в палату.

Улыбнувшись, Али жестом подозвал меня поближе к себе, но мне стало так плохо и так закружилась

от волнения голова, что, перестав чувствовать твёрдую землю под ногами и чуть не упав, я схватилась за железную решётку кровати.

– Что с тобой, Фереште? Тебе плохо? – взяв меня за руку, спросила Мунире-ханум. – Давай выйдем на воздух.

Как только она вывела меня из палаты, не в силах больше сдерживаться, я заплакала. За нами вышла та женщина, которая пришла к Али до нас.

– Это Фатима-ханум, родная сестра Мансуре-ханум и единственная тётя Али, – объяснила мне Мунире-ханум.

Обняв меня и поцеловав, Фатима-ханум на своём певучем тегеранском наречии сказала:

– Какая же красивая жена у моего племянника. Почему ты плачешь, милая?

Тоска и боль в сердце не давали мне вздохнуть, и слёзы душили с новой силой.

– С Али же всё хорошо. Вчера ему сделали операцию из-за маленького осколка в бедре. До утра я находилась рядом с ним и говорила с врачами. Клянусь тебе, дорогая, ничего страшного не произошло.

Фатима-ханум так красиво и нежно разговаривала, что вскоре ей удалось меня успокоить, и мы вновь вернулись в палату к Али. Раздвинув всех в сторону, она подвела меня к Али и сказала:

– Дорогой Али, вот твоя жена.

– Что случилось, Фереште? – спросил Али, увидев моё красное, мокрое лицо. – Ты что, плакала?

Опустив голову, я принялась быстро вытирать лицо салфеткой, которую дала мне Фатима-ханум, и подумала, что Али впервые назвал меня Фереште.

– Так что же случилось?

Слёзы вновь прихлынули к глазам.

– Ничего, – плача и одновременно улыбаясь, сказала ему я. – С тобой всё хорошо?

– Слава Богу, у меня всё хорошо, – с необычайным спокойствием ответил Али.

Одна его рука лежала на животе, а к другой была подсоединена капельница. Мне так хотелось взять его за руку, но я помнила о его просьбе держать дисканцию на людях. Открыв маленькую коробочку сока, я поднесла трубочку к губам Али; он свободной рукой взял у меня сок и, сделав несколько глотков, сказал:

– Я больше не хочу. Попей ты.

Заметив, что все, отойдя к окну, заняты беседой, я осмелилась положить руку на кровать рядом с рукой Али, и с болью посмотрела на него. Он незаметно взял меня за руку, не отрывая взгляда.

– Эта война разлучила нас, – с горечью произнесла я.

– Ну, это ведь главная особенность войны.

– Неважно, что произойдёт завтра. Самое главное – это то, что у тебя всё хорошо, и ты рядом.

Посмотрев на тетрадь, лежавшую на металлическом столе, я увидела рисунок, который сделал Али. На нём была изображена гора с куполом мечети имама Хосейна и флагом, на котором были написаны имена: Касим Хади³⁵, Мусайиб Маджиди, Мухаммад

³⁵ Касим Хади родился 23 августа 1961 г. в хамаданском селении Даррей-йе Морадбик. В семь лет во время паломничества в Кербелу жил в доме у аятоллы Мадани, который в своё время совершал совместный намаз с имамом Хомейни. После Исламской революции Касим вступил в Корпус стражей Исламской революции и погиб 16 февраля 1986 г. во время военной операции «Валь-фаджр-8».

Бакир Мумини³⁶, Амир Фадлуллахи, Мухаммад Курбанийан Муваххед³⁷, Хасан Сархади³⁸.

– Как красиво... Это ты нарисовал?

– Да.

– Очень красиво. Думаю, всё-таки мои слова не пропали даром, и ты стал больше рисовать.

– Хочешь, я и для тебя нарисую что-нибудь?

Я с радостью достала свой дневник, который всегда носила в сумке, и протянула ему.

– Дай мне один из этих цветов, – попросил Али.

Рядом с кроватью на тумбе стояла ваза с красными, белыми и розовыми лилиями. Достав одну из лилий, я отдала её Али. Он приподнялся в постели, положил цветок на одеяло и синей ручкой начал рисовать. У него и вправду очень красиво получалось. За пару минут быстрыми движениями он нарисовал лилии и летящую рядом раненую бабочку без крылышка.

³⁶ Мухаммад Бакир Мумини родился в 1966 г. в Хамадане. Был образцом богобоязненности и искренности среди всех солдат информационного отдела. Командующий Али Читсазийан не позволил ему участвовать в военной операции «Сахив аз-заман», в которой Мухаммад Бакир очень хотел принимать участие. В попытках переубедить командира Мухаммад Бакир проплакал всю ночь до утра, но так и не был допущен к операции. На следующий день, 28 апреля 1986 г., он погиб во время бомбёжки вместе со своими товарищами от попадания осколков в их окоп.

³⁷ Мухаммад Курбанийан Муваххед родился в 1971 г. в хамаданском селении Факира. Был одним из солдат военно-информационного отдела дивизии «Ансар аль-Хосейн». Погиб 3 сентября 1986 г., когда, возвращаясь с успешно проведённой военной операции на острове Маджнун, наступил на мину.

³⁸ Хасан Сархади родился в 1965 г. в хамаданском селении Салихабад. Был одним из солдат военно-информационного отдела дивизии «Ансар аль-Хосейн». Погиб 11 сентября 1986 г. во время военной операции при взрыве на лодке.

Около рисунка он подписал: «Все друзья отправились навстречу любви. Спешите и ты, чтобы не опоздать».

– Не успел ты приехать в Тегеран, как уже, словно местный, рассуждаешь о любви, – засмеявшись, сказала я.

Али улыбнулся и, быстро зачеркнув слово «любовь», заменил его на «смерть».

Увидев моё обеспокоенное лицо, Али сказал:

– Ты слишком часто и быстро расстраиваешься.

Затем, чтобы подбодрить меня, он снова взял мой дневник и написал: «Моей дорогой жене Фереште-ханум. Моей любви. Храни этот рисунок на память, мой цветочек».

– Али, что ты думаешь, если мы останемся в Тегеране? Ты не против? А то смотри, и вправду, каким галантным тегеранцем ты стал. Пишешь письма со словами «моей любви»... – продолжала подшучивать над ним я.

– Как только ты вошла сюда, мне показалось, что ко мне вошёл ангел³⁹. Тебе очень подходит твоё имя.

Застеснявшись и почувствовав себя неловко от слов Али, я принялась засовывать дневник обратно в сумку и, случайно обратив внимание на пустое запястье мужа, спросила:

– Али, где твои часы?

– Одному из ребят очень понравились эти часы, и я решил подарить их ему, – спокойно ответил он.

– Али, – немного занервничав, ответила я. – Это ведь был подарок отца на нашу свадьбу. Это оригинальные часы фирмы «Радо», которые он привёз из

³⁹ «Фереште» с персидского переводится как «ангел» (прим. пер.).

Мекки и специально покупал с мыслями, что подарит зятю.

– У человека может быть куплено множество часов, но человечность на них не купишь. Мне кажется, нужно стараться завоёвывать сердца людей, а не предметы мирской жизни.

Я больше ничего не сказала ему, но мне было очень жалко эти часы.

Ночью я хотела остаться с Али, но Хаджи Садег опередил меня и настоял на том, что останется именно он, и нам с Али пришлось согласиться. Поэтому первую ночь в Тегеране мы провели в доме у бабушки и бабушки Али. В ту ночь сердце моё было неспокойно, я очень тосковала по Али и хотела быть рядом с ним. Хотя операция и прошла успешно, врачи сказали, что ему необходим покой, и, зная о том, что Али не придаёт значения своему здоровью, я боялась, что он может встать и уйти из больницы. До самого утра я молилась о здоровье мужа.

Те события совпали с траурными днями мученической гибели имама Хосейна, которые ежегодно сопровождаются различными мероприятиями. Я помню, как мы смотрели на траурные процессии на улице и как я подходила к незнакомым людям и просила их также помолиться о здоровье и благополучии Али.

Всю неделю я оставалась в доме у бабушки. В то время дядя Мухаммад, недавно приехавший из-за границы без жены и ребёнка, подумывал о том, чтобы навсегда остаться в Тегеране. По утрам мы собирались все вместе и завтракали, а затем уезжали в больницу к Али. Я не отходила от него ни на шаг и очень переживала из-за того, что не могу остаться с ним на ночь.

Через неделю Хаджи Садег настоял на том, чтобы мы вернулись в Хамадан, и, хотя мне и Али этого очень не хотелось, нам пришлось согласиться. Из стыда перед старшими мы не смогли возразить и сказать, что хотим остаться в Тегеране вдвоём.

19 сентября мы выехали обратно в Хамадан. Помню, что эта дорога далась мне с большим трудом. Всю поездку я молчала и ничего не хотела есть. Тоска по Али и боль в сердце душили меня, не давая вздохнуть. Мне казалось, что часть моего тела осталась там, в Тегеране. Было невыносимо больно и обидно. Я испытывала какое-то необъяснимое чувство, за которое сама себя ругала. Невидимая сила не давала мне дышать, и я, как раненая птица без крыла, не могла взлететь. С приближением к Хамадану мне становилось всё хуже и хуже, я не могла простить себя за то, что не настояла на своём и не осталась с Али.

«Нужно было проявить больше смелости и дерзости, – ругала я себя. – Почему я согласилась вернуться? Почему я не с мужем? Разве муж – не ближайший для женщины человек?»

От этих мыслей мне становилось плохо, и я замыкалась в себе. Единственное, что мне оставалось, – постоянно молиться за Али. Целыми днями мой молитвенный коврик лежал раскрытым на полу, и я на нём читала молитвы, Коран и произносила зикры⁴⁰.

1 октября до нас дошла весть о том, что друзья Али привезли его в Хамадан. Схватив свою всегда собранную сумку, я побежала к нам домой. Али лежал на матрасе в окружении друзей, которые хорошо позаботились о нём.

⁴⁰ Зикр – исламская духовная практика, заключающаяся в многократном произнесении молитвенной формулы, содержащей прославление Бога (*прим. ред.*).

Войдя в комнату и увидев рядом с ним костыли, я почувствовала, как от волнения у меня закружилась голова.

«Господи, что это? Неужели он никогда не сможет ходить?» – испуганно подумала я.

Увидев меня, друзья Али поспешили уйти и оставить нас наедине. Закрыв за ними дверь, я вернулась к Али и села на край его постели, предварительно подняв одеяло и посмотрев, всё ли в порядке с его ногами. Увидев, что с ними всё хорошо, я успокоилась.

В тот же день к нам пришли Мансуре-ханум, Насер-ага, Мунире-ханум со своей дочерью Лейлой, Амир-ага и Хаджи Садег. Они гостили у нас всё время, пока Али был в Хамадане, и помогали с гостями, которые ежедневно приходили навестить Али и справиться о его здоровье. Его также посетили главнокомандующий КСИР, директора различных органов, имамы мечетей и командиры отрядов.

По утрам Мунире-ханум, которая работала воспитательницей в школе, уходила на работу, Насер-ага также отправлялся на работу, на автомойку, которая находилась в начале улицы Малайер, чуть ниже городского кладбища, и дома со мной оставались Мансуре-ханум и Лейла. Амир отпрашивался с работы и ежедневно по утрам по указанию матери ходил на рынок за различными покупками.

Моей обязанностью – по моей же воле – стал уход за Али. Я кормила его с ложечки, поила, давала лекарства и занимала беседами, с самого раннего утра находясь рядом. По ночам я стелила себе постель на полу рядом с ним и просыпалась от малейшего шороха, который он издавал. Это время постельного режима Али было тяжёлым и одновременно сладостным, потому что уход за мужем доставлял мне удовольствие, особенно когда он пошёл на поправку и научился пере-

двигаться по квартире либо на костылях, либо опираясь на мои плечи. Поэтому, хоть те дни и пролетали быстро, и я очень уставала, всё же возникало ощущение, что мы с Али уже много лет живём вместе.

Однако 17 октября терпение Али иссякло – он не мог больше оставаться дома вдали от фронта и своих солдат. Все наши попытки переубедить его оказались безуспешными: Али ничего не хотел слышать. Самостоятельно одевшись в военную форму, оставив один из костылей у кровати, он, прихрамывая и опираясь на один костыль, пошёл к двери. В тот день, попрощавшись со всеми нами, он вернулся на войну.

После отъезда Али постепенно уехали и все остальные. Квартира, принимавшая в своих стенах стольких гостей, вновь опустела. Я ощутила, что всем нам до боли трудно было находиться там, когда нет Али. Прибравшись, застелив постель и убрав его костыль в шкаф, я со слезами на глазах заперла дверь и вернулась домой к матери и отцу.

Спустя несколько месяцев, 2 января, Али вернулся в Хамадан. Счастью моему не было предела, когда я увидела, что он как ни в чём не бывало, в бодром и весёлом расположении духа, безо всяких бинтов и перевязок, стоит у нашего порога. В тот день за столом он сказал нам:

– В ближайшее время у нас ожидается встреча с самим имамом Хомейни.

– Как замечательно! Али, дорогой, можно ли как-то сделать так, чтобы и мы могли отправиться вместе с вами? – почти безнадежно спросила мама.

Конечно, мы знали, что устроить нам встречу с имамом не удастся, но были очень рады тому, что это удалось хотя бы Али.

Уехав в Тегеран и вернувшись через несколько дней, Али абсолютно изменил атмосферу в доме своими рассказами о встрече с имамом. Вечером после ужина мы возвращались к себе домой по заснеженным и заледенелым тропинкам. По вечерам, когда становилось особенно морозно, дороги покрывались льдом и затрудняли движение. Хотя мы и шли очень осторожно и медленно, несколько раз я всё же поскользнулась и чуть не упала, еле удержавшись на ногах с помощью Али.

Войдя в квартиру, Али, всё ещё в приподнятом расположении духа, сказал:

– Фереште, похоже, я не наелся. Ты не могла бы что-нибудь мне приготовить?

– Да, конечно, – ответила я, быстро направляясь на кухню и перебирая в голове идеи быстрого перекуса.

Зайдя следом за мной на кухню и прислонившись к стене, Али продолжил свою историю о встрече с имамом и сказал:

– Фереште, представляешь, на встрече с имамом Хомейни один из солдат поцеловал ему руку и хотел на память снять кольцо с его пальца, но не смог. Когда же подошла моя очередь, имам одобрительно улыбнулся мне и позволил снять с пальца кольцо, а также оказал честь, прикоснувшись к белому полотну, которое я принёс специально для встречи с ним.

На следующий вечер мы поехали в гости к Хаджи Садегу. Али развернул небольшое белое полотно, которое возил на встречу с имамом Хомейни, и предложил порезать эту ткань на 150 маленьких лоскутков, каждый из которых хотел в качестве благословения от имама и на память о нем раздать своим солдатам.

Дома у Хаджи Садега был пакет с чётками, которые он когда-то привёл из Кербелы. При виде их мне в голову пришла идея порезать верёвочки, на которые были надеты глиняные бусинки чёток, и вложить по одной бусине в каждый лоскуток, перевязав затем ниточкой. Первыми, кому Али вручил эти драгоценные подарки, были Мансуре-ханум и я.

На следующее утро Али должен был вернуться на фронт, и я занялась сбором его вещей. Каждую минуту я вспоминала о чём-то и тут же клала это в сумку. Наконец, устав от моей беготни, Али сказал:

– Фереште, остановись на секунду. Мне нужно тебе кое-что сказать.

Взяв за руку, он усадил меня рядом с собой и продолжил:

– Если я у тебя кое-что спрошу, обещаешь сказать мне правду?

– Да, конечно, – ответила я, чувствуя, что сердце от нахлынувших беспокойных мыслей забилося быстрее.

– Наверное, ты уже поняла, что я человек сдержанный, – покусывая губы, сказал он.

– Да, очень.

– Но на этот раз я хочу сказать тебе о том, что у меня на сердце... Это очень необыкновенное для меня чувство, которое я не могу контролировать. Ты знаешь, что завтра я должен уехать, но мне очень трудно находиться вдали от тебя...

Услышав эти слова, я боялась вздохнуть и подумала: «Неужели это всё тот же Али, который всегда избегал разговоров на подобные темы? Неужели всё это сейчас говорит мне он?»

– Я хотел предложить тебе поехать со мной в Дезфуль. Фереште, ты хотела бы отправиться туда со мной?

В последние дни как раз начались массированные бомбардировки этого города. Вспомнив об этом, я тут же ответила:

– Фух... А я уж было начала бояться, что ты мне скажешь что-то очень страшное. Конечно, я поеду туда с тобой.

Али с беспокойством и одновременно с облегчением улыбнулся.

– Отпустят ли тебя родители?

– Прошу прощения... разве я не твоя жена? Моя судьба ведь в твоём распоряжении, а мои родители никогда не возражат тебе.

– Да, но ведь там очень опасно.

– А разве для вас всех это не опасно?

– Ну... Мы – это совсем другое.

– Какая сейчас там погода? – спросила я, решительно открывая ящик комода и доставая себе одежду.

– Рай. Сейчас там будто бы весна.

– Ах вот ты какой! – игриво подмигнула ему я. – Один хотел в рай попасть.

Ничего больше не сказав, Али встал и помог мне собрать все необходимые вещи из кухни, одежду, альбом с фотографиями и несколько одеял. Остальные вещи мы сложили в коробки, чтобы оставить у мамы, так как Али решил вернуть квартиру хозяину, раз мы там больше не будем жить.

– Наш новый дом будет неподалеку от Дезфуля. Мне и моему другу Хади Фазли дали там жильё. Они с женой и дочерью уже перевезли туда свои вещи и живут там.

Собрав коробки в коридоре, мы решили отдохнуть и поспать пару часов до рассвета, а утром сложили все вещи на чердаке в доме отца и рассказали родителям о своём решении уехать. Как я и предполагала,

они не возражали и лишь попросили беречь себя и не оставлять без вестей.

Прощавшись со всеми, кто был в Хамадане, мы тронулись в путь. Выехав на междугородную трассу, Али поставил в магнитофон кассету и включил записи революционных песен, которым по пути сам же подпевал.

Али говорил правду. Дезфуль действительно был похож на рай. Уехав из заснеженного и холодного Хамадана, мы оказались в сказке, где на зелёных деревьях росли мандарины, апельсины и лимоны. Весь город благоухал ароматом весенних цветов, а запах эвкалиптовых деревьев по-настоящему опьянял. В то время, когда хамаданцы укутывались в одежду потеплее и мёрзли на холоде, жители Дезфуля ходили в футболках.

Улицы города были оживлёнными, взрослые и дети куда-то шли, разговаривали друг с другом и жили своей повседневной жизнью. Помню, что, посмотрев на них, я подумала, что Дезфуль, должно быть, очень большой город, но затем убедилась в обратном.

Проехав несколько улиц, мы увидели разрушенные дома со следами разрывов снарядов. Окна были разбиты, а асфальт и дороги – разворочены. Улицы, деревья – всё говорило о том, что в этот город пришла война.

Через некоторое время мы въехали в небольшой городок под названием Пансад Дастгах, который внешне отличался от Дезфуля. Здесь не было таких деревьев, не было удобных асфальтированных дорог и такого количества людей на улицах.

Остановив машину у одного из домов, Али повернулся ко мне и сказал:

– Цветочек мой, вот мы и приехали. Добро пожаловать в наш дом.

Глава 7

ЛУЧШЕ БЫ МЫ НЕ ЕЗДИЛИ С САИДОМ-АГОЙ

Войдя в дом, мы обнаружили Хади-агу и его жену Фатиму разбирающими свои коробки с вещами. В коридоре было ещё много не разложенных по местам вещей и коробок, а сам дом нуждался в капитальной уборке и чистке.

Рано утром, когда мы проводили мужей, случилось то, за что я корю себя по сей день. Около 10 часов утра позвонили в дверь. Надев чадру, я пошла в прихожую и через дверь спросила:

– Кто там?

– Это я, – ответил незнакомый мужской голос. – Помощник генерала Читсазийана. Меня зовут Саид Садакати. Я пришёл узнать, всё ли у вас хорошо.

– Али и Хади-ага утром в субботу отправились в зону боевых действий и предупредили, что не вернуться в ближайшее время.

– Я еду в Ахваз, где находится моя жена, и отправляюсь туда вместе с семьёй хаджи Хосейна Хамадани, Бешири и другими. Приглашаем вас поехать вместе с нами.

– Да, но ведь Али не в курсе этих планов.

– Я оставляю вас всех в Ахвазе, а сам поеду к Алиаге, чтобы сообщить ему об этом. Только прошу вас, поторопитесь. Вам опасно здесь оставаться.

Будто подтверждая его слова, резко взвыла сирена воздушной тревоги.

– Быстрее! – крикнул Саид. – Поторопитесь! Я буду ждать вас в машине.

Я не знала, что делать, и рассказала обо всём Фатиме.

– Фереште, нам и вправду лучше уехать, – с беспокойством сказала она. – По правде говоря, здесь по ночам становится особенно беспокойно. Мне очень страшно. Давай уедем в Ахваз, а когда Али и Хади приедут в Дезфуль, вернёмся вместе с ними.

Согласившись с Фатимой, я принялась поспешно собирать все необходимые вещи, но беспокойство не покидало меня. Сердце говорило, что не надо никуда уезжать. Даже сейчас, вспоминая тот день, я говорю себе: «Лучше бы мы тогда никуда не ездили и не соглашались на предложение Саида-аги. Тогда всё могло бы сложиться совсем по-другому». Я чувствовала, что мне нужно остаться и дожидаться Али, но, сама не знаю, по какой причине, не послушалась своей интуиции и уехала из Дезфуля.

Мы сели в машину и сразу тронулись в путь. Саид-ага на очень высокой скорости торопился увезти нас в Ахваз, и чем больше мы отдалялись от Дезфуля, тем страшнее мне становилось. Заметив моё беспокойство, Саид-ага спросил:

– Почему вы так переживаете? Не волнуйтесь. Я ведь сказал, что сегодня же увижу Али и обязательно обо всём его предупрежу.

Проехав мост через реку Карун, несколько многолюдных улиц и большую больницу, мы, наконец,

въехали в город Ахваз. Остановившись у какого-то дома, Саид-ага сказал:

– Вот мы и приехали. Нам будет намного удобнее и спокойнее, если наши женщины будут находиться все вместе и в безопасности.

Незнакомая женщина в белой чадре, которая оказалась беременной женой Саида-аги, открыла нам дверь и пригласила войти. В отличие от нашего дома, этот был очень большим. Войдя внутрь, мы оказались в просторном внутреннем дворе, где были детские качели в центре и чудесный сад с многочисленными деревьями.

– У вас всё хорошо? Вы добрались без трудностей? – спросила жена Саида-аги, которую тоже звали Фатима.

– Да. Просто я очень переживаю за Али. Он не знает, что я здесь, и я боюсь, что Саид-ага забудет предупредить его об этом, – с беспокойством ответила я.

– Саид? Это невозможно. Он никогда ничего не забывает.

Услышав эти слова, я вздохнула с облегчением.

Дом, в который мы вошли, был и вправду очень большим и имел множество спальных комнат, в каждой из которых жила одна семья. Через некоторое время нас встретила жена хаджи Хамадани вместе со своими детьми: Вахабом, Махди и Захрой. Ночь мы провели в одной комнате с ними, так как Саид-ага отправился на место боевых действий. Я долго не могла заснуть и ворочалась в постели, беспокоясь за Али и думая обо всём, что с нами за последнее время произошло.

Утром во время завтрака раздался звонок в дверь, заставивший всех привстать с мест. Одна из женщин отправилась посмотреть, кто пришёл, и вернулась со словами:

– Захра-ханум, пришёл Читсазийан-ага. Он хочет с вами поговорить.

Прикусив губу, я посмотрела на Фатиму, и, надев чадры, мы вместе направились к выходу. Али в чистой и опрятной одежде ожидал нас в прихожей, а рядом с ним, явно не в духе, стоял Хади-ага.

– Где же вы были всю эту ночь? – нервно спросил он, глядя на жену.

Али же ничего не сказал и лишь молча смотрел на меня. От его молчания мне стало ещё тяжелее, и, взяв его за руку, я тихонько спросила:

– Вы не голодны? Пойдёмте в дом, мы как раз там завтракали.

Но Али продолжал молчать. Сердце моё заби-лось сильнее. Недаром всё это время моя душа была беспокойна, я убедилась в том, что не надо было нику-да уезжать.

– Разве Саид-ага не предупредил вас о том, что привёз нас сюда? – с отчаянием в голосе спросила я.

– Кто? – переспросил Али, с недоумением посмот-рев на Хади. – Какой ещё Саид?

– Саид Садакати.

– Нет, со вчерашнего дня мы не видели его.

– Как же вы тогда догадались, что мы здесь?

– Кое-кто из соседей видел, как вы садились в ма-шину Саида Садакати. Узнав об этом, я сразу предпо-ложил, что, скорее всего, он привёз вас сюда.

В этот момент к нам подошла Фатима-ханум, жена Саида. Она доброжелательно поздоровалась с наши-ми мужьями и пригласила в дом, предложив занять любые свободные комнаты. Хади-ага с женой и Зей-наб зашли в одну комнату, а мы с Али отправились в другую.

Мне хотелось плакать. Мысленно я продолжала ругать и винить себя за то, что не послушалась своего сердца, которое чувствовало, что что-то не так.

– Клянусь, дорогой, это не наша вина. Саид-ага настоял на нашем приезде, сказав, что в тот же вечер обязательно предупредит тебя о том, что привёз нас в Ахваз. Если бы я знала, что он не встретится с вами, я бы никогда не уехала. Али, пожалуйста, прости за это происшествие. Мы не хотели, чтобы всё так вышло.

– То есть, по-твоему, я сейчас обижен? – улыбаясь, спросил он.

Камень упал с моих плеч, когда я увидела улыбающиеся глаза мужа. Я тут же встала с места и отправилась на кухню, чтобы принести ему что-нибудь на завтрак и накормить. Порхая, как беззаботная бабочка, я принесла ему свежие, тёплые ахвазские лепёшки с чаем и молча смотрела, как он ест. Али ничего не говорил, а я знала, что в глубине души он задет моим поведением и недоволен. За время нашего общения я поняла, что, когда Али не в духе, он старается молчать и ничего не говорит. Позавтракав, он сказал:

– У нас много дел, и нам уже нужно возвращаться. Вы оставайтесь здесь.

Я ничего не ответила и была рада тому, что проблема исчерпана. Проводив Али и Хади, я вернулась наверх и зашла в комнату к Фатиме и Зейнаб. Фатима, заметно погрузневшая и расстроенная, привстала, когда я вошла, и спросила:

– Как ты? Али тоже с тобой поругался?

– Нет. Разве Хади-ага что-то сказал вам?

– Он был очень зол и имел на это полное право. Их столько дней не было, и именно вчера они вернулись домой тогда, когда не было нас. Такое неудачное совпадение...

– Правда? То есть вчера они были дома?

– Али тебе совсем ничего не рассказал?

– Нет...

– Вчера они вернулись домой и очень испугались, увидев, что во всём доме не горит свет. Они так переживали, что не решались зайти внутрь и подталкивали друг друга на первый решительный шаг. Как назло, по всему дому ещё отключилось электричество из-за замыкания. Исправив рубильник, они поднялись наверх и, увидев, что в доме порядок и не произошло ничего страшного, успокоились, но всё равно не понимали, куда мы могли пропасть в такое время. Али вспомнил, что неподалеку живут какие-то твои родственники, и подумал, что мы поехали к ним. Не в состоянии уснуть и не находя себе места, они в итоге решили убраться в доме, сделав все тяжёлые дела и помыв даже окна. Страшно устав и перепачкавшись во время уборки, рано утром они приняли душ и пустились на поиски.

В тот день, увидев, как повёл себя Али, я поняла, какой он необыкновенный человек, непохожий на всех, кого мне доводилось встречать. Сколько сил он вкладывал в то, чтобы скрывать свои эмоции, особенно волнения и переживания. Тот случай многому научил меня.

Около десяти дней мы провели в доме у Фатимы Садакати, и несколько раз к нам приезжали Али и Хадди-ага.

Однажды Фатима, как обычно, отправилась на рынок за покупками, дети спали дома, и я решила пойти во двор, куда обычно водила их, и посидеть немного на воздухе. Вдруг меня напугал звук пролетавшего мимо чёрного военного самолёта. Он пролетел настолько низко, что я смогла разглядеть на нём изображение иракского флага. Не знаю, откуда взялись во мне силы, но, заметив два снаряда, падающие с самолёта, я вскочила с качелей и побежала к стене, чтобы укрыться. Позже я не могла поверить, что пробежала

то расстояние так быстро. Зажав руками уши и глядя на приближающиеся к земле снаряды, я начала произносить слова шахады⁴¹, ожидая, что через несколько мгновений меня не станет.

Я услышала грохот упавших на землю снарядов и сильнейший взрыв, от которого под ногами затряслась земля. Вокруг всё потемнело от поднявшейся пыли и дыма. Удушающий запах пороха и земли мешал дышать. Снаряды взорвались на расстоянии нескольких сотен метров от меня, что позволило мне предположить, что целью бомбардировки была больница Голестан, располагавшаяся за нашим домом.

Я была в панике и не знала, куда бежать. Оглядевшись, я увидела множество осколков стекла, больших и маленьких, и, осмотрев свои руки и ноги, проверила, не попали ли осколки в меня, но, несмотря на шок, который испытывала в тот момент, убедилась, что не ранена.

Помню, в ту ночь я долго не могла заснуть от пережитого, а когда уснула на мгновение, мне приснился кошмар, в котором я увидела раненного в живот Али. Утром, рассказав всем об этом жутком сне, я не могла успокоиться и, погрузившись в свои мысли, молча, с тяжёлым сердцем бродила по комнатам. Позже к нам приехали Саид-ага и Хади-ага. Когда я увидела на пороге их вдвоём, без Али, у меня словно остановилось сердце. Я поняла, что мой сон был вещим. Сколько бы я ни просила, они так и не сказали мне, что случилось, и на мой вопрос, где Али, ответили:

– Ничего не случилось. Просто позвонили с базы и попросили Али отправиться в Хамадан. Он в данный

⁴¹ Шахада – свидетельство о вере в Единого Бога (Аллаха) и посланническую миссию Пророка Мухаммада (*прим. ред.*).

момент там и находится, и мы тоже направляемся туда. Вы хотели бы поехать с нами?

Я знала, что они что-то скрывают от меня.

– Нет, я никуда не поеду, – решительно отказалась я. – С меня достаточно того раза, когда я без ведома мужа приехала сюда с Саидом-агой.

– На этот раз всё по-другому, – поспешил ответить Саид-ага. – Али попросил нас приехать за вами, так как не успел это сделать сам из-за того, что был вынужден выехать раньше с солдатами.

– Саид-ага, вы в прошлый тоже уверяли меня, что доведёте всё до сведения Али, но этого так и не произошло. Я никуда не поеду.

Видя, что я категорически отказываюсь куда-либо отправляться с ними, они решили обратиться к помощи дяди Махмуда и Мухаммада Хадима, друга Али. Те пришли к нам домой и тоже стали уговаривать меня поехать в Хамадан.

– Мы тоже едем в Хамадан. Тебе лучше поехать с нами, Фереште.

– Скажите уже правду. С Али что-то случилось?

– Я тебя не обманываю. Я же говорю тебе, что было экстренное собрание, из-за которого его срочно вызвали в Хамадан.

Женщины также стали настаивать на том, чтобы я вернулась, и в итоге я согласилась, поняв, что мне всё же стоит поехать туда. Сев в машину к дяде и Мухаммаду Хадиму, я попросила сначала заехать в наш с Али дом в Дезфуле, чтобы я могла забрать некоторые необходимые вещи.

Заехав домой и забрав всё, что мне было нужно, мы выехали на трассу и продолжили путь в Хамадан. Вдруг Мухаммад Хадим указал нам на небо:

– Смотрите. Иракский самолёт МиГ.

Он сильнее нажал на педаль газа, и машина рванулась вперёд. Выглянув из окна, мы и вправду увидели чёрный вражеский самолёт, который все быстрее приближался к нам. Вскоре, когда мы уже отчётливо стали различать гул двигателя самолёта, раздался звук автоматной очереди. Нас стали обстреливать, и, пытаясь увильнуть от пуль, Мухаммад Хадим на высокой скорости, лавируя между препятствиями, поехал змейкой.

– Держитесь крепче! – крикнул он нам.

От страха я вцепилась в переднее сидение и не знала, чего ожидать. Пули со свистом проносились мимо и отскакивали от скал и камней. Машина набрала такую скорость, что при каждом повороте и заносе казалось, что она вот-вот перевернётся. На мгновение я подумала: «Господи. Если Али погиб, то прошу Тебя: отними и мою жизнь прямо здесь и сейчас!» Подумав об этом, я разжала руки, отпустила спинку дядиного сиденья и стала молиться и произносить шахаду, готовая встретить свой конец. Однако через некоторое время обстрел прекратился, и самолёт стал удаляться.

– Я думаю, что их целью была электростанция, – предположил Мухаммад Хадим.

Спустя несколько часов после этого происшествия мы доехали до Хамадана, по какой-то причине накрытого пеленой густого дыма. В отличие от зелёного, весеннего Ахваза, Хамадан встретил нас морозом, и, так как мы не взяли с собой тёплой одежды, у всех стучали зубы от холода. Остановившись возле какого-то мужчины, Мухаммад Хадим спросил его:

– Куда была совершена атака?

– На заправочную станцию. Четыре дня назад там взорвался микроавтобус с людьми. Все пассажиры погибли.

Услышав это, я сразу поняла, почему над городом навис такой туман, который, как оказалось, держался уже четвёртый день.

– Около 400–500 человек ранены, а 50–60 погибли, – продолжал мужчина.

Когда мы доехали до остановки «Аббасабад», я стала искать на улице знакомые лица. В этот момент дядя повернулся ко мне и сказал:

– Фереште, по правде говоря, кое-что случилось...

От этих слов у меня застыла кровь в жилах.

– Али-ага...

– Что с ним? Он погиб?! – перебила я, не дав дяде договорить.

– Нет, хаджи-ханум. Клянусь! Он ранен, – вмешался Мухаммад Хадим.

– Почему вы обманываете меня?! Я же сказала вам, что видела сон. Почему вы не говорите мне правду?! Почему не рассказали обо всём в Дезфуле?! Вы всю дорогу обманываете меня! Остановите машину! Я выхожу здесь.

– Фереште, – спокойно сказал дядя. – Мы намеренно не сказали тебе ничего в Дезфуле, чтобы ты не беспокоилась в дороге. Клянусь, с Али всё нормально, он просто получил ранение и сейчас находится в больнице в Ширазе.

– Остановите здесь, я должна выйти!

– Фереште, дорогая, прости. Мы не говорили для твоего же блага.

Мухаммад Хадим в этот момент свернул на улицу, где жили мои родители, и, доехав до нашего дома, остановился. Выходя из машины, я сказала им:

– Вы совершили очень тяжёлую ошибку... Всю дорогу из Ахваза вы играли моими чувствами.

Захлопнув дверь машины, я направилась к воротам, возле которых уже стояла мама. Обняв её и горько плача, я почувствовала всё тот же родной запах.

– Они мне ничего не сказали! Они думают, что я ребёнок! Они не говорили, что Али ранен, но я ведь вчера видела сон! – сквозь нескончаемый поток слёз жаловалась я ей.

Мама гладила меня по голове и, поцеловав, сказала:

– Не плачь. Всё хорошо. Али в порядке, он очень сильный и обязательно скоро поправится.

* * *

Али действительно был ранен в живот. Пуля застряла в теле, и врачи во время операции с трудом смогли её вытащить. Пробыв в больнице неделю, он поехал в Тегеран навестить своих товарищей, а затем, забрав вещи из Хамадана, мы вернулись в Дезфуль.

Глава 8

ФИОЛЕТОВЫЕ И РОЗОВЫЕ ЗАНАВЕСКИ

Спустя два месяца жизни в Дезфуле я дала себе слово, что больше никогда и никуда не уеду без мужа.

Однажды тёплым январским днём Али вернулся домой с продуктами и сказал:

– Приготовь, пожалуйста, что-нибудь вкусное. Завтра у нас ожидается новая военная операция, и мне очень хочется сегодня вкусно пообедать.

Я тут же принялась мариновать в специях курицу, которую принёс Али, с большим количеством лука и положила всё в скороварку на газовую горелку на максимальном огне. Потом я спустилась вниз, где сидели Хади-ага и его семья, но не прошло и получаса, как мы услышали страшный взрыв со второго этажа и подумали, что началась бомбёжка. Выбежав из комнаты, Али и Хади босиком ринулись по лестнице наверх, чтобы выяснить причину взрыва, а мы с Фатимой побежали за ними.

Заглянув на кухню, мы увидели, что скороварка отброшена в один угол комнаты, её крышка – в другой, а газовая горелка выпускает странный жёлтый дым. Куски курицы были разбросаны по всей кухне, а на стенах виднелись большие жирные пятна. Поняв,

что взрыв произошёл по моей вине, я от стыда опустила голову, Али же, по-ребячески смеясь, принялся собирать повсюду разбросанные куски курицы и есть их, затем, заглянув в сковородку, вскрикнул от счастья так, будто бы нашёл клад с сокровищем:

– Господи, слава Тебе! На дне сковородки осталось немного курицы!

Помню, мы тогда с очень большим аппетитом съели те остатки еды.

Жизнь в Дезфуле для меня, человека, который родился и вырос в городе с холодным климатом, сильно отличалась от обыденной. Одним из таких отличий была неожиданная встреча со скорпионом.

Однажды утром, когда мы с Фатимой собирали постели, я услышала её крик. Пытаясь понять причину её испуга, я заметила на полу чёрного скорпиона, направившего в её сторону свой хвост. Я раньше слышала о таких существах и знала, что их жало по ядовитости подобно укусу опасной змеи, но поспешила успокоить Фатиму, от страха убежавшую к дальней стене и кричавшую так громко, что проснулась спящая в это время Зейнаб.

– Не бойся, – сказала я ей. – Это скорпион. Они водятся в местах с жарким климатом. Они безобидны для нас, если мы не будем их трогать.

– Может, убьём его?

– Этого ты убьёшь, а что будешь делать с другими? – спросила я, указав ещё на четырёх скорпионов, сидевших на карнизе и шторах.

– Я боюсь за дочку.

– Не бойся. Они сейчас сами уйдут. Они выходят по ночам в поисках пропитания, а утром прячутся под камнями.

Фатима была родом из города Марьянедж⁴², местности, знаменитой своими степями, горой и природой. Совладав с собой, она медленно отошла в безопасное место, а я, взяв веник и совок, осторожно вывела наших непрошенных гостей на улицу. Оказавшись снаружи, они убежали с такой скоростью, что мы даже не заметили, куда они спрятались.

Как я уже сказала, в течение дня скорпионы никогда не выходили из своих убежищ, но стоило наступить темноте, как они все появлялись у нас дома. Поэтому первое время нам было очень страшно спать, мы боялись, что они заползут к нам под одеяло, однако через некоторое время мы свыклись и с этим.

Каждое утро, когда я просыпалась и собирала свою постель, обязательно находила нескольких скорпионов, которых без паники аккуратно выпроваживала из дома. Однако нужно признаться, что, хоть я к ним и привыкла, но бояться не перестала.

В один из наших дней в Дезфуле к нам с Фатимой подошли радостные Али и Хади и предупредили о том, что вечером к нам придут двое-трое гостей. Для такого небольшого числа людей мы решили приготовить макароны с фаршем. Помню, как вкусно мы тогда пожарили мясо с луком, смешав затем с макаронами. Когда наступил вечер, из окна кухни я увидела почти нескончаемый поток людей, выходявших из машины и поднимающийся по лестнице к нам домой. Оказалось, что друзья Али и Хади привели с собой своих

⁴² Марьянедж – город, расположенный недалеко от Хамадана у подножия знаменитой горы Алванд. Эта местность известна своим благоприятным для хозяйства климатом и религиозным населением, потерявшим многих солдат в годы Ирано-иракской войны.

жён и детей. Дождавшись прихода Али, я накинулась на него с упрёками:

– Али, ты говорил о двоих-троих гостях, но не предупредил, что приведёшь домой весь Дезфуль.

– Не волнуйся, – засмеявшись, ответил он.

– Как это «не волнуйся»?! Мы приготовили всего лишь одну кастрюлю макарон. Иди, посмотри. Еды не хватит на всех.

– Никто не идёт к кому-то домой из-за ужина или обеда. Не волнуйся. Сам Аллах посылает пропитание вместе с гостем.

Женщины сели в одной гостиной, а мужчины расположились в другом помещении для гостей. Как бы мы с Фатимой ни старались что-то придумать на кухне, еды не хватало – одной кастрюли на всех пришедших было очень мало. В итоге мы решили накормить мужчин макаронами с различными соленьями, а женщинам пожарили картошку с яйцами и помидорами.

После ужина, собирая скатерть, мы услышали голоса смеющихся мужчин, доносившиеся из соседней комнаты, и среди них отчётливей всех был слышен хохот Али. Заглянув в гостиную, я увидела резвящихся друзей Али. Все вместе они шутили и смеялись, играя в какую-то забавную игру. Женщины тоже хорошо проводили время.

Через некоторое время, когда все гости ушли, Али подошёл ко мне и сказал:

– Видишь? Я же тебе говорил, что всё хорошо пройдёт. Всем очень понравилось, и никто не ушёл голодный.

– Ты же ведь не в курсе наших переживаний. Мы с Фатимой голову потеряли, пока пытались придумать, как нам выкручиваться из ситуации и как накрывать на стол.

– Спасибо большое. Я извиняюсь за то, что беспокоил вас и причинил неудобство, но ребята, пришедшие с войны, не имеют возможности отдохнуть где-то и развеяться. Нам очень нужно было отвлечься.

На следующий день мы подумали, что, если нам предстоит жить в этом доме и принимать гостей, то нужно привести его в порядок, поэтому мы с Фатимой отправились на рынок, чтобы купить ткань. В те времена в Дезфуле проживала лишь половина населения, все остальные постепенно уехали в другие города в поисках более безопасного жилья. Поэтому все магазинчики и лавки в Дезфуле тоже были закрыты, и лишь один магазин, продававший самые необходимые товары и утварь, был всё ещё открыт. Мы зашли туда и выбрали пару отрезков ткани: один, розово-белой расцветки в клетку – для кухни, другой, фиолетовый в цветочек – для гостиной.

Придя домой, Фатима уложила спать уставшую к тому времени Зейнаб и затем пошла на кухню готовить, а я сразу же села за швейную машину и приступила к шитью. Первым делом мне хотелось сшить занавески для гостиной. Помню своё удовольствие во время шитья и то, как мы с Фатимой впервые повесили занавески на карниз. Как же преобразилась тогда наша гостиная! Мне кажется, ковёр и шторы – это те самые предметы интерьера, которые придают уют любой комнате, но так как у нас не было ковра, мы довольствовались тем малым, что имели, и были безумно рады, что нам удалось так украсить комнату, где нам предстояло принимать гостей.

Затем из другой ткани я сшила занавески для кухни, а из остатков решила соорудить скатерть для железного стола, под которым мы складывали мешки

с овощами и продуктами. Благодаря краям скатерти, свисающим со стола, мне удалось скрыть всё то, что хранилось внизу, так что кухня приобрела более ухоженный и аккуратный вид.

– Вот теперь это место похоже на кухню, – сказала я, приведя всё в порядок.

После кухни и гостиной мы договорились облагородить спальни. При этом каждая из нас занялась своей комнатой. На улице я нашла коробку, которую принесла к нам в спальню, для устойчивости подпёрла фотоальбомами Али и накрыла белой шёлковой скатертью. Её я сшила сама, будучи ещё в Хамадане. Убравшись во всём доме, мы снова пошли на рынок и прикупили ещё кое-каких недостающих вещей.

В тот вечер Али и Хади вернулись домой очень уставшими и грязными, но стоило им заметить с улицы занавески, которые особенно красиво смотрелись на окнах, когда горел свет, как они развеселились.

– Посмотри, какой у нас дом. – сказал Али. – Теперь и у нас есть занавески.

Войдя домой и увидев все изменения в доме, они очень обрадовались и были довольны всем, что мы сделали. Поужинав и приняв душ, они пошли спать, а мы с Фатимой отправились во двор, чтобы почистить их ботинки и постирать испачканную одежду.

Утром, после того как мы проводили наших довольных мужей, и я, и Фатима почувствовали какую-то особенную тоску по родителям. В тот же день, когда домой пришёл Бахтияри-ага, который обычно вывозил нас совершать покупки для дома, мы попросили его отвезти нас на телефонную станцию, чтобы позвонить близким и немного поговорить с ними.

Мы поехали в центр города, и спустя час ожидания на телефонной станции наступила наша очередь

звонить. Я зашла в одну из освободившихся будок и позвонила нашей соседке Сакине-ханум. Она позвала маму, и нам удалось достаточно долго поговорить.

Через некоторое время мы с Фатимой вышли из помещения и искали Бахтияри-агу, который ожидал нас у машины, как вдруг по всей улице прокатился вой сирены воздушной тревоги, а спустя несколько минут послышались очень громкие взрывы.

– Бежим туда! – крикнула Фатима, указывая мне дорогу и крепко держа дочь за руку.

В тот момент, когда мы хотели бежать, перед глазами встала плотная масса пыли. Я ничего не видела, а всё лицо покрылось песком. Вдруг я увидела перед собой большой кусок стекла, стремительно летевший в мою сторону, и быстро пригнулась к земле, услышав, как этот осколок вдребезги разбился о стену магазина, оставив в ней глубокую трещину. В панике я стала искать Фатиму.

– Фатима! Фатима! – кричала я в испуге.

Звуки взрывов доносились уже издали. Звон бьющихся стёкол и грохот падающих предметов напомнили мне о словах Али, который говорил, что в таких случаях нужно ложиться на землю и закрывать уши. Казалось, налёт длится целую вечность. Я всё время думала о Фатиме и Зейнаб, которых так и не могла найти из-за поднявшейся пыли.

Когда пыль немного осела, я смогла различить машину Бахтияри-аги, вскочила с земли и помчалась к ней, не чуя ног. Открыв дверь машины, я быстро села в неё, пытаюсь отдышаться и успокоиться, как вдруг открылась другая дверь, и я увидела Фатиму с Зейнаб. Не веря своим глазам, я стала целовать и обнимать напуганную девочку.

– Фереште, ты не пострадала? – спросила в панике Фатима.

– Нет, всё в порядке, – ответила я, крепче прижав к себе Зейнаб, и почувствовала, как колотится сердце ребёнка.

В тот день, несмотря на сильный испуг, мы решили не говорить об этом происшествии мужьям, зная, как они начнут переживать за нас.

Когда Али и Хади были рядом, жизнь казалась не такой тяжёлой, но стоило мужьям покинуть нас, как тоска по близким и одиночество накатывали с непереносимой силой. Однажды, когда Али собирался на очередную военную операцию, я сказала ему:

– Али, когда тебя нет, я начинаю тосковать по Хамадану.

– По Хамадану или хамаданцам?

– По всем ним, – улыбнувшись, ответила я.

На следующий день Али, придя домой, сказал мне:

– Фереште, надевай чадру. Приехали твои родственники.

– Какие родственники? – удивилась я.

Поторопись. Разве ты не говорила мне, что соскучилась по хамаданцам? – подмигнул мне он.

Надев чадру, я пошла за ним во двор.

– Вот тебе и твой двоюродный брат! – торжествующе воскликнул Али.

Я не поверила своим глазам. Али привёз с собой Вахида, сына моего дяди Бакира.

– Мы с Вахидом случайно встретились, и я попросил его приехать к нам на ужин, чтобы порадовать тебя.

– Как я рада! Спасибо! Добро пожаловать, Вахид.

Накрыв на полу скатерть, мы сели вокруг неё и стали беседовать:

– Помнишь, как в детстве мы с тобой вместе играли? – улыбаясь и погружаясь в давние воспоминания, спрашивала я.

– Да. А ты помнишь, какой я был сорванец?

Али позже говорил, что очень обрадовался тому, как мы тепло общались и как хорошо провели время. В тот вечер он сам накрыл скатерть, убрал и помыл всю посуду, чтобы я не отвлекалась на хозяйственные дела.

– Али, давай я сама помою посуду. Что ты делаешь?

– Нет-нет. Ты же говорила мне, что соскучилась по своим. Тебе нужно провести с Вахидом как можно больше времени, чтобы эта тоска хоть ненадолго покинула тебя.

Меня очень тронули его слова, но я всё же осталась помочь ему с посудой. Закончив все дела на кухне и вернувшись в комнату, мы обнаружили Вахида, заснувшего на полу.

– Бедняжка. Пойду принесу для него чистое постельное бельё и подушку.

– Нет, дорогая, он очень устал. Не стоит его сейчас будить. Они уже привыкли спать на полу и мешках. Поверь мне, сейчас Вахид словно лежит в дорогом гостиничном номере отеля «Хилтон».

– Так нельзя, Али. К нам приехал гость всего лишь на одну ночь. Если бы жена дяди была здесь, ей бы не понравилось, что сын лежит на холодном полу.

Я принесла Вахиду одеяло и подушку, и Али аккуратно укрыл его, стараясь не разбудить.

Погода в Дезфуле с середины марта нам, хамаданцам, уже казалась очень жаркой, поэтому мы были вынуждены в это время года как-то охлаждать помещения. Али принёс новый кондиционер, который был

установлен у окна комнаты и гудел так громко, что мы долго привыкали к его шуму и по ночам изо всех сил старались заснуть.

Однажды утром, когда я проснулась, чтобы совершить утренний намаз, на уличной террасе я обнаружила на полу Али. Подложив под голову свои ботинки и поджав к животу ноги, он неподвижно спал глубоким сном.

– Али, дорогой, проснись. Почему ты здесь спишь? Когда ты пришёл? – тормоша его за плечо, говорила я.

– Фереште... Как ты? Всё хорошо? – спросил сонный Али, пытаясь понять, где он и что происходит.

– Почему ты спишь здесь?

– Я не смог достучаться до вас вечером, вы не услышали мой стук в дверь. Подумав, что Фатима-ханум может быть дома без хиджаба, я решил, что мне лучше остаться здесь.

– Извини, – с болью в сердце я взяла его за руку. – Я и вправду ничего не слышала из-за шума кондиционера. Из-за меня ты ночевал в таких условиях...

– Нет-нет, мне, наоборот, было хорошо от мысли, что там, за дверью, ты сладко и безмятежно спишь. Мне снились приятные сны. Не переживай.

После этого по ночам я больше никогда не включала кондиционер, когда Али не было дома.

* * *

В канун иранского Нового года, 20 марта, мы готовились провести время вместе, так как Али и Хади обещали приехать домой. Это был наш первый совместный праздник.

Несмотря на то, что в Дезфуле было объявлено чрезвычайное положение, и каждые несколько часов то вдали, то где-то вблизи мы слышали звуки бомбёжки,

настроение у нас было праздничным. Мы проснулись рано утром и занялись традиционной предпраздничной уборкой: помыли окна и ваннные комнаты, постирали ковровин во дворе, протёрли пыль повсюду. На фоне бушующей войны, взрывающихся бомб и снарядов мы, как ни в чём ни бывало, занимались домашними делами.

Завершив уборку дома, мы отправились в магазин за покупками, чтобы накрыть традиционный иранский праздничный стол. К нашей неудаче, именно в тот день был закрыт магазин, где продавали пророщенную пшеницу, которой принято украшать стол. Немного поодаль от места, где мы стояли, я увидела старую бесстрашную женщину в чёрной чадре, продававшую на улице какие-то пучки зелени. Я подошла к ней и спросила:

– Здравствуйте. Вы продаёте эту зелень?

– Сколько туманов дашь? – с необычным акцентом спросила она.

– Мне нужен килограмм зелени, – сказала я, протягивая ей свой пакет.

Наполнив его зеленью, даже не разделяя её по сортам, женщина со строгим и невозмутимым выражением лица вернула мне мой пакет.

– Но здесь же больше килограмма.

– Плати за всё как за один килограмм.

– Сколько же здесь сорняков! – воскликнула я, взглянув в пакет.

– Это не сорняки! Это съедобная зелень, – пояснила она, демонстративно кладя себе в рот несколько листиков. – Это огородный портулак, который очень полезен для организма, он лечит от тошноты, помогает правильной работе сердца и даже используется как средство против насекомых. Ты попробуй пожарить

его с луком или же добавляй в тесто вместе с мятой, будет очень вкусно.

Позже я узнала, что хамаданцы называют эту зелень «хорфе», и она стала для меня настоящим открытием. На обратном пути я доставала её небольшими пучками и ела, а придя домой, рассказала о своём открытии Фатиме.

– У нас в Марьянедже эта зелень тоже считается сорняком, – сказала она. – Мы её выбрасываем.

– Попробуй, какая она вкусная, немного кислая и сочная. Очень необычный вкус. К тому же эта женщина говорила, что она очень полезна для здоровья. Кто у нас сказал, что это сорняк, интересно?

Почистив и помыв всю купленную зелень, мы немного поели портулака и часть положили на праздничную скатерть, на которую, согласно иранским традициям, в этот день нужно положить всё съестное, начинающееся на букву «с»⁴³. Настала очередь яиц, которые мы красили в бордовый цвет. Наполнив две небольшие кастрюли луковой шелухой, мы вскипятили в них воду и погрузили в неё яйца, а когда они окрасились в цвет шелухи, достали их и тоже положили на стол вместе со сладостями и фруктами.

Так как мы, обыскав весь город, нигде не смогли найти золотых рыбок в аквариуме, мы решили закинуть в банку с водой искусственную розочку, чтобы не изменять иранским праздничным традициям.

За пару часов до полуночи мы переоделись в праздничную одежду, умыли Зейнаб, одели её в новое платье и, украсив её волосы заколками, стали ждать наших мужчин. Время шло, оставалось совсем немного до

⁴³ Слово «сабзи» с персидского переводится как «зелень» и тоже начинается с буквы «с» (прим. пер.).

Нового года, но их всё не было. Мы с Фатимой начали не на шутку переживать, так как знали, что с конца декабря наша армия приступила к военным операциям «Кербела-4», «Кербела-5» и «Кербела-6»⁴⁴. Мы обе стояли у окна и, приоткрыв занавески, наблюдали за дорогой в ожидании Али и Хади, всякий раз наполняясь радостью при виде какого-нибудь автомобиля, заезжающего на нашу улицу. Но каждый раз машина приезжала для того, чтобы обрадовать семьи в соседних домах, и, опустив занавески, мы ждали, пока машины отъедут, и снова принимались с нетерпением ожидать ту, на которой приедут наши долгожданные мужья.

Наступила полночь, а мы всё так же стояли у окна в ожидании Али и Хади. Через несколько часов постепенно стали выключать свет в каждой из квартир дома напротив, и мы решили перейти к нашей праздничной скатерти всё ещё в надежде дожждаться. Прождав и там долгое время, мы почувствовали, что нас клонит в сон, и уснули, уставшие после тяжёлого и насыщенного дня.

Рано утром на следующий день раздался стук в ворота. Ещё сонные, мы подбежали к окну и увидели мужей: они оба, целые и невредимые, стояли у ворот. Все в пыли и в грязи, они, улыбаясь, вошли в квартиру, озарив наши истосковавшиеся сердца. Али, улыбаясь, сунул руку в карман и, достав оттуда флакончик духов, протянул его мне:

– Это тебе.

⁴⁴ Военная операция «Кербела-4» началась 24 декабря 1986 г. в Басре и Абу-ль-Хасиба, операция «Кербела-5» была проведена 5 января 1987 г. в Шаламче, а операция «Кербела-6» – 13 января того же года в Керманшахе (в прошлом – Нафтшахр). Во время операции «Кербела-5» было написано множество революционных военных песен. Брат Мохсена Резаи, известного политического деятеля, сказал, что в то время Иран достиг всего, чего хотел.

Как же своевременен был этот подарок, который мне так понравился! В тот момент нам показалось, что жизнь становится ярче. Мы были так рады их возвращению, но казалось, что сами мужчины радовались ещё больше нас, особенно когда увидели, как красиво мы накрыли нашу праздничную скатерть. Али тут же принялся считать все продукты, которые начинаются с буквы «с».

– Жаль только, что нам не удалось найти золотых рыбок, – сказала я.

– Я буду этой рыбой, – тут же ответил Али, надув щеки и сжимая и разжимая губы, как это обычно делают рыбки. – Я как раз вернулся из водоканала⁴⁵. Так что прошу прощения, но вместо того, чтобы быть золотой рыбой, я превратился в настоящую копчѐную.

Помню, как хорошо мы тогда провели время, смеясь и отведывая всё то, что было у нас на праздничной скатерти. Поев, мы решили сначала отправиться в имамзаде Сабзе Гоба, где, помолившись, испытали глубочайшее чувство спокойствия и умиротворения, а затем поехали в мечеть пророка Данияла в городе Шуш.

На следующий день, в воскресенье, мы отправились на плотину Сад Даз, окружённую невероятными ландшафтами. Зная об этом, я заранее позаботилась об удобстве ходьбы по подобной местности и надела свои любимые спортивные чёрно-синие кроссовки, благодаря которым без труда смогла передвигаться по самым неудобным местам. Видя, как легко я справляюсь с препятствиями, Али с удовольствием сказал:

⁴⁵ Иракцы в районе Шаламче до войны создали искусственные и естественные препятствия; среди них водоканал, наполненный рыбами, был восьмым. В этом канале длиной в 21 км, шириной в 1 км и глубиной в 2–3 м выращивали рыб.

– Мне всегда хотелось, чтобы у меня была такая спортивная жена. Оставайся всегда в такой форме, Фереште.

С апрелем в город пришла невыносимая жара. Солнце, став ближе к земле, сильно прогревало наши комнаты, не оставляя нам выбора и вынуждая использовать кондиционер, мощности которого не хватало на наши жилые помещения. В итоге дом был наполнен паром, из-за которого было трудно дышать. Из-за жары мы даже прекратили общаться с женщинами из соседних домов, у которых мужья также были на войне. Никто не мог уйти далеко из охлаждённого помещения. К тому же со временем многие из семей, сложив свои вещи в небольшие пикапы, переезжали. Поэтому каждый день мы прощались с кем-нибудь из соседей.

Жара очень плохо подействовала и на маленькую Зейнаб, у которой случился солнечный удар, и на меня. У меня абсолютно пропал аппетит, я могла только пить воду. Поэтому какое-то время о нас заботилась Фатима.

Однажды Али и Хади, вернувшись домой и увидев нас слабыми, бледными и исхудавшими, приняли решение отправить нас обратно в Хамадан.

Я стала сопротивляться, так как не хотела возвращаться в Хамадан, желая оставаться поближе к мужу.

– Али, я не хочу в Хамадан, – говорила я. – Теперь наш дом здесь. Куда мы сейчас поедем?

– Ты не привыкла к местному климату. Ваше состояние может ухудшиться.

– Но этот климат и для вас вреден. В отличие от нас, живущих в комнатах с кондиционерами, вы находитесь в полевых условиях и в пустынях.

– Нет, дорогая. Моя совесть не позволяет оставлять вас здесь. Вы не должны из-за нас так мучиться. Скорее всего, завтра или послезавтра мы переместимся на западный фронт, поэтому нам, наоборот, будет спокойнее, если вы будете среди близких в Хамадане.

– Мне не важно то, что тебе будет так спокойнее, ты о моих чувствах совсем не думаешь. Я приехала сюда, чтобы исполнить свой долг. Я тоже хочу играть какую-то роль в этой войне!

– Вот до сих пор ты очень хорошо справлялась со своими обязанностями. Мне очень стыдно и не хочется идти наперекор твоей воле и желаниям, но так всё же будет лучше.

– Хотя бы позвольте нам остаться здесь до тех пор, пока вы не уедете на запад...

Чем больше я сопротивлялась, тем упорнее Али настаивал на своём. В конце концов Али и Хади одержали победу в этом споре. Они помогли нам собрать необходимые вещи, уложили всё в машину, и мы отправились в путь.

В тот день был пик ракетных обстрелов и бомбардировок Дезфуля. Не успела наша машина выехать на трассу, как позади нас взорвался снаряд, и густой слой песка и пыли покрыл всё вокруг. Нажав сильнее на педаль газа, Али прибавил скорость, торопясь отъехать от места взрыва и вывезти нас в более безопасную зону.

Как ни странно, я больше беспокоилась, отъезжая от Дезфуля, чем приезжая в него, потому что знала, что в Хамадане меня ждёт одиночество и тоска по Али. Жизнь вдали от него казалась мне невыносимо тяжёлой. Особенно трудно было слышать, как Али планирует наш переезд в Хамадан с Хади.

Восьмичасовой путь из Дезфуля в Хамадан показался мне восьминутным. Всю дорогу я переживала, что отдаляюсь от места, ставшего мне домом.

Хамадан встретил нас проливным дождём и приятной погодой. На деревьях уже виднелись почки, а небо было испещрено пятнами дождевых облаков. Первым делом мы поехали к моим родителям и, поздоровавшись с ними и оставив в небольшом складском помещении все наши вещи, сразу поехали к родителям Али. Мансуре-ханум в тот день нездоровилось из-за обострения болезни почек. Она также очень тосковала по Амиру, который отправился на фронт ещё 24 апреля. Его отсутствие всегда сильно сказывалось на атмосфере в доме, в котором уже не было слышно того звонкого смеха и веселья, как раньше.

Мансуре-ханум была очень привязана к Амиру. Он всегда помогал матери, занимался покупками и делами по дому. Теперь, когда его здесь не было, квартира стала очень тихой и безжизненной. Марьям к тому времени уже вела личную жизнь, была замужем и занималась своими семейными обязанностями и ребёнком, Хаджи Садег также работал, а мы с Али были далеко и недоступны, поэтому отъезд Амира Мансуре-ханум воспринимала особенно болезненно и очень по нему скучала. Видя её в таком состоянии и понимая её чувство одиночества, я решила, что мы останемся в доме у родителей Али, пока не подыщем себе отдельное жильё.

На следующий день Али отправился на фронт, а моё состояние не улучшалось. Вялость и тошнота не покидали меня, и Мансуре-ханум настояла на том, чтобы я пошла к врачу. Сдав по его назначению некоторые анализы, я вместе с мамой пришла на повторный приём. Посмотрев анализы, врач сказал нам, что я беременна. Эта новость очень обрадовала маму, она

уговорила меня несколько дней пожить с ними, чтобы она смогла поухаживать за мной и помочь окрепнуть.

Пожив несколько дней у матери с отцом, я вернулась в дом к родителям Али, так как обещала ему, что не оставлю одну Мансуре-ханум. В день моего возвращения в гости приехала семья Хаджи Садега, и все были очень заняты домашними приготовлениями. Вечером позвонил Али, который ещё не знал о нашем пополнении в семействе, и мне не терпелось самой ему обо всём рассказать.

– Как ты, Али? У тебя всё хорошо? – спросила я, как обычно.

– Да. Всё хорошо, цветочек. Вы как?

– Кое-что произошло, но мне тут неудобно разговаривать. Слишком много людей вокруг. Давай ты сам угадаешь?

– Тогда ты просто как-то намекни мне.

– Что любим и ты, и я?

– Я не знаю, что это может быть. Нужно конкретнее.

– Не знаю... Мы разговаривали об этом, и ты мне говорил, что тебе очень этого хочется.

В этот момент Насер-ага, услышавший мой разговор по телефону, догадался обо всём и обратился к находящимся в гостиной:

– Ребята, давайте пройдем в другую комнату, чтобы Фереште могла спокойно поговорить с мужем.

Благодарно взглянув на свёкра, я дождалась, пока все выйдут из комнаты и, не сдерживая радости, сказала в телефонную трубку:

– Али, ты скоро станешь отцом!

– Это правда? – взволнованно ответил Али, не зная, что сказать. – Это чудесно! Я так рад! Поздравляю! Так вот почему тебе было плохо. Тебе уже лучше?

– Я чувствую себя так же, но ничего страшного.

В тот же день об этой новости узнали все, кто был дома. Я догадывалась, что им обо всём рассказал Насер-ага, но никто так и не признался напрямую, откуда они узнали. В любом случае, все были очень рады этой новости.

На следующий день я написала Али письмо, на которое сразу же получила от него ответ, где он писал о том, как рад, что скоро станет отцом, просил меня позаботиться о малыше и встать на учёт в поликлинике. Спустя некоторое время ему даже два раза удалось приехать в Хамадан и повидаться со мной.

Тем временем моё состояние с каждым днём ухудшалось, тошнота и вялость не проходили, а таблетки, которые прописал врач, не действовали.

Глава 9

ЯБЛОКИ

В тот день, 25 июня, когда мама, как всегда, ушла на работу в цех, а я была дома, к нам пришёл Вахид, сын дяди. Одного его вида было достаточно, чтобы понять: случилось что-то страшное. Я взволнованно спросила:

– Вахид, что случилось? Скажи правду. Что-то с Али?

– Фереште... – он мялся и отводил глаза. – Плохие новости... Али попросил меня передать тебе всё как можно деликатнее.

– Быстрее же, скажи, что случилось?!

– Обещаешь, что не будешь волноваться?

– Вахид, ради Бога, скажи уже!

– Никто, кроме Али, не знает об этом. Он попросил тебя пойти домой к свекрови.

– Ты скажешь уже, в конце концов?! Прошу тебя, не мучай меня так.

– Фереште... Амир погиб... – сказал он, прослезившись.

Я замерла... Было ощущение, что меня ударили по голове. Стало дурно и жарко, и я, не слыша дальнейших слов Вахида и его плача, побежала в ванную, не в состоянии сдерживать тошноту, резко нахлынувшую на меня. Мне не верилось, что Амира больше нет с нами, не верилось в то, что так скоро оборвалась

жизнь этого юноши. Мне казалось, что всё это неправда, что я вижу какой-то кошмар, который должен вот-вот закончиться.

Умывшись и придя в себя, я быстро оделась и отправилась в дом к родителям Али. К моему приезду к Мансуре-ханум уже пришла Мунире-ханум, и по их настроению я поняла, что они ещё ничего не знают.

Увидев меня, ничего не подозревающая Мансуре-ханум в бодром расположении духа поздоровалась и пошла на кухню, чтобы угостить меня вишнёвым соком. В этот момент в квартиру зашли Насер-ага, Хаджи Садег и Али, которого не было дома уже месяц. Поздоровавшись с Мансуре-ханум, они тихонько увели её в спальню и закрыли дверь. Казалось, сердце вот-вот вырвется у меня из груди... Я думала, как же тяжело сейчас Али рассказывать матери о том, что её сын принял геройскую смерть. Мне не хватало воздуха. Очень хотелось выбежать из квартиры, атмосфера в которой стала невыносимо тяжёлой... Вдруг из комнаты донеслись крик и плач Мансуре-ханум. Все мы знали, что Амир был для неё особенным...

Али молча вышел из комнаты.

– Амир! Дорогой мой! Мой красивый! Моя жизнь! Мой сыночек ушёл! Моя жизнь ушла! – кричала Мансуре-ханум.

Плача, я подбежала к Али и спросила:

– Али, скажи, как это случилось?

Глаза, лицо и шея Али покраснели, но он не плакал. Он как будто впервые меня увидел. Немного помолчав и посмотрев на меня, он ответил:

– Амир... мой брат стал мучеником.

Мансуре-ханум выбежала из спальни и стала кричать:

– Али! Али! Скажи правду! Где сейчас мой сын?!

Али крепко обнял мать.

– Мама, прошу тебя, – еле сдерживая слёзы, говорил он, глядя мать по голове. – Будь сильнее... Мама, ты должна быть терпеливой и похожей на святую Зейнаб, дочь имама Али. Нужно просить помощи у Аллаха. Амир сейчас с героями Кербелы. Он внял призыву имама Хосейна, и все мы должны сделать то же самое. Амир занял на небесах высокое положение, давай поможем ему сохранить его перед Аллахом. Не плачь из-за того, чем ты пожертвовала на пути Бога, а, наоборот, гордись этим. Мама, клянусь, сегодня ты стала настоящей мусульманкой.

Али обернулся ко мне и сказал:

– Ни в коем случае не плачь. Вы все должны гордо поднять головы и приветствовать гостей Амира. Мы не имеем права проявлять слабость.

Друг за другом к нам начали приходиться соседи и близкие, чтобы выразить соболезнование. Никто не мог и подумать, что Амир так скоро покинет этот мир, все гораздо больше переживали за Али, который ушёл на фронт с самых первых дней войны. Мансуре-ханум, как и все матери погибших героев, старалась держаться стойко и не плакать.

Стены в квартире были затянуты чёрными тканями, а фотографию Амира мы перевязали чёрной лентой и повесили в гостиной.

Мама, папа и сёстры, узнав о страшной новости, сразу приехали к нам. На кухне, где собрались женщины, мы взяли подносы с шафрановым шербетом, холодной водой и финиками и предлагали их гостям в гостиной. По квартире распространился запах свежей халвы, которую также готовили на кухне.

Мне стало очень плохо, состояние было болезненным, с трудом удавалось держаться на ногах. Так

хотелось заснуть и, проснувшись, увидеть живого и радостного Амира в его очках с чёрной оправой, услышать, как он говорит мне: «Сестра Фереште, сестра Фереште»...

На следующий вечер Марьям со своей семьёй, Хаджи-баба, Ханум-джан, дядя Мухаммад, тётя Фатима и другие тегеранские родственники также приехали домой, где мы начали проводить поминальные и религиозные мероприятия. Затем мы поехали на кладбище, куда пригласили муллу, который читал аяты Корана, а также небольшую группу барабанщиков.

На кладбище во время поминок присутствовали имам пятничной молитвы⁴⁶, глава муниципалитета и многие другие. Все они вместе с Али стояли на балконе и слушали аяты. Когда прекратилось чтение Корана, ведущий сначала пригласил к трибуне почётных гостей, а затем Али. Помню, как жарко было в тот день.

– Слава Хосейну! – начал Али. – Слава сподвижникам Хосейна. Я, как один из числа людей этой провинции, которая воспитывает героев, сердечно благодарю вас за то, что вы пришли проводить Амира Читсазийана в последний путь. Большое спасибо! Но у меня есть одна просьба к вам. Не оставляйте имама Хомейни одного и принимайте его слова всем сердцем. Имам три года назад попросил нас не оставлять фронт и обязал нас тем самым защищать наши границы. Нам нельзя

⁴⁶ Аятолла сейед Абу-ль-Хасан Дабестани, известный как Мусави Хадави, родился в 1929 г. в хамаданском селении Шурин. Являлся учеником таких великих учёных, как аятолла ахунд Хамадани, Боруджерди, Султани, Гольпайгани и др. Был представителем от Хамадана в Совете экспертов по назначению рахбара и во время Ирано-иракской войны играл очень важную роль в мотивации и наставлении солдат. Скончался 1 ноября 2007 г. в возрасте 78 лет.

создавать и воображать для себя иные поля сражений, нынешняя война должна являться приоритетным направлением для всех. Не позволяйте имаму выходить к трибуне и просить народ идти на защиту родины. Он однажды сказал, что для нас достаточно того, чтобы наша нация воспитала истинных воинов и защитников. Мы должны показать всему миру, с какой преданностью прислушиваемся к словам имама. Держа в одной руке Коран, а в другой – ружьё, вступайте в ряды воюющих на фронте, борющихся против лжи, и кричите: «Война! Война! До победного конца!»

В этот момент вся толпа, собравшаяся перед балконом, закричала:

– Война! Война! До победного конца!

На кладбище собралось так много людей, что вскоре у нас не было возможности передвигаться.

– Мама, мне очень плохо, – сказала я стоявшей рядом маме. – Я не могу дышать.

Увидев, как я побледнела, она взяла меня за руку, пробираясь через толпу людей, вывела к месту, где обычно возлагали венки в память о павших воинах, и посадила под деревом, а затем стала умывать мне лицо водой из бутылки, которую принесла с собой.

Из громкоговорителя снова раздался голос Али:

– Я благодарю Всевышнего за то, что мой брат пал от рук врагов, а не от рук лживых друзей. Амир был на фронте всего лишь четыре месяца, но при этом сумел опередить нас всех!

Подул лёгкий ветер. Я всё так же сидела под деревом, а мама ходила между могилами и читала молитвы. Услышав, что речь Али закончилась, она подошла ко мне и сказала:

– Наверное, все пошли на намаз. Я пойду тоже, а ты жди меня здесь.

Мама ушла, а через некоторое время раздался громкий гул толпы, хором повторявшей:

– Во имя погребения мучеников, приди, Махди! Приди, Махди!

Солдаты подняли на плечи табут и пошли к тому месту, где собирались хоронить Амира. Али и Хаджи Садег тоже подошли к табуту и поддержали его снизу, а толпа медленно двинулась за ними, вторя:

– Ла илаха илла-ллах!⁴⁷

Я привстала, чтобы тоже пойти за всеми, но, оглядевшись вокруг, увидела множество людей, которые также шли за табутом и выкрикивали:

– Откуда пришёл к нам этот цветок с осыпавшимися лепестками? Это – цветок Кербелы! Этот цветок – наш подарок рахбару!

От усилившейся жары и толпы людей вокруг мне было всё труднее дышать, а мысль о том, что в табуте лежит наш Амир, не давала покоя, сердце сжималось, меня бросало в дрожь. Мне казалось, что я умираю и что это меня забирают в могилу. Не знаю, как объяснить то чувство, которое я испытывала, но вокруг меня всё было чёрным, печальным и бездыханным. Мир в моих глазах потерял ценность и важность.

Не обращая ни на что внимание, люди передвигались по кладбищу. Происходящее стало напоминать мне Судный день. Пожилой мужчина из Корпуса стражей революции опрыскивал людей розовой водой, пытаясь освежить их и хоть как-то облегчить их состояние во время пребывания под зноем палящего полуденного солнца. Кладбище резко погрузилось

⁴⁷ Арабская фраза, свидетельство веры: «Нет бога, кроме Аллаха» (прим. пер.)

в тишину: не было слышно ни людей, ни птиц, ни ветра. Амир, свободный, как ангел, с распростёртыми руками и крыльями, улетел от нас на небеса.

Я села у старой, пыльной могилы под тенью росшей неподалеку сосны, которой было около сорока лет и иголки которой от жары приобрели какой-то темноватый, тусклый цвет. В тот момент я ощущала душу Амира. Он словно был рядом и улыбался.

Когда церемония закончилась, я отправилась в автобус для женщин и села на пустое место во втором ряду. От головокружения я закрыла глаза и сказала шёпотом:

– Прощай, дорогой Амир... Прости, что я ничего не успела сделать для тебя...Прошу тебя, не забывай о заступничестве.

Автобус тронулся с места, и женщины стали ещё громче произносить салаваты. Проезжая мимо кладбища, я увидела, что большая группа людей всё ещё стояла у могилы Амира.

Дома тоже было очень много народа. От слабости и сильного головокружения я, к своему стыду, периодически бегала в ванную и, как бы мне этого ни хотелось, не могла помочь женщинам на кухне.

В конце концов, зайдя в спальню, где уже сидели несколько женщин, и открыв окно, я легла. Одна из присутствующих сказала другой женщине:

– Ты видела, что Али сорвал пуговицу с одежды Амира?

– Нет, я не видела. А зачем?

– Он взял пуговицу в залог.

– В залог чего?

– Говорят, что мужчина снимает пуговицу с одежды мёртвого брата для того, чтобы тот поскорее забрал его с собой на тот свет.

Услышав эти слова, я резко села, чувствуя, как участилось моё сердцебиение. Я узнала этих женщин. Это были родственники Мансуре-ханум.

– Что случилось? – в панике спросили испуганные женщины, не заметившие, как я вошла в комнату.

– Ничего, – ответила я и, встав, направилась в гостиную, где уже накрывали на стол. У меня темнело в глазах.

Мама помогала женщинам. Увидев меня, она подбежала ко мне и сказала:

– Фереште, родная! Где ты была? С тобой всё хорошо?

Я открыла дверь ванной, находящуюся напротив входной двери, и наклонилась над раковиной, пытаюсь вызвать рвоту. Мама держала меня за руку и мокрыми ладонями обтирала мне лоб. Когда мне стало легче, я обняла её и стала вдыхать запах, который всегда имел надо мной необыкновенную власть и успокаивал.

Мама посмотрела на меня и сказала:

– Ну, полно тебе. Пойдём.

Она заботливо вывела меня из ванной и отвела в спальню, уложила в постель и принесла вентилятор. Али осторожно зашёл в комнату и сказал:

– Фереште, цветочек мой, что с тобой? Хочешь, пойдём в больницу?

Я отрицательно покачала головой, не в силах что-либо ему ответить.

– Может, ты покушаешь? – спросил он.

– Ей стало плохо от запахов еды, – объяснила ему мама.

– Так же нельзя, мой цветочек. Ты должна поесть хоть что-то. Что мне тебе принести?

– Яблоко. Я могу есть только яблоки.

Али тут же выбежал из комнаты, чтобы выполнить мою просьбу, и в спальню вновь проник запах шашлыка и плова, от которого мне действительно становилось ещё хуже.

– Мама, пожалуйста, закрой дверь.

Не успела я это сказать, как ощутила тяжесть в веках, сердце начало бешено стучать, и в глазах потемнело. Я услышала голос матери, выбежавшей из комнаты:

– Али! Быстрее вызови скорую! Фереште плохо!

* * *

Али вошёл в комнату с двумя мужчинами в синей форме и пакетом яблок. Мама тотчас рассказала одному из мужчин с чемоданчиком о том, что со мной случилось, а он, внимательно её слушая, принялся измерять мне давление, а затем поставил капельницу. В тот момент я почему-то вспомнила рисунок Али с бабочкой со сломанными крыльями.

– У неё очень низкое давление, – сказал врач. – Пусть отдохнёт.

Закрыв глаза, я подумала о том, как хотела бы больше никогда не просыпаться...

Глава 10

СЛЁЗЫ

Через две недели после похорон Амира домой стало приходить меньше народа. Наши гости, которые жили не в Хамадане: Хаджи-баба, Ханум-джан, дядя Махмуд, Марьям, её шестимесячная дочка Муна и Хаджи Садег со своей семьёй – оставались с Мансуре-ханум. Каждый нашёл себе место в этой небольшой квартире: Али и Хаджи Садег спали на террасе, а женщины – в гостиной.

Однажды в полночь я проснулась и заметила, как Али тихо и осторожно, чтобы никого не разбудить, уходит с террасы. Раздвинув шторы, отделявшие гостиную от зала, он направился, как мне показалось, в ванную, откуда долго не выходил. Забеспокоившись, я решила посмотреть, где он и всё ли у него хорошо.

Али был в зале. В позе земного поклона он молился Богу и плакал. Плечи его содрогались от слёз и боли, которые он так долго и усердно скрывал от всех. Я ещё никогда не видела его таким. Как же он мучился тогда и как тайно страдал...

«Какое же у него большое сердце...» – подумала я и незаметно, стараясь не выдать себя, присела на пол у него за спиной, прислонившись к стене.

Я видела, как он изо всех сил поддерживает родителей, разговаривает с ними и порой пытается

отвлечь и развеселить, и я также знала, как горячо он любил Амира, по которому ещё никогда так сильно не плакал.

Али поднял голову.

– Дорогой, – мягко сказала я, стараясь не испугать его.

Али обернулся на мой голос и увидел меня в свете уличных фонарей, падавшем в комнату через открытое окно.

– Фереште.

– Да, милый.

– Что ты тут делаешь?

– Я не могу уснуть.

– Ты плохо себя чувствуешь?

– Нет...

– Я знаю, как тебе трудно. И мне кажется, что ты сейчас намного ближе к Богу. Прошу тебя, помолись за меня, – сказал Али дрожащим голосом. – Всевышний обещал воинам рай. Как же счастлив Амир. Всего лишь за четыре месяца войны он достиг конечной цели. Я воюю вот уже семь лет, но всё ещё жив... Наверное, со мной что-то не так.

– Али... Не будь таким неблагодарным.

– Я не обманываю, Фереште. Бог свидетель, я не хочу умирать в постели и живу с сильнейшим желанием расстаться с жизнью в бою. Война рано или поздно закончится, и все вновь вернутся к своей обыденной жизни.

– Али, что ты такое говоришь? Нам нужно довольствоваться тем, что у нас есть.

– Ты со мной? Поддерживаешь меня?

– Конечно, я с тобой! – не задумываясь, ответила я.

– Если я погибну на войне, ты поддержишь мой выбор? Не обидишься?

– Какая обида? Мне будет очень больно потерять тебя, потому что ты мой муж, самый дорогой мне человек, моя половина. Мы любим друг друга, и ты отец моего ребёнка. Могу сказать, что даже мысль о твоей возможной смерти доставляет мне невыносимую боль, но если это то, чего желает Аллах, то я, конечно же, буду довольна тем, что Он нам предписал. Я проявлю терпение.

– Правда?

Я заплакала.

– Фереште, этот мир когда-то прекратит своё существование, и мы все умрём, но возможность стать мучеником у нас имеется только в эти дни.

Вознеся руки к небу, он продолжил:

– Боже, Ты лучше всех знаешь о наших нуждах, и Ты знаешь, что для меня позор умереть в постели. Прошу тебя, даруй мне мученическую смерть.

Али никогда не плакал на людях, даже когда на него накатывали сильнейшие чувства и печаль. Сдерживая свои эмоции, он лишь краснел, но в ту ночь он горько заплакал и сказал:

– Однажды ночью, когда погиб Мусайиб, я увидел его во сне. Я взял его за руку и сказал: «Мусайиб, и я, и ты сделали всё возможное, чтобы стать мучениками, но лишь тебе это удалось. Скажи мне, что ты сделал? Как ты добился этого?» Мусайиб мне тогда не ответил, и я крепко сжал его руку и кричал: «Я не отпущу тебя, пока ты не скажешь мне, как стать мучеником!». Как ты думаешь, что он ответил мне, Фереште? Он сказал: «Слёзы...» Фереште, слёзы – это путь к мученичеству. Господи, если Ты даруешь мученическую смерть посредством слёз, то молю тебя принять мои!

После смерти Амира Али ещё больше замкнулся в себе, он уже не шутил и не веселил нас, сильно изменился, стал меньше есть и очень похудел, но при этом он также стал более чутким, чувственным и более подверженным слезам. Я обратила внимание, что с каждым днём он всё меньше и меньше спал.

Чтобы как-то отвлечь и развеять убитых горем Мансуре-ханум и Насера-агу, Али и его друзья решили отвезти нас в паломничество в Мешхед. К нам присоединились семьи других погибших солдат, среди которых была семья Торенджийан, заботливо и бережно отнёсшихся к Мансуре-ханум. В течение всей нашей поездки они старались уделять несчастной женщине внимание и заботились о её душевном состоянии.

Сразу после возвращения из Мешхеда Али вернулся на фронт, а Мансуре-ханум, не в состоянии вынести одиночество, отправилась к Хаджи Садегу, взяв меня с собой.

Сентябрь 1987 года совпал с лунным месяцем Мухаррам, и за все семь лет войны Али впервые удалось побывать в Хамадане в первую декаду этого священного месяца, особо отмечаемую мусульманами. Каждый день он отправлялся на траурные мероприятия и возвращался домой после полуночи.

Я, мама и сёстры в предыдущие годы предпочитали ходить на мероприятия, которые организовывал Корпус стражей Исламской революции. Их программа нам нравилось больше всех.

Однажды утром Али спросил у меня:

– Фереште, я хочу пойти в штаб КСИР. Хочешь пойти со мной?

– Да, конечно. Помню, как прекрасно они проводили мероприятия в прошлые годы.

В том году уже в сентябре в Хамадане похолодало, и так как у нас с Али не было своего постоянного жилья, я не могла вспомнить, где оставила свою зимнюю одежду. Позаимствовав тёплую жакетку Муниреханум, я села в машину к Али, и мы тронулись в путь. К тому времени мы с Али ещё ни разу никуда не выходили вдвоём в Хамадане, а сейчас нам предстояло пойти в место, где у Али было много знакомых.

Весь город был в трауре, повсюду висели чёрные флаги и полотнища ткани. Али припарковал машину недалеко от площади и, прежде чем выйти, сказал:

– Фереште, прошу тебя помолиться за меня.

– Я всегда молюсь за тебя.

– Нет, молись не о моём здоровье, а о том, чтобы я поскорее стал мучеником. Ты сейчас идёшь на мероприятие в честь имама Хосейна, следуя за которым, я отправился на войну. Сегодня ночью я пришёл попросить у него посредничества в достижении мученической смерти, но я также знаю, что я никогда не смогу достигнуть этой цели, пока ты, моя жена, не будешь желать мне того, чего я сам так хочу. Поэтому... Фереште, цветочек мой, прошу тебя... помолись за меня.

Опустив голову, я молчала. Естественно, в те минуты я не восприняла его слова всерьёз. Хотя каждый раз, когда речь заходила о мученической смерти, моё сердце начинало биться учащённее.

– Фереште... Помнишь, как ты просила меня довольствоваться тем, чем наделяет нас Бог? Так вот, я доволен и прошу тебя помолиться о том, чтобы Бог был также доволен мною. Если Всевышний не будет доволен нашими стараниями и не примет наш джихад, тогда положение наше незавидное. Я не знаю, будем ли мы оправданы перед Ним, но я уже устал от

этого мира, словно от тюрьмы. Сегодня ночью попроси имама Хосейна о том, чтобы он помог мне сломать решётки этой тюрьмы, как это сделали Мусайиб Маджиди, Амир, как это сделал сам имам Хосейн. Сегодня ночью я ещё раз скажу имаму о том, что служу ему и до последнего вздоха буду бороться за идеалы, которым он нас научил. А во всём остальном, как ты и сказала, я доволен всем тем, что у меня есть.

После эти слов Али глубоко вздохнул. Мы вышли из машины и направились в сторону дома, где проводилась траурная церемония. Помню, как быстро шагал тогда Али. Он словно летел, а не переступал с ноги на ногу, настолько мне было трудно догнать его. В гуще толпы я могла узнать его лишь по плечам и чёрной рубашке.

Глава 11

ВЯЗАНИЕ

В середине сентября в Хамадане начали дуть сильные осенние ветра, неистово срывавшие пожелтевшие листья с веток деревьев. После десяти дней траурных мероприятий Али вернулся на фронт, а я и Мансуре-ханум остались дома. Мы знали, что нас ожидает долгая осень и тяжёлая зима.

Длинными осенними вечерами мы вязали одежду для малыша. Мунире-ханум, которую сестра также научила вязать и шить, часто присоединялась к нам и помогла сшить шапочки, пару штанишек и кофточек.

Глава 12

ПОТРЕСКАВШИЕСЯ ГРАНАТЫ

18 ноября Али, который в то время уже несколько дней был в Хамадане, собирался вернуться на фронт. Всё время, пока он был дома, он старался заботиться о родителях и уделял им много внимания. Особенно много времени он проводил с матерью, здоровье которой после смерти Амира ухудшилось. Она испытывала общее недомогание и сильно ослабла, но при этом больше всего нас волновало обострение приступов из-за больных почек. Али несколько раз отвозил её в больницу к хорошим специалистам, но это мало помогло.

Однажды, когда мы все вместе сидели в гостиной, Али встал и, завернув рукава, отправился на кухню, где он обычно делал омовение перед намазом. В этот момент словно какая-то неведомая сила подняла меня с места и отправила за Али посмотреть на него со стороны... на его спортивное телосложение, на его широкие плечи, сильную шею, голову, мускулистые ноги, ступни...

«Я ничего не должна забыть», – говорила я себе, жадно глядя на то, как Али совершает омовение.

Подумав, что я тоже хочу совершить омовение, он подвинулся, давая мне пройти к раковине, а сам направился в комнату помолиться. Я пошла за ним

и с тоской в сердце смотрела, как с особым благоговением и спокойствием он совершал намаз, во время которого обратился к Богу со словами:

– О Аллах! Надели меня возможностью стать мучеником на Твоём пути.

Завершив намаз, Али подошёл к отцу и сказал:

– Отец, на этот раз я вернусь домой нескоро. Может быть, через два месяца. Одного из своих товарищей я попросил привезти для Фереште натуральное сливочное масло и барана, которого вы принесёте в жертву во время моего отсутствия.

Немного помолчав, он обратился ко мне:

– Фереште, пожалуйста, принеси мой альбом.

Я пошла в спальню и, взяв альбом, шагнула к двери, где неожиданно столкнулась с Али.

– Давай лучше сядем здесь, – предложил он.

Али открыл альбом и, листая его, вздыхал со словами:

– Где сейчас мученик Назари⁴⁸, мученик Теклю⁴⁹...
Добрая память мученику Шаху Хосейни⁵⁰...

Слёзы выступили на глазах Али. Я попыталась забрать альбом из его рук, но он не позволил, сказав:

– Цветочек мой, оставь... Этот альбом – вся моя жизнь. Он побуждает меня сражаться.

– Ты же мучаешь себя.

⁴⁸ Хамид Назари родился 22 июня 1967 г. в хамаданском селении Дарре Морадбик. Погиб 11 сентября 1986 г. во время разведывательной операции на острове Маджнун.

⁴⁹ Хани Теклю – родился 24 мая 1963 г. в селении Бегеш области Малаер. Был одним из членов разведывательной бригады дивизии «Ансар аль-Хосейн». Погиб в городе Каср-е Ширин провинции Керманшах 20 января 1984 г.

⁵⁰ Али Шах Хосейн Дасджерди родился 10 апреля 1954 г. в Хамадане. Погиб 9 октября 1987 г. в зоне боевых действий Мавут, Ирак.

– Фереште, – сказал он, роняя слёзы. – Они все были влюблены в имама Хосейна и ради него очень старались быть лучшими, получали ранения, провели множество бессонных ночей, голодали в холоде, испытывали жажду, горели под палящими лучами солнца, но... ни разу не сказали, что устали, что хотят пить или спать. Смотря на эти фотографии, я прогоняю свою усталость и напоминаю себе о мученике Гарагёзлу⁵¹, который, вместо того, чтобы спать, посреди ночи просыпался, чтобы помолиться и в слезах прочитать молитву «Ашура». Если я пожелаю иметь дом, комфортную жизнь, я тут же вспоминаю о словах Мусайиба, который говорил: «Не нужно мечтать о многих вещах в этой жизни, потому что смерть всегда будет смеяться над ними». Сегодня не тот день, когда нужно мечтать или вести разговоры, – сейчас необходимо действовать. У всех у нас есть руки и ноги, и мы должны воевать. Люди же, не имеющие такой возможности, должны хотя бы помогать в тылу.

Я знала, как сильно он расстроен и как устал. С первого дня войны целый отряд его друзей расстался с жизнью. Подсев к нему ближе, я лишь молча плакала и смотрела вместе с ним фотографии, а Али, больше не смущаясь, думал о своём и ронял капли слёз.

После ужина Али обратился ко мне:

– Цветочек мой, я хочу поспать. Можешь разбудить меня в половине третьего ночи?

Постелив матрас и выключив свет, я вышла из комнаты, дав Али возможность немного отдохнуть перед отъездом.

⁵¹ Мухаммад Махди Гарагёзлу родился 11 декабря 1964 г. в Хамадане. Был одним из членов информационного отдела военных операций. Погиб 17 марта 1986 г. в иракской провинции Аль-Фао. Его брат ушёл из жизни 29 октября того же года.

Всё то время, что мы были вместе, всякий раз за несколько часов до отъезда Али мне казалось, что все печали этого мира проникали в моё сердце. Было очень тяжело на душе, и не хотелось ничем заниматься. Выйдя из спальни, я отправилась в гостиную, где Насер-ага, Мансуре-ханум и Хаджи Садег смотрели документальный фильм про мученика Харрази⁵². Моё сердце вздрогнуло от кадров, где его жена и сын Махди делятся воспоминаниями о нём; я тут же подумала, что если что-то случится с Али, я перестану говорить.

Не выдержав, я вернулась в спальню и включила свет. Али спал уже настолько глубоким сном, что свет лампы его не потревожил. Я села у изголовья Али и, думая о его словах и мыслях по поводу погибших товарищей, смотрела на его измученное лицо. Снова как будто какая-то сила сказала мне: «Фереште, внимательно смотри на каждую чёрточку его лица и ничего не упusti. Запомни их на всю жизнь».

На лице Али, которому на тот момент было всего лишь 25 лет, уже появилось множество морщин. Я старалась снова запечатлеть в памяти его внешность: светлые спутанные волосы, которые всегда было трудно расчесать, длинную бороду, синие глаза, которые, кажется, никогда не видели здорового и нормального сна, и густые брови. Какие же у него были густые брови. Порой, взяв ножницы, я бежала за ним и просила разрешить немного подправить их, но Али не позволял мне, забегал в ванную и мокрыми пальцами их приглаживал.

⁵² Хосейн Харрази был храбрым главнокомандующим дивизии имама Хосейна в Исфахане. Погиб 27 февраля 1987 г. в городе Шаламче во время операции «Кербела-5».

Та ночь была удивительной. Как же глубоко спал тогда Али. Долго просидев рядом с ним, я встала, чтобы собрать ему сумку, в которую положила два больших потрескавшихся граната.

Все в доме уже спали, а мне не давали покоя мои мысли. Я пошла на кухню и в слезах принялась протирать шкафы и убирать посуду. Мне было очень плохо, снова вернулись тошнота и вялость. Пытаясь как-то отвлечься, я занимала себя уборкой и думала, как мне хочется стать хозяйкой собственного жилья, но я готова жить даже так, не имея своего дома, если того хочет Али. От частых взглядов на настенные часы у меня на сердце становилось ещё беспокойней, и, накинув чадру, я вышла на террасу подышать свежим воздухом.

На улице было очень холодно. Посмотрев на тёмные окна соседних домов, я подумала, как же повезло тем, кто сейчас спокойно спит. Недолго простояв на холоде, я вернулась в спальню к Али. Хотя там был выключен свет, и я не видела мужа, мне было достаточно того, что он рядом и дышит. Как мне хотелось, чтобы время остановилось навсегда, но стрелки часов были со мной не согласны. Казалось, они двигались быстрее обычного.

В 2:15 я положила руку на плечо Али и сказала:

– Дорогой, просыпайся.

– Который час?

– Не волнуйся. Четверть третьего.

Приняв омовение, Али оделся, совершил намаз и взял сумку, которую я ему приготовила.

– Я положила тебе два граната, – сказала я. – В память о нас двоих. Помни обо мне, когда будешь есть их. Прошу тебя, в этот раз возвращайся домой поскорее.

– Хорошо, вернусь через несколько дней, максимум через неделю, но пусть это останется между нами.

Тут мы увидели Мансуре-ханум, которая проснулась от наших голосов и тоже пришла провожать Али. Он нагнулся и поцеловал мать в голову, она обняла его и сказала:

– Дорогой, будь осторожен. Иди с Богом!

– Мама, пожалуйста, береги себя.

Затем подошёл и Насер-ага. Али обнялся с ним и сказал:

– Отец, ты тоже будь осторожен. Не забудь о том, что я тебе сказал, и береги маму.

Посмотрев на часы, он стал торопливо надевать ботинки и обратился ко мне и Мансуре-ханум:

– Вы обе заходите домой, на улице очень холодно.

Не послушавшись, мы вышли с ним на улицу, где действительно было холодно так, что я задрожала. К горлу вновь подступил ком, и мне так хотелось крикнуть мужу:

– Али, не уходи! Али, ради меня и своего ребёнка! Не уходи! Люди, проснитесь, не дайте моему мужу уйти. Не дайте моему сердцу, моей жизни покинуть меня! Ради Аллаха, кто-нибудь, остановите его!

Но я, конечно, сдерживала себя и, как обычно, сказала ему:

– Милый, не забудь о заступничестве за нас. Ради...

Мне стало неудобно перед свекровью говорить о ребёнке, и я лишь тихонько прошептала ему:

– Возвращайся скорее.

– Цветочек мой, – улыбнулся Али, пронзительно на меня взглянув. – Моя дорогая Фереште. Прости меня за всё.

Мансуре-ханум снова крепко обняла сына, он осыпал её поцелуями, вдыхал её запах, а затем стал что-то

шептать ей на ухо, поглядывая на мой живот. Я не знаю, что он тогда говорил ей... Может, делился переживаниями... не знаю, но он быстро подошёл к машине, завёл её и уехал, помахав нам рукой. Через пару минут он развернул машину, опустил окно и, подъехав к нам ближе, крикнул:

– Идите скорее домой! Холодно!

Мы стояли до тех пор, пока машина не завернула за угол, а затем в глубоком молчании вернулись в дом. Каким же долгим был путь со двора до дверей квартиры. Я зашла в нашу спальню, легла на постель Али и закуталась в его одеяло, хранившее такой любимый и родной запах дорогого мужа. Не сдерживаясь больше, я всю дала волю душившим меня слезам.

Глава 13

ОДИН ДЕНЬ ЖИЗНИ С НАСТОЯЩИМ МУЖЧИНОЙ

После отъезда Али я не уехала к родителям, так как знала, что он скоро вернётся. К тому же он всегда просил не оставлять его мать одну, так как моё присутствие для неё было равнозначно тому, что и Али рядом. И всё это время необъяснимое беспокойство не покидало меня и не давало спать по ночам.

Попытки отвлечься были безуспешными. Помню, как однажды я попыталась почитать книгу аятоллы Мутаххари, которую взяла из домашней библиотеки в гостиной. Я читала одну страницу около получаса, но так и не могла собраться с мыслями. Тогда я решила записать некоторые цитаты из неё в свой ежедневник, но мысли снова унесли меня в день прощания с Али, и сердце тоскливо сжалось.

«Почему я тогда так старалась запомнить черты Али? – думала я. – Откуда возникло то странное ощущение? Может, это было предчувствие? Нет, нельзя думать плохо. Али же сам сказал, что скоро вернётся. Но если это так, почему я так беспокоюсь и не могу унять своё сердце? Нет, я не должна допускать плохих мыслей, это может быть вредно для ребёнка. Скорее всего, мои переживания естественны, вполне возмож-

но, что я так переживаю и не могу спать из-за беременности».

26 ноября во время завтрака Насер-ага, заметив мою усталость и сонливость, спросил:

– Фереште, с тобой всё хорошо?

– Да, просто плохо спала сегодня ночью, – ответила я.

– Не переживай, всё будет хорошо. Тебе нельзя так беспокоиться.

Я и сама знала, что нужно взять себя в руки, но мне это с трудом удавалось в квартире, где я постоянно слышала телефонные звонки, которые меня очень настораживали и пугали. Даже увидев, что в то утро Хаджи Садег не пошёл на работу, я старалась успокоить себя мыслями, что ему, наверное, нужно с кем-то увидеться. И так как работа у Хаджи Садега весьма ответственная, в его отсутствие коллеги не справляются и вынуждены ему постоянно названивать.

– Не пошёл на работу человек, вот и всё, – говорила я себе. – Ты что, следовательно? Зачем тебе это знать? Может, он просто не захотел идти и решил один день провести дома и отдохнуть. Ох! Как было бы хорошо, если бы этот проклятый телефон замолк.

Однако сердце не обманешь. Моя душа было охвачена страхом и необъяснимым беспокойством. Одним глазом я следила за дверью, а другим – за Хаджи Садегом, который скрытно вёл с кем-то переговоры по телефону.

«Где же Али? – переживала я. – Он же сам сказал, что вернётся через неделю. Господи, пережить бы эту среду!»

В четверг, ровно через неделю после отъезда Али, я с раннего утра сидела у входной двери и ждала его приезда. Никогда ещё с такой уверенностью он не говорил о том, что скоро вернётся.

«Что это за странное волнение в моём сердце? Почему он попросил меня не говорить об этом матери?»

Хаджи Садег с утра куда-то ушёл, а Насер-ага сидел в гостиной грустный и подавленный и ни с кем не разговаривал. Телефон, который вчера звонил без перебоя, в тот день молчал как онемевший. Мне даже показалось, что кто-то его отключил. Я сидела в страхе, что сейчас кто-нибудь подойдёт ко мне и скажет:

– Фереште... Случилась беда...

Хоть я и старалась скрывать своё беспокойство, наблюдая за подозрительным поведением других членов семьи, я понимала, что что-то не так. Каждый словно существовал в своём мире и чем-то себя отвлекал, а я изо всех сил боролась с постоянно подкатывающим к горлу комом. Каким же тяжёлым выдался тот четверг, который так и не стал для меня долгожданным облегчением.

В пятницу утром за мной неожиданно приехал отец. Уже сам этот факт меня очень насторожил, ведь папа никогда не приезжал за мной в дом Хаджи Садега. Увидев его, удручённого какими-то мыслями и пытающегося что-то скрыть, я утвердилась в мысли, что произошло нечто очень страшное. Добрые глаза отца выдавали его беспокойство.

– Фереште, сегодня к нам придут гости, приедет твой дядя, и мама попросила привезти тебя домой, чтобы пообедать в семейном кругу.

Мне ничего не оставалось, как согласиться. С беспокойством в сердце я переоделась и, накинув чадру, вышла из дома. Белая машина марки «Рено» была припаркована у нашего дома, и какой-то неизвестный мне мужчина сидел за рулём.

– Папа, сегодня приезжает Али, и мне надо будет побыстрее вернуться.

Отец даже не повернулся, чтобы посмотреть на меня, и ничего не ответил. Он молча сел в машину, и водитель по безлюдным и холодным улицам отвёз нас домой к маме.

Открыв ворота дома, я не обнаружила ни гостей, ни дядю Махмуда. Во дворе была лишь мама, которая сразу же побежала обнимать меня.

– Мама, что случилось? Скажи правду!

– Ничего, – посмотрев на отца, сказала она. – Ничего не случилось.

– Скажите мне правду! – не сдержавшись, крикнула я. Ройя и Нафисе смотрели на нас из окна.

– Не волнуйся. Ничего такого страшного не случилось. Али просто ранен.

Не знаю, что на меня тогда нашло, но их слова вызвали у меня взрыв эмоций:

– Ранен, значит, ранен! Почему вы так себя ведёте?! Он же ведь не в первый раз получил ранение?!

Побледневшая мама с трудом формулировала мысли.

– Но... на этот раз... всё по-другому... – прерывисто отвечала она. – Его рука... Он потерял руку.

– Ну так хорошо! Он потерял руку, но он же жив! Значит, всё не так страшно...

– Дорогая, – вмешался отец, поймавший на себе безнадежный взгляд матери. – О, если бы он потерял только руку... У него нет и ноги.

В тот момент я подумала: «Пусть у него не будет даже всех частей тела! Только верните мне моего мужа живым!»

– Ничего страшного! – выпалила я и горько заплакала. – Клянусь! Ничего страшного! Даже если он потерял все руки и ноги! Ничего! Только скажите, что Али жив. Ради Бога, папа, скажи, что он жив!

Отвернувшись от меня и пряча слёзы, отец сказал:

– Фереште... Дорогая... Случилось...

В тот момент я почувствовала, как окаменело моё сердце. Подняв лицо к небу, я застонала:

– Господи... Почему же никто не говорит мне правду? Я сама всё знаю. Я знаю, что Али стал мучеником... Боже, что мне теперь делать?!

Плача, я беспомощно посмотрела на родителей.

– Разве это не так, мама... папа? Али погиб? Это так?

Мама заплакала, а отец отошёл к стене и прислонился к ней лбом. Ройя и Нафисе опустили занавески и зашли к себе в комнату.

От боли, заполнившей всё моё существо и сводящей меня с ума, мне хотелось крушить всё вокруг, я опустилась на землю, крича.

– Я знала! Али никогда не нарушает обещаний! Он всегда держал своё слово! Но это ожидание меня убивало! Со вторника я жду тебя, Али. Ты же обещал, что вернёшься в течение недели. Али! Так несправедливо! Сегодня же пятница! Ты не подумал о том, что моё сердце разорвётся, о том, что я буду страдать, и о том, как это вредно в моём положении... Что же мне теперь делать без тебя?!

Мама подошла ко мне, взяла за руку и со слезами сказала:

– Вставай, дорогая. Вставай. Земля холодная, ты можешь заболеть, родная.

Я не могла найти себе места, хотела убежать из дома далеко – туда, где нет таких вестей.

– Мансуре-ханум знает?

– Нет.

– Пойдём к ней. Папа, помнишь, что ты сказал в день свадьбы?

Никогда ещё я не видела отца в таком состоянии. Он повернулся ко мне с красными от слёз глазами и мокрым лицом.

– Ты сказал, что один день с настоящим мужчиной лучше целой жизни с недостойным человеком.

– Да, как будто с самого первого дня он обо всём знал... – сказала мама. – Он знал, что твоя жизнь так обернётся. Признайся... ты и сама обо всём знала уже тогда. Мы все знали.

– Я помню тот день, когда Али пришёл свататься, и наш первый разговор. Я тогда сказала ему, что хочу сыграть свою роль в деле Исламской революции и стать верующей женой военного, члена КСИР. Я знала, что бойцы КСИР – очень достойные и религиозные люди. В тот день Али сказал мне: «Я знаю, что попаду в плен, буду ранен или же стану мучеником», – а я ему тогда ответила: «Ты ведь не собираешься умирать прямо сегодня». Я знала, что Али никогда не попадёт в плен, но тогда в глубине души была уверена, что на этом пути может произойти всё что угодно.

– О святая Захра! – говорила мама, вытирая мне слёзы своей чадрой. – Дай моей дочери терпение! О святая Зейнаб, помоги!

– Клянусь... – сказала я. – Я словно прожила всего лишь один день с ним в браке.

Мне хотелось уйти и бесцельно бродить по улицам, сидеть у моря или же просто подняться на небеса. Мне хотелось уйти в никуда, туда, где нет никого, кто мог бы слышать мои крики. Перед глазами было лишь лицо Али.

Водитель, который подвёз нас, с грустным видом зашёл во двор и пригласил сесть в машину. Мы поехали в дом к родителям Али. К нашему приезду у подъезда собралось уже много людей в чёрной одежде.

Мама с папой держали меня под руки и помогли подняться по 54 ступенькам к квартире.

Увидев нас, Мансуре-ханум подошла ко мне и обняла.

– Фереште, дорогая, видишь, что случилось. Али тоже ушёл от нас, не увидев своего ребёнка. Али... Дорогой Али. Мой юный мальчик совсем не насытился жизнью...

Сзади к нам подошёл Насер-ага и обнял нас обеих. Сквозь слёзы он говорил:

– О Господи... Даруй нам терпение. Мы за всё благодарны тебе, Боже. Али, дорогой Али, мой сынок, куда ты ушёл?

Насер-ага плакал вместе с нами и говорил так, что у всех разрывались сердца.

– Произнесите салават Пророку Мухаммаду и помолитесь о том, чтобы святые Захра и Зейнаб наделили вас терпением, – сказала мама.

Насер-ага сел в углу, опустив голову на руки, а Мансуре-ханум не могла найти себе места, ходила по комнате и говорила:

– На чьё же плечо мне теперь положить голову? Али, кто же теперь будет меня успокаивать... Али, возвращайся! Скажи им всем, что это неправда, покажи, что ты меня не оставил, сынок... О Боже, моя жизнь пропала. Всё, что я имела, был Али, теперь и он ушёл.

Я кинулась в объятия матери и, рыдая, спросила у неё:

– Где он сейчас? Я хочу его увидеть.

– Его ещё не привезли... Сейчас он рядом со своими друзьями.

– Где он умер?

– В Ираке, в городе Мавут. Он подорвался на mine и вот уже несколько дней находится на западном фронте, где с ним прощаются товарищи.

Друзья, знакомые и родственники приходили к нам, чтобы выразить соболезнование. Все смотрели на нас с особым состраданием и не могли поверить в то, что, похоронив одного брата, через пять месяцев мы потеряли второго.

Ночью из Тегерана приехали Марьям, Ханум-джан и Хаджи-баба. Какие же тяжёлые минуты мы тогда делили друг с другом. Какой стон и плач наполнил стены той квартиры. Слёзы Мансуре-ханум и Насера-аги разрывали наши сердца на мелкие кусочки.

Какой же долгой и чёрной была та пятница...

* * *

В субботу утром один из друзей Али сообщил нам о том, что его тело привезли в Хамадан и забрали в пригород Марьянедж, где планировались траурные мероприятия.

Видя, что все собираются ехать туда, я не находила себе места и сказала:

– Я тоже поеду с вами!

– Нет, тебе не стоит, – ответила Мансуре-ханум. – Это вредно для ребёнка.

– Клянусь, мне не станет плохо, и я обещаю, что не буду плакать. Возьмите меня с собой. Я очень соскучилась по нему. Прошу...

– Давайте возьмём Фереште, – не выдержав моих слёз и просьб, сдался Насер-ага.

– Мама, – умоляла я, взяв мать за руки, – поддержи и ты меня. Сделай что-нибудь, чтобы и я смогла поехать. Клянусь, мне не станет плохо.

– Дорогая, я звонила разным врачам и спрашивала, не опасно ли водить беременных в подобные места. Все сошлись во мнении, что тебе не стоит ехать туда и видеть труп. Это опасно.

– Али – не труп, это не просто мёртвое тело. Он – герой, мученик!

– Хорошо... Поедем с нами, – сжалилась мама.

Опустив голову, я вышла вместе со всеми.

Гроб с телом Али тайно привезли в закрытый военный госпиталь, который находился за городом в пяти километрах от шоссе на Керманшах. На двух машинах мы въехали на зелёную, ухоженную территорию госпиталя и, проехав по бесконечно длинным и извилистым дорогам, оказались на месте, где были припаркованы машины скорой помощи, несколько легковых автомобилей КСИР и небольшой грузовик с холодильной камерой, из которого вытаскивали تابут.

Выйдя из машины, Насер-ага кинулся обнимать табут, в котором лежало тело его сына. Мама взяла меня за руку, когда открыли крышку табута.

– Боже, – закричала Мансуре-ханум, – да буду я жертвой за Тебя! Али, дорогой... ты вчера спал здесь?

Мама плакала и гладила меня по плечам. Я села слева от табута... Хаджи Садег обнимал голову Али, а Насер-ага и Мансуре-ханум держали его правую руку. Приподняв немного покрывало, я увидела левую руку Али, холодную и окровавленную. Сжав его ладонь, я вспомнила тот последний день, когда старалась запомнить, как выглядят его руки и пальцы. Как бы сильно я ни прижимала к себе руку Али, она оставалась всё такой же ледяной. На лице его лежала печать умиротворённости и спокойствия, на лбу была повязка, а волосы и борода были аккуратно кем-то расчёсаны и вымыты.

Мама нагнулась ко мне и сказала:

– Вставай, Фереште. Хватит.

– Я не плачу, – тут же ответила я, повернувшись к ней. – Всё в порядке.

Мансуре-ханум обернулась к солдатам и сказала:

– Так вы берегли Али? Посмотрите, мой сын со вчерашней ночи весь замёрз.

– Вставай, родная, – повторила мама. – Вставай. Сейчас холодно, и ты можешь заболеть.

Все вокруг плакали.

– Ну что, Али, – сказала я ему. – Успокоился? Ты добился своего. Теперь можешь спать спокойно. Семь лет ты не спал, и только сейчас, наконец, обрёл покой. Спи... Только мне больно от того, что ты не успел увидеть своего ребёнка. Ох... как было бы хорошо, если бы всё сложилось иначе...

Невольно я вспомнила о тех гранатах. Мне стало интересно, съел ли он их или, как обычно, кому-то отдал.

Мама взяла меня за руку и подняла с земли. Я не чувствовала ног, губы мои дрожали, а рука никак не могла согреться после прикосновения к смерти.

Людей, стоявших вокруг нас, я не знала. Все они были одеты в траурную чёрную одежду и плакали.

Мне не хотелось верить, что я больше не увижу Али. Он был уже где-то очень далеко, на какой-то высокой горе, с которой наблюдал за нами и оберегал. Я знаю, что он следил за тем, чтобы мне не было холодно и чтобы ребёнок был в безопасности.

– Пойдём, мама, – сказала я, и мы молча направились в сторону заснеженной горы, расположенной недалеко от места, где мы стояли.

Мне не хотелось верить в гибель Али и слышать от кого-либо эти слова. Однако ночью по центральному телевидению страны объявили о том, что в связи с мученической гибелью генерала Али Читсазийана воскресенье 29 ноября и последующие три дня объявляются траурными и нерабочими по всей провинции Хамадан.

Дома все родственники обсуждали траурное мероприятие и похороны Али. Было решено, что Хаджи Садег прочитает речь с трибуны, тогда как Насер-ага наотрез отказался это делать. Я решила, что мне тоже не стоит выходить на публику.

На следующее утро, в воскресенье, дома было очень много народа, люди с флагами и плакатами собрались, чтобы выразить свои соболезнования и провести траурный митинг перед подъездом. Я смотрела на них из окна, когда сзади из комнаты послышался голос:

– Привезли Али.

Машина скорой помощи заехала во двор. При виде табута, покрытого иранским флагом, я почувствовала, как задрожали мои ноги, и, чтобы не упасть, оперлась о стену. Слезы вновь наполнили мои глаза при мысли о том, что за год и восемь месяцев супружеской жизни с Али у нас так и не появилось своего дома. Часть наших вещей лежала в складском помещении в доме моих родителей, часть – в доме Хаджи Садега, а сумки с одеждой были у родителей Али.

Толпа скандировала:

– Йа Али! Али умер! Умер лев Божий!

От этих слов меня бросало в дрожь...

Никогда ещё на нашей улице не было такого количества людей. Из окон выглядывали головы плачущих соседей, и от атмосферы всеобщего горя становилось очень тяжело.

– Йа Хосейн! Йа Хосейн! – кричали вокруг.

Сердце моё разрывалось от боли, мне хотелось открыть окно и улететь куда-то в небеса, туда, где был Али и его павшие друзья.

Очень многие, несмотря на снег и лёд, пришли проводить Али босыми. Люди столпились вокруг табута, били себя в грудь и не переставая кричали:

– Йа Хосейн!

Затем табут вновь погрузили в машину скорой помощи, и все приготовились ехать на кладбище. Мы с мамой сели в один из автомобилей, и процессия тронулась в путь.

На улицах все дома, крыши, окна и магазины были завешаны чёрными полотнищами, флагами и фотографиями Али.

– Фереште, – обратилась ко мне мама. – Постарайся держать себя в руках на кладбище. Там есть как друзья, так и лицемеры. Будь мужественной и не показывай свою слабость.

Фотографиями улыбающегося Али были обклеены даже задние стёкла машин. Я видела его лицо, куда бы ни посмотрела, и никогда бы подумать не могла, что дорога до кладбища может быть такой долгой, хотя мы ехали коротким путём.

По пути водитель предупредил нас:

– Толпа людей собралась на площади имама Хомейни, откуда решено нести табут на руках.

Через некоторое время, когда мы приблизились к кладбищу, из громкоговорителя раздался голос Али. Боже, как невыносимо было думать о том, что хозяина этого голоса больше нет с нами!

«Неужели я больше никогда не увижу его?» – думала я. Я ведь так соскучилась по нему. Словно ребёнок, всегда желающий быть рядом с матерью, я зависела от Али.

Услышав голос брата, Марьям не сдержалась и тихо проливали слёзы.

Мы все запомнили Али сильным и стойким, и нам казалось, что сейчас он рядом с нами.

«Али, куда ты уходишь? Разве мы не договаривались, что купим себе дом через два года? Как же

теперь те вещи, которые мы покупали для нашего будущего дома? Для чего мы всё это делали? Ты ведь искал подходящее для нас место... Значит, смерть для тебя настолько значимее жизни. Мученическая гибель была настолько сладка для тебя, что ты так самозабвенно её искал, отдалившись от меня, от своего ребёнка и родителей, которых так любил. Откуда ты узнал, что смерть так сладка? Сколько тебе было тогда лет, и что ты чувствуешь теперь? Ты рад, обретая вечную свободу? Тогда почему же мне так плохо, почему я так мучаюсь? Почему не исчезает этот ком в горле и я не могу остановить свои слёзы? Скажи мне, неужели я настолько слаба?»

Погружённая в свои мысли, я не заметила, как мы подъехали к воротам кладбища, где столпилось огромное количество людей. Один из солдат подошёл к нашему водителю, а затем отправился открывать ворота. Въехав на территорию кладбища, мы вышли из машины и направились к лестницам, расположенным между двумя корпусами, где обмывали тела покойников.

На втором этаже было две комнаты, в одной из которых сидели командиры КСИР, представители Военно-воздушных сил Ирана, а также известные хамаданские деятели, имам пятничной молитвы и другие должностные лица. Когда я вошла в комнату для женщин, где уже сидели все родственницы, мне стало очень плохо, и мама тут же принесла мне стакан воды.

Хотя комната, в которую мы пришли, не имела окон, мы отчётливо слышали крики с улицы. Люди кричали:

– Наденьте ваши траурные одеяния! Умер Али! Умер Али!

Вскоре в комнату вошла молодая женщина, укутанная в чадру и полностью закрывавшая лицо.

– Прошу прощения, – сказала она. – Где жена мученика?

– Это я.

– Сестра, – сказала незнакомка, подойдя ко мне ближе, но всё ещё закрывая лицо чадрой, – вы тоже должны выступить с речью.

– Что? Речь? – взволнованно переспросила я. – Мне никто об этом не говорил.

– Ваше имя в списке. Вы выступаете сразу после брата погибшего.

– Почему же меня не предупредили заранее? – пробормотала я, а женщина, не услышав меня, вышла из комнаты.

Через некоторое время вновь включили аудиозапись выступления Али. Все женщины немного при встали, а Мансуре-ханум, содрогаясь, заплакала.

– Боже, да стану я жертвой за голос моего сыночка. Дорогой Али... Мой Али...

– ...Все ценности, – говорил родной голос из репродуктора, – имеются в мученике. Как же счастливы эти люди. Они – как ароматные цветы, которые срыгает Всевышний. Это избранные люди, которые живы для тех, кто продолжает их путь. Во имя героев берегите то, что дали вам на хранение...

– Боже! Да стану я жертвой, – плакала Мансуре-ханум. – Сынок, ты тоже был цветочком, который сорвал Всевышний. Ты всегда повторял, как счастливы мученики. Теперь мы должны сказать: «Как же ты счастлив, сынок! Как ты счастлив!»

Я подумала: «Дорогой, я не могу говорить так же красиво, как ты, и боюсь, что скажу что-нибудь неподобающее и этим опозорю тебя».

– Фереште, – сказала мне мама, протягивая листок бумаги и ручку, – запиши свои мысли, чтобы не забыть во время выступления.

В первый раз я выступала с речью, к тому же перед такой толпой людей. В то время я ещё даже диплом не защитила, чтобы иметь хотя бы малейшее представление о том, каково это.

«Что же мне сказать? Что написать? – думала я. – Дорогой, ты сам только что сказал, что герои живы для тех, кто продолжает их путь. Если ты сейчас рядом, прошу тебя, помоги мне».

Не успела я прикоснуться ручкой к бумаге, как в моей голове заплясали мысли. Мне казалось, что это тёплый голос Али диктует их мне. Он говорил, а я записывала за ним до тех пор, пока он не сказал: «Ас-саламу алайкум ва рахматтуллахи ва баракатух».

– Фереште, дорогая, – говорил мне голос любимого, – будь как святая Зейнаб.

Заплакав, я взмолилась:

– Помоги мне... помоги мне прочесть речь без ошибок.

Али улыбнулся в ответ, разогнав моё беспокойство и тревогу. Донёсся голос толпы с улицы:

– Во имя погребения мученика явись, Махди! Явись, Махди! Сегодня день траура, хозяином которого является Махди, повелитель времени!

Услышав эти крики, Марьям, Ханум-джан и Мансуре-ханум, здоровье которой в последние дни пошатнулось, заплакали сильнее.

– Мама, – в слезах умоляла Марьям, – тебе нельзя столько плакать. Эти переживания пагубно влияют на твои почки. Тебе ведь об этом говорил врач. Эти слёзы действуют на тебя как яд.

– Пусть будут ядом. Мне не нужен этот мир без Али, – рыдала Мансуре-ханум.

За криками толпы послышались звуки траурного оркестра, а затем голос чтеца Корана. В комнату вошла та самая женщина и сказала:

– Панахи-ханум, приготовьтесь. Вы выступите сразу после речи брата мученика.

От этих слов кровь застыла у меня в венах, а сердце забилося сильнее.

После выступления Хаджи Садега толпа скандировала:

– Аллаху Акбар! Аллаху Акбар!⁵³ Хомейни – наш рахбар! Смерть Саддаму! Мир и приветствие солдатам ислама! Мир и приветствие героям!

Мама встала и, произнося салават, проводила меня до балкона. Один из солдат отошёл в сторону, пропуская меня, и сказал:

– Прошу вас, Читсазийан-ханум.

Толпа продолжала выкрикивать:

– Йа Али! Умер лев Божий! Йа Хосейн!

На балконе, обращённом к толпе, стояло несколько должностных лиц. Я подошла к трибуне и, пока солдат поправлял микрофон, смотрела на людей, собравшихся на кладбище, у могилы аятоллы Али Масуми Хамадани⁵⁴ и на крышах мечетей. Ещё никогда я не видела столько людей на кладбище. Все они пришли попрощаться с любимым генералом.

⁵³ «Аллах Велик» (араб.) (прим. пер.).

⁵⁴ Аятолла Али Масуми Хамадани родился в 1957 г. Был очень набожным исламским апологетом и учеником шейха Абдулкарима Хаэри Йазди, основателя кумской семинарии. Во время пребывания в Хамадане, одновременно восстанавливая хамаданскую религиозную школу, он заложил фундамент её первой библиотеки. Скончался 22 июля 1978 г. в результате болезни

Два солдата держали плакат, на котором была фотография Али и надпись: «Дорогой Али, поздравляем тебя с мученической смертью».

Собрав волю в кулак, я начала:

– Во имя Аллаха, защищающего честь крови мучеников и помогающего угнетённым...

Произнеся эти слова, я почувствовала дрожь в голосе и в душе вскричала: «Али! Помоги».

– Я не считаю себя достойной того, чтобы стоять в этом священном месте и выступать с речью, мне лишь хочется оказать честь всем вам, кто пришёл сюда, чтобы проводить генерала Али Читсазийана...

Подняв голову, я увидела напротив себя плакат с фотографией улыбающегося Али и продолжила:

– ...Я также не считаю себя достойной быть женой такого сильного, храброго и добрейшего человека. Али всегда любил помогать сиротам. Мне рассказывали о том, что до отъезда на фронт они с товарищами нагружали машину различными продуктами, ехали в район Санг Сефид и оставляли эти продукты перед домами, где жили семьи, которым они заранее договорились оказать помощь. Сев в машину и быстро уезжая оттуда, они пару раз сигналили, давая знать жителям, что за воротами их ждёт подарок. Али был человеком, память о котором навсегда останется жить в сердцах близких, родных, друзей и товарищей, сражавшихся бок о бок с ним...

Толпа заплакала, и я сама изо всех сил старалась сдержать слёзы.

– ...Как к тому призывал имам Хомейни, я также прошу всех матерей, сестёр и жён отправить своих мужчин на войну с ложью и несправедливостью.

В это мгновение я вспомнила, как Али точно так же, стоя на этой трибуне после смерти брата, призывал

людей идти на фронт. В голове сразу послышался его голос: «Не делайте так, чтобы имам Хомейни был снова вынужден подняться на трибуну и просить вас идти на войну».

– ...Ваше присутствие в рядах бойцов ослепит наших врагов, и благодаря вам исламская армия одержит победу. Я искренне выражаю вам свою благодарность и заклинаю стать продолжателями пути мучеников. Ва-ссаламу алайкум ва рахматуллахи ва баракатух.

Мансуре-ханум стояла возле меня; мы взяли белые лилии и бросили их в толпу. Слова «Аллаху Акбар!», разнёсшиеся по рядам собравшихся, стали сотрясать всё кладбище. Среди этого шума плач и голоса нескольких человек разрывали мне сердце.

– Али-ага! Али-ага!

Когда мы вернулись в комнату, гул толпы не прекращался, люди продолжали бить себя в грудь и громко плакать. Зашла та самая женщина, что пригласила меня выступить, и сказала:

– Большое вам спасибо, Читсазийан-ханум. У вас была прекрасная речь.

– Я хочу во время похорон быть рядом с Али. Отведите меня к нему, пожалуйста.

– Людей сейчас так много, что даже высокопоставленные лица не могут подойти ближе. Друзья вашего мужа со вчерашней ночи копали могилу и натянули вокруг неё канаты, чтобы толпа не могла пройти. Но говорят, что эти канаты не выдержат такого количества людей. Один из сослуживцев вашего мужа, Илахи-ага, с утра читает в могиле зиярат «Ашура». Боюсь, что вы не сможете пройти туда.

– Как было бы хорошо, если бы Али похоронили рядом с братом, – вздохнула Мансуре-ханум.

– Хаджи-ханум, могила вашего сына вырыта рядом с могилой без вести пропавшего солдата. Отец этого солдата, чтобы успокоить жену, выкопал там могилу и установил надгробный камень с именем сына, чтобы жена и семья могли приезжать на кладбище и читать по нему молитвы. Эти люди подарили это место Али-аге и сказали, что для них большая честь отдать эту землю вашему сыну. По их словам, их сын тоже был бы этому очень рад. Хаджи-ханум, помолитесь за то, чтобы их сын вернулся домой и не был в числе погибших на войне.

– Боже, аминь! – сказала Мансуре-ханум, возведя руки к небу. – Господи, не оставь этих людей разочарованными в своей надежде увидеть сына живым. Обрадуй их сердца! Заклинаю тебя, Боже. Не дай их надежде пропасть, Господи. Пусть их ожидание завершится приездом долгожданного сына.

Заплавав, Мансуре-ханум продолжила:

– Амир, как же ты сейчас, должно быть, счастлив. Вставай! Сегодня у тебя гость, Али пришёл... твой брат пришёл.

Услышав эти слова, все в комнате заплакали и друг за другом стали выходить, направляясь к месту похорон Али. Как бы я ни уговаривала, мне не позволили пойти, поэтому я осталась в комнате вместе с мамой.

Как же долго тянулись те два-три часа, показавшиеся мне несколькими днями. На мои мольбы пустить меня хотя бы на последние минуты прощания с мужем мама лишь обнимала меня, держала за руки и читала суры из Корана. Я же, прислушиваясь к шуму на улице, пыталась понять, что там сейчас происходит. В какой-то миг я почувствовала, как замерло моё сердце, внутри как будто что-то сломалось, и, не выдержав, я пошла к выходу. Мама схватила меня за руку и оста-

новила у дверей комнаты, где я, больше не в состоянии сдерживаться, упала на пол и громко заплакала.

– Мама! Али! Али ушёл! Я почувствовала... он только что оставил нас!

Я положила голову на грудь плачущей матери и говорила:

– Мама, я больше никогда его не увижу! Его только что похоронили, и он приходил попрощаться со мной.

– Али, дорогой Али... прощай.

Через некоторое время за нами пришли Хаджи Садег, Насер-ага и другие мужчины с усталыми взглядами и в запыленной одежде. Мы все вместе спустились по лестнице на территорию кладбища, где по-прежнему было много людей, и направились к могиле Али. Нам рассказали, что нескольким друзьям Али, служившим вместе с ним, во время похорон стало плохо, и их увезли на машине скорой помощи.

«Али, – думала я, – ты достиг того, чего так сильно хотел, но у меня нет сил перенести эту печаль и одиночество...»

– Расступитесь! – крикнул кто-то из толпы, увидев нас. – Дайте пройти семье мученика.

Хаджи Садег взял за руку мать, Хамид держал за руку Марьям, а отец – маму.

– Дорогой, а кто теперь меня возьмёт за руку? На чьё плечо я положу свою голову? Как же быстро ты оставил меня одну... Мне ведь всего 19 лет.

Могилы Али была усыпана белыми лилиями. Закрыв лицо чадрой, я стояла возле места его захоронения и не могла поверить, что дорогой моему сердцу человек теперь там, под землёй.

«Нет, он сейчас не под землёй, – подумала я и посмотрела на небо. – Он смотрит на нас с небес. Али, где ты? Где мне тебя искать, милый?»

В этот момент я почувствовала тёплое прикосновение и обернулась, ожидая увидеть маму, но за мной никого не было. Вдруг перед глазами прояснился образ моего светловолосого и синеглазого Али с длинной бородой. Я всегда просила его остричь эту бороду, а он отвечал: «Нет, пока рано».

– Вот для какого дня ты отращивал свою бороду?.. – дрожа, вздохнула я.

– Фереште, – сказал мне Али, к теплу которого я так хотела прижаться, – прости меня. Цветочек мой, будь, как святая Зейнаб, живи, как она.

Увидев содрогающиеся от молчаливого и сдержанного плача спины Марьям и Мансуре-ханум, я стала размышлять о том, как мне вести себя, если я хочу быть подобной святой Зейнаб, и, прикусив губу, пошла к могиле Амира. Прочитав для него молитву, я попросила:

– Дорогой Амир, прошу тебя, позаботься там о моём Али.

И в этот момент я увидела, как перед нами проехала машина с фотографией улыбающегося Али.

– Вот ты и ушёл... – тихо сказала я.

Когда Насер-ага и Хамид подняли своих жён с земли, мама с папой тоже подошли ко мне, чтобы помочь встать.

– Мама, давайте ещё побудем здесь. Я не хочу так скоро уходить от Али.

Я вся дрожала от холода, в горле стоял ком, и мне так хотелось, чтобы меня оставили одну на кладбище рядом с Али, чтобы я могла вдоволь побыть с ним наедине и громко плакать. Я так хотела спросить у него:

– Дорогой, что значит – быть похожей на Зейнаб? Как я должна себя вести?

Позже нас посадили в машину, и я помню, как водитель включил на магнитофоне траурную песню со словами святой Зейнаб, которые она говорила после смерти имама Хосейна. Не выдержав, я закрыла лицо чадрой, положила голову на плечо мамы и тихо плакала, пока мы не приехали домой.

Глава 14

ЗВЕЗДА ОТЦА

На сороковой и даже на пятидесятый день мученической гибели Али траурные церемонии в память о нём проводили на территории всей провинции Хамадан. Первое время мы посещали их все вместе, но после второй недели на подобные мероприятия отправлялись Хаджи Садег и Насер-ага – вдвоём, а иногда по очереди.

Наступила пора приятных, а иногда и очень тяжёлых снов, которые порой видели друзья, соседи и родственники, приходившие делиться ими с нами. Слушать их рассказы было трудно, потому что от них усиливались тоска и боль в груди, но одновременно они были очень успокаивающими. Все видели Али на небесах в прекрасных одеяниях, и это говорило о том, что на том свете положение у него очень высокое и ему там хорошо. Единственное, что его там беспокоило, – это близкие ему люди, которые остались на земле, а в особенности – его мать.

После смерти сына здоровье Мансуре-ханум настолько ухудшилось, что после сорокового дня с гибели Али Хаджи Садег и Насер-ага были вынуждены отвезти её в Тегеран на обследование. Несмотря на лютый холод, отбивавший всякое желание выхо-

доть на улицу, я решила собрать свои вещи и, тепло укутав Мухаммада Али, вернулась в родительский дом.

Мама с папой, как обычно, встретили меня радушно и всячески поддерживали. Там, у них дома, мне становилось легче, так как казалось, что Али всё ещё находится на фронте и скоро вернётся.

Долгими зимними вечерами мы получали новости из Тегерана о том, что состояние Мансуре-ханум очень нестабильное. Киста в её почке увеличилась и мешала нормальному функционированию органа. Врачи сказали, что в данном случае выход для поддержания работы почек только один – диализ.

* * *

Однажды ранним вечером мы сидели дома, я смотрела в окно на падающие хлопья снега, а мама взяла одежду для Мухаммада Али.

– Фереште, – обратился ко мне отец, сидевший вместе с нами в гостиной, – чем ты планируешь заняться дальше?

– Как? – удивлённо ответила я. – Конечно, я хочу вырастить сына.

– И всё?

– Целую жизнь нужно посвятить тому, чтобы вырастить Мухаммада Али.

– Фереште, – сказала мама. – Мы думаем, что тебе нужно продолжить обучение.

– У меня уже нет прежнего терпения и усидчивости для уроков. Тем более, как я смогу учиться, имея маленького ребёнка?

– Мы поможем тебе, но ты должна учиться.

– Хорошо, – сказал папа, посмотрев на нас обеих, – допустим, ты пошла учиться. А что дальше?

Догадавшись, на что намекал отец, я заплакала, подошла к Мухаммаду Али, лежавшему в кровати в углу комнаты, и сказала:

– Больше ничего... Моя жизнь закончилась...

Собираясь выйти из комнаты, я обернулась и спросила:

– Папа, ты помнишь, что ты сказал Али в день свадьбы? Ты сказал, что даже один день жизни твоей дочери с настоящим мужчиной лучше целой жизни с недостойным человеком. Один год и восемь месяцев пролетели, как ветер, и были для меня словно один день, который я прожила с настоящим мужчиной. Вот и всё... Я не думаю, что на свете есть кто-то, похожий на Али.

Затем, невольно посмотрев на обручальное кольцо у себя на пальце, я с тоской в голосе спросила у отца:

– Ты знаешь кого-то мужественнее, чем Али?

Отец поднялся с места, подошёл ко мне с красными от слёз глазами и, обняв, ответил:

– Нет, дорогая. Клянусь... не видел никого. Али был самым достойным и смелым мужчиной.

Обнимая отца, я смотрела на своё обручальное кольцо и в мыслях унеслась в день нашей свадьбы.

– Фереште, – сказал отец, – помни, что мы с твоей мамой всегда рядом с тобой и твоим сыном.

Услышав наши голоса и плач, проснулся Мухаммад Али. Мама, вытирая слёзы, подбежала к нему и, поцеловав, взяла на руки. Отец медленно, в раздумьях отошёл к окну и, увидев наш покрытый снегом двор, сказал:

– Весной я начну достраивать в доме второй этаж для тебя. Говори мне о всех своих нуждах и ни о чём не переживай, пожалуйста. Мы всем обязаны тебе, Али и нашему внуку.

* * *

На следующий год сразу с наступлением весны отец привёл нескольких рабочих, построивших на втором этаже спальню, кухню и ванную комнату. Остальная часть помещения превратилась в дворик. Когда Мухаммад Али подрос, мы часто проводили там время, смотрели на небо и говорили о его отце.

– Мама, а где сейчас папа?

– Он отправился в Богу, сынок.

– Но почему он не приходит ко мне?

– Потому что он смотрит за нами и бережёт нас сверху.

– Но ведь ты говорила, что нас бережёт Бог и бабушка с дедушкой.

Не найдя слов, чтобы ответить сыну, я, как обычно, поменяла тему.

– Ты видишь эту звезду на небе?

– Да! – радостно ответил мой мальчик.

– Это твой отец.

Осчастливленный Мухаммад Али попытался допрыгнуть до звезды, чтобы обнять отца и прикоснуться к нему, но, видя, что у него ничего не получается, заплакал. Я крепко обняла сына и гладила, вдыхая его запах, так напомилавший мне запах Али.

Очень часто Мухаммад Али, которого мы иногда называли просто Али, засыпал в слезах и с мыслями об отце...

Глава 15

СНОВА ШКОЛЬНИЦА

В 1988–1989 годах я вернулась в старшие классы, которые не смогла окончить в 1986 году из-за свадьбы и отъезда в Дезфуль. Мама стала реже ходить в цех и по утрам, когда я была на занятиях, оставалась с Мухаммадом Али.

Директор училища «Тахзиб»⁵⁵, где я училась, для удобства учителей, у которых были маленькие дети, оборудовал в одной из комнат здания подобие детского садика. Поэтому иногда по утрам у меня появлялась возможность, вставая раньше всех, привозить Мухаммада Али вместе с собой в училище. Я оставляла его у воспитательницы и мчалась на уроки, а во время обеда прибегала к нему, чтобы проверить, всё ли у него хорошо. В течение года я делала это скрытно, чтобы одноклассницы не узнали о том, что я была замужем и уже имела ребёнка. В будущем, чтобы избежать неудобных для меня разговоров, я просто перевела его в другой садик, располагавшийся дальше от нашей школы.

⁵⁵ В Иране ученики старших классов (10, 11, 12) учатся в училищах, закончив которые, получают сертификаты о какой-либо специальности, которую они выбрали во время обучения (*прим. пер.*).

Когда Али исполнилось четыре года, я получила аттестат преподавателя младших классов и по настоянию мамы, сдав экзамены, устроилась учительницей в медресе для мальчиков, которое называлось «22-е бахмана»⁵⁶.

⁵⁶ 22 бахмана (11 февраля) 1979 г. – день победы Исламской революции в Иране (*прим. ред.*).

Глава 16

ЗА ДЕРЕВЬЯМИ

16 августа 1995 года Мансуре-ханум уже несколько дней после сердечного приступа находилась в больнице «Экбатан», куда мы с мамой приехали, чтобы проведать её.

Встретив нас у входа, взволнованная и испуганная Марьям сказала:

– Ваджихе-ханум, Фереште... маме совсем плохо. Ей очень нездоровится. Ради Бога, помолитесь за неё.

Марьям указала нам путь в палату, где лежала Мансуре-ханум, а сама осталась в холле. Увидев Мансуре-ханум в отделении реанимации и интенсивной терапии, мы с мамой сильно забеспокоились. Она лежала в постели, подключённая к различным аппаратам и капельницам, очень исхудавшая и бледная. Справа от кровати находился небольшой компьютерный монитор, на котором отслеживалось биение сердца Мансуре-ханум. На экране постоянно мелькали числа: 200, 100, 180, 105.

Я взяла Мансуре-ханум за руку и почувствовала ледящий холод. Печально покачав головой, мама достала из сумки Коран, который всегда носила с собой, и сказала:

– Фереште, пожалуйста, принеси стакан воды.

Я подошла к холодильнику, рядом с которым стоял стеклянный графин, и, налив воды в стакан, принесла маме. Мансуре-ханум медленно открыла глаза и, увидев меня, спросила:

– Фереште, дорогая, как ты? Как Али? Где он? У вас всё хорошо?

– У нас всё хорошо. Как вы себя чувствуете? Я хотела взять Али с собой, но, решив, что его могут не пустить, передумала. Сегодня поговорю с заведующим отделением и завтра непременно привезу его к вам.

Мансуре-ханум закрыла глаза, из уголков которых потекли слёзы.

– Умерев, я смогу увидеть Амира и Али...

– Не дай Бог, Мансуре, – ласково ответила мама. – Они оба сейчас стоят тут, рядом с тобой, один – слева, а другой – справа. Они помогают тебе и хотят, чтобы ты поскорее поправилась. Скоро и Али вырастет, купит машину и будет возить нас куда-нибудь покататься. Нельзя терять надежду. Дай Бог тебе долгих лет жизни.

– Нет, – вздохнула Мансуре-ханум. – Хватит уже. У меня больше нет сил переживать разлуку со своими детьми, которых я не видела уже восемь лет. Я очень по ним тоскую и хочу уйти.

Сказав это, Мансуре-ханум снова закрыла глаза и тихо заплакала, а мама окунула четыре угла Корана в стакан воды и, протянув стакан мне, сказала:

– Намочи салфетку в этой воде и оботри губы Мансуре-ханум.

Я сделала так, как она сказала, а затем по указанию мамы взяла другую салфетку, которую также намочила в освящённой воде, и протёрла ею ноги Мансуре-ханум.

– Мама, почему ноги такие ледяные? – беспокойно спросила я.

Мама же, ничего мне не ответив, но как будто догадываясь о том, что происходит, открыла Коран и, положив руку на грудь Мансуре-ханум, начала читать. В этот момент я посмотрела на монитор... 30, 25, 20, 32... Кардиограмма постепенно превращалась в прямую линию.

На лице Мансуре-ханум выступили маленькие капли пота, руки её, казалось, стали ещё ледянее. Услышав её всхлипывающее дыхание и беспокойно посмотрев на маму, я выбежала из палаты, отчаянно крича:

– Помогите! Медсестра! Моя свекровь... ей плохо!

Несколько медсестёр вбежали в палату к Мансуре-ханум. Мама, отойдя в сторону, продолжала читать Коран. Мне стало настолько трудно дышать, что казалось, будто кто-то держит меня за горло и сжимает сердце. Мир сделался крохотным и таким незначительным...

– Господи... Неужели так рано эта женщина покинет этот мир?

Казалось, я больше не видела медсестёр и того, что происходит вокруг, стены палаты начали сдвигаться... Я посмотрела в окно и за ветками зелёных деревьев увидела силуэты Амира и Али. Они были там... и смотрели на нас с небес.

«Неужели Мансуре-ханум покидает нас?» – думала я.

Медсёстры вывели нас из палаты, прибежали доктора, а мы с мамой, стоя в коридоре, смотрели, как с помощью разрядов тока кардиологического дефибрилятора врачи пытались стимулировать сердцебиение Мансуре-ханум.

Но через некоторое время на наших глазах с неё стали медленно снимать все провода и отключать аппараты...

Глава 17

ЯЗВА

После смерти Мансуре-ханум годы текли так же быстро, как и раньше, но с особой для меня тоской и тяжестью. После того, как она ушла от нас, я стала чувствовать себя ещё более одиноко.

В конце каждой недели мы с сыном приезжали навестить Насера-агу и Хаджи Садега, которые после смерти Али стали жить в одном доме, и всегда спрашивались о здоровье Хаджи Садега, которому из-за наследственного заболевания сделали пересадку почки. Хотя мы и продолжали приезжать к ним в гости после смерти Мансуре-ханум, после её ухода возникло необъяснимое ощущение, будто порвалась какая-то нить, прочно связывавшая нас прежде.

В 1998 году в возрасте 11 лет Али начал испытывать боли в желудке и тошноту, из-за чего мы стали водить его по врачам. В результате эндоскопии, УЗИ и рентгеновского обследования выяснилось, что у него язва двенадцатиперстной кишки. Узнав об этом, мы с мамой очень испугались и пришли в полное недоумение от того, как у нашего мальчика, за которым мы так внимательно следили и ухаживали, могло возникнуть подобное заболевание.

Близилась очередная годовщина гибели Али. Он погиб 25 ноября и был похоронен 29 ноября. В течение

этих пяти дней мы проводили в честь него траурные мероприятия. Мама, как обычно, была занята приготовлениями на кухне, а я убиралась дома. В это время сын пожаловался на нестерпимо сильные боли в животе и не мог пить даже воду. Из-за похода к врачу нам пришлось отложить проведение наших традиционных поминок.

Я отвела сына в клинику, где врачи, посмотрев снимки, сказали, что его нужно срочно отвезти в Тегеран для получения окончательного заключения. Я одолжила у подруги мобильный телефон, так как не у всех в те времена были личные телефоны, и, сев в междугородний автобус, мы поехали в Тегеран по адресу, который дал нам врач. На протяжении всей поездки Али ничего не мог есть и испытывал сильную тошноту, но, несмотря на боль и тяжёлое состояние, постоянно успокаивал меня:

– Мама, не переживай. Всё будет хорошо.

Какой же трудной была та шестичасовая поездка в Тегеран, показавшаяся нам целой вечностью. Али не мог сдерживать рвоту и пачкал одежду, которую я бесконечно ему меняла.

Поздно ночью добравшись до Тегерана, мы поехали в гостиницу, расположенную недалеко от больницы. Али забрали в отделение скорой помощи как неотложного больного и, сделав анализы, выдали список лекарств, которые необходимо было купить. Папа отправился в аптеку, а мы с Али вернулись в гостиницу, где у него через некоторое время температура поднялась выше 40 градусов. Что бы я ни делала, я не могла её сбить. Собрав в номере все простыни и наволочки, я намочила их в холодной воде и обложила ими Али. Папа, как назло, где-то задерживался и долго не возвращался.

Глядя на измученного сына, который уже больше не разговаривал со мной и не успокаивал, а лежал, закрыв глаза, я, не сдержавшись, заплакала. В отчаянии и не понимая, что мне делать, я позвонила в скорую помощь.

– Прошу вас, помогите. Моему сыну плохо, – в панике говорила я.

– Что у него болит?

– У него очень высокая температура.

– Попробуйте сделать ему компрессы. К сожалению, мы не можем выехать лишь по причине температуры у больного.

– Я очень прошу вас... – плакала я. – Помогите. Я не знаю, что делать.

Через 15 минут скорая приехала. Врач сделал Али уколы обезболивающего и жаропонижающего, но температура не упала.

– Если ему не станет лучше, то вам стоит отвезти его в больницу, – сказал врач. – Я думаю, что там его возьмут в стационар.

После того, как скорая уехала, я вновь стала вытирать ноги Али мокрым полотенцем, а отца всё ещё не было. Абсолютно потеряв голову от переживаний, я в первый раз за многие годы в тоске застонала:

– Али! Где ты?! Заклинаю тебя всем, что тебе дорого! Во имя святой Фатимы аз-Захры сделай что-нибудь. Знаю, что все мы на этой земле грешные, но сейчас ты мученик и находишься на небесах, Бог услышит твои просьбы. Помнишь, как ты хотел, чтобы поскорее родился наш ребёнок, и как торопился узнать, кто это, чтобы дать имя. Так вот... мы дали ему твоё имя. Али, мы теряем нашего ребёнка! О Боже, сделай что-нибудь! Али! Умоляю тебя! Ты всегда всем помогал, так помоги сейчас своему родному сыну! Самое заветное

его желание – увидеть тебя в небе, среди звёзд. Али... молю тебя, спустись к нам и помоги. Али! Али... Я хочу лишь, чтобы наш ребёнок выздоровел.

Не зная, что ещё сказать, я лишь воздела руки к небу и в слезах повторяла:

– Али.. Али.. Али-и...

Не знаю, сколько времени прошло; я легла рядом со спящим сыном и горько плакала, слыша его тяжёлое дыхание. Вдруг, через некоторое время прикоснувшись к его лбу, я почувствовала, что температура начала спадать. Собравшись с силами, я накинула одежду для намаза и стала молиться. Не знаю, сколько ракатов намаза я тогда совершила и сколько молитв прочитала, но точно помню, как после каждой молитвы я подолгу припадала к земле и говорила:

– Али, дорогой, ты же всегда просил меня быть такой же, как святая Зейнаб, и призывал продолжить её путь. Ради Бога и ради тебя самого я буду продолжать жить, как она. Я никогда не буду жаловаться на то, что с нами случилось, не буду обращать внимание на трудности и тяготы.. Я всё ещё люблю тебя и бережно храню наши воспоминания. В сердце моём живёшь только ты, моя единственная радость и успокоение. Наш сын – моя память о тебе, которую я все эти годы бережно хранила, не позволяла никакой тёмной тени пасть на неё. Наш сын – часть тебя. Али, дорогой, прошу: попроси Бога вернуть мне нашего сына. Я знаю, что никто не любит нас так, как ты, и всю жизнь была тебе верна. Прошу тебя исполнить этой ночью мою просьбу. Где же сейчас твоя ласковая и заботливая рука? Я очень скучаю по тебе... Мне очень больно!

В ту ночь я плакала столько, сколько плачут люди на протяжении всей жизни. Моё сердце не выдерживало боли, с которой я смотрела на мучающегося

сына, уже два месяца из-за болей не ходившего даже в школу. Снова присев к нему, я положила руку на его живот и, поцеловав, сказала:

– Али, я вверяю тебе нашего ребёнка и уверена, что, если бы ты был жив, ты не просто, как все отцы, беспокоился бы о своём сыне, а был бы к нему очень внимателен и заботился бы о нём.

* * *

На следующий день перед визитом к врачу, к которому мы были записаны, Али сделали компьютерную томографию, во время которой из кабинета меня позвала взволнованная медсестра. В испуге я помчалась к сыну и увидела, что его снова вырвало и он сидел в грязной одежде, абсолютно обессиленный.

– Давай поменяем одежду, сынок. Скоро это пройдёт, не переживай.

– Мамочка, мне стало лучше. Боль уменьшилась.

В день годовщины гибели Али мама постоянно звонила мне, рассказывала о том, как проходит траурная церемония, и спрашивала о самочувствии внука.

– У нас всё хорошо, Фереште. Все уже пришли и читают молитву «Тавассуль». Вот, послушай...

И из телефона донеслись голоса женщин, нарастающе читавших молитву.

В те минуты я особенно отчётливо ощущала присутствие мужа рядом. Он сидел между мной и сыном и разговаривал со мной.

– Фереште, – говорила мама, – держи в душе намерение во время прочтения этой молитвы!

– Следующий! Госпожа Читсазийан, проходите к доктору, – позвала медсестра.

Доктор Мелекзаде, к которому мы пришли, был ведущим гастроэнтерологом Ирана и большим специ-

алистом в своём деле. Я положила ему на стол папку с историей болезни сына и анализами, но, посмотрев на неё, он сказал:

– Ханум, меня не интересует эта папка. Пожалуйста, подготовьте больного. Сейчас мы ещё раз сделаем эндоскопию в соседней палате.

Заплатив 50 тысяч туманов, что в те времена являлось большой суммой, я подготовила сына к очередной процедуре. Несколько медсестёр подошли к Али и, взяв под руки, повели в другую комнату. Через некоторое время из того помещения раздался голос врача:

– Приведите сопровождающую больного!

Али опять стошнило во время процедуры. Снова переодевая сына, не в силах сдерживаться, я плакала и мысленно разговаривала с мужем:

– Али, дорогой, я же вчера тебя столько просила... Неужели тебе нас совсем не жалко? Ты так жалел иракских пленников, когда отдавал им свою куртку, чтобы им не было холодно... Смотри... Смотри, как сейчас мучается твой родной ребёнок. Мы его теряем, Али... Я знаю, что ты далеко, где-то наверху, и тебе, наверное, незачем о нас думать...

– Читсазийан-ханум, – обратилась ко мне молодая худенькая медсестра с миловидным лицом, – не переживайте так. Не произошло ничего страшного. Всё будет хорошо.

Ласковый высокий голос этой девушки успокоил меня, и я вышла из процедурного кабинета, как вдруг снова зазвонил телефон. Это была мама.

– Фереште, мы сейчас читаем молитву «Джаушан кабир». Ты тоже читай вместе с нами.

Из моих глаз потекли слёзы. Как же мне тогда стало тоскливо, и как не хватало Али рядом. Я так

нуждалась в его сильных руках и мужской поддержке. Он всегда был сильнее меня.

– Али, как же рано ты оставил меня одну. Если бы ты сейчас был рядом, мне было бы намного легче. Ты учил меня уповать на Всевышнего... Али, ты ведь рядом? Прошу тебя, если ты здесь... дай о себе знать, явись мне и скажи, что я ещё не вдова. Скажи, что ты не покидал нас и что мученики не умирают, они на особом положении перед Богом. Скажи, что ты всегда рядом и никогда не оставишь нас одних. Скажи о том, как переживаешь за своего сына и как любишь его. Скажи, как ты любишь меня... Али, дорогой, молю тебя указать мне сегодня путь. Я не знаю, как мне быть. Покажись мне...

Вдруг тот же самый нежный голос медсестры прервал мои мысли:

– Читсазийан-ханум, вас зовёт к себе врач.

Я вошла в кабинет эндоскопии, где Али ещё лежал на процедурной кушетке, и посмотрела на доктора, сидящего за письменным столом. Серьёзным и невозмутимым голосом он начал:

– Читсазийан-ханум, у вашего сына нет ничего страшного. В области кишки есть небольшое воспаление, которое можно с лёгкостью ликвидировать при соблюдении простой диеты. Я всё распишу вам. Самое главное, что вам нужно знать, это то, что необходимо избегать сырых овощей и фруктов. Нельзя употреблять злаковые культуры и жидкие супы, разнообразные виды продуктов быстрого питания, зелень и специи... Я выпишу ещё два лекарства, которые также следует принимать в течение двух месяцев.

– Доктор, – сказала я, боясь радоваться и не веря своим ушам, – но в Хамадане по результатам эндоскопии несколько врачей диагностировали моему сыну

язву двенадцатиперстной кишки и настаивали на том, что ему необходимо сделать операцию.

– Да, Читсазийан-ханум, – сказал доктор, беря в руки папку с историей болезни Али и кладя передо мной, – эти анализы подтверждают наличие язвы, но я верю результатам своей эндоскопии. Как вы думаете, чему мне стоит верить больше: своим глазам или этой папке?

– То есть вы говорите, что врачи в Хамадане ошиблись или спутали наши анализы?

– Нет, ни в коем случае. Я не говорил такого, однако мы основываемся на анализах, которые проводим сами и которые провели сегодня. Неправильно было бы полагаться на результаты эндоскопии месячной давности.

Больше мне нечего было сказать. Мне лишь всем сердцем хотелось поверить словам доктора Мелекзаде и более ни в чём не сомневаться. Я тут же обняла и поцеловала сына, абсолютно не волнуясь о том, что говорили врачи в Хамадане. Важно было лишь то, что мой сын скоро выздоровеет и что Али защищал нас и оберегал. Я не была вдовой... Я чувствовала, что мой муж, как гора, уверенно стоит за нами и заботится о нас. Мой сын не был сиротой, у него был ласковый отец, который всегда следил за ним. Я испытывала необъяснимое чувство райского счастья от того, что Али ответил мне.

Я крепко обняла сына и вдыхала его запах, который так напоминал мне запах Али, и, закрыв глаза, губами прикоснулась к обручальному кольцу, которое никогда не снимала.

Литературно-художественное издание

Военная проза

Зарабизаде Бехназ

ГОЛЕСТАН, 11

**Воспоминания Захры Панахирава,
супруги генерала Али Читсазийана**

Редактор: *Т.Г. Ханина*

Верстка: *И.Т. Картвелишвили*

Корректор: *Н.В. Азарова*

Дизайн обложки: *И.Т. Картвелишвили*

В оформлении обложки использовано изображение
Ulrike Mai с сайта Pixabay

Подписано в печать 19.04.2019. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура CharterITC. Печать офсетная.
Объем 16 печ.л. Тираж 500 экз. Заказ №

ООО «Садра»

www.sadrabook.ru

بهناز ضرابی زاده

گلستان یازدهم

خاطرات زهرا پناهی روا

همسر سردار شهید علی چیت سزایان

ترجمه: زهرا کریم اوا

ویراستار ادبی: تاتیانا خانینا

تصحیح: نینا آزارووا

طراح جلد: ایرینا کارتولیشویلی

انتشارات صدرا روسیه

مسکو

۲۰۱۹